

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГЕОСИСТЕМ И ТЕХНОЛОГИЙ»
(СГУГиТ)

XIII Международные научный конгресс и выставка

ИНТЕРЭКСПО ГЕО-СИБИРЬ-2017

Международная научная конференция

ГЕОПРОСТРАНСТВО В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

Т. 1

Сборник материалов

Новосибирск
СГУГиТ
2017

УДК 3
С26

Ответственные за выпуск:

Доктор исторических наук, профессор,
кафедра правовых и социальных наук СГУГиТ, Новосибирск
М. Н. Колоткин

Доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой правовых и социальных наук СГУГиТ, Новосибирск
В. Г. Кичеев

С26 Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2017. XIII Междунар. науч. конгр., 17–21 апреля 2017 г., Новосибирск : Междунар. науч. конф. «Геопространство в социогуманитарном дискурсе» : сб. материалов в 2 т. Т. 1. – Новосибирск : СГУГиТ, 2017. – 160 с.

ISBN 978-5-906948-20-5 (т. 1)

ISBN 978-5-906948-19-9

ISBN 978-5-906948-11-3

В сборнике опубликованы материалы XIII Международного научного конгресса «Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2017», представленные на Международной научной конференции «Геопространство в социогуманитарном дискурсе» (секции «Социогуманитарные проблемы развития общества», «Пространство языка и языки пространств в филологическом и лингводидактическом аспектах»).

Печатается по решению редакционно-издательского совета СГУГиТ

Материалы публикуются в авторской редакции

УДК 3

ISBN 978-5-906948-20-5 (т. 1)

ISBN 978-5-906948-19-9

ISBN 978-5-906948-11-3

© СГУГиТ, 2017

Сборник включен в систему РИНЦ.

СБЫВАЮТСЯ ЛИ МЕЧТЫ?

Людмила Игоревна Горохова

Лаборатория ГНСС-технологий и навигации. Институт прикладных исследований Технического университета Карлсруэ, 76133, Германия, г. Карлсруэ, Moltestrasse, 30, научный помощник, тел. (+49)160-70-69-563, e-mail: lyudmila.gorokhova@gmail.com

Ирина Владимировна Парко

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, и. о. директора в УНЦ «Планетарий», тел. (913)959-17-30, e-mail: iparko@yandex.ru

В статье рассматриваются основные отличия учителя школы от популяризатора науки, приводятся размышления на тему возвращения астрономии в список школьных дисциплин, освещаются проблемы, которые могут возникнуть в процессе работы в этом направлении.

Ключевые слова: популяризация науки, планетарий, обсерватория, астрономия, школа.

DO THE DREAMS COME TRUE?

Lyudmila I. Gorokhova

Laboratory of GNSS technology and navigation. Institute for Applied Research of the Technical University of Karlsruhe, 76133, Germany, Karlsruhe, Moltestrasse, 30, a research assistant, tel. (+49)160-70-69-563, e-mail: lyudmila.gorokhova@gmail.com

Irina V. Parko

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 630108, Russia, Novosibirsk, 10 Plakhotnogo St., Acting director of the UC «Planetarium», tel. (913)959-17-30, e-mail: iparko@yandex.ru

The article considers the general differences between teacher in school and the populariyator of science, argues about the return of astronomy in list of school subjects, lighting problems which can appear during the work in that direction.

Key words: popularization of science, planetarium, observatory, astronomy, school.

«Вернётся ли к нам красивейшая из наук?», 2013 – Вернётся!, 2017

Об актуальности и необходимости астрономической науки для нормального развития общества и качественного воспитания достойных новых поколений говорилось и говорится немало. Почему это нужно? Ответ лежит на поверхности и открывается при первом взгляде на общество в целом. Из людей что-то ушло, чего-то не хватает. В апреле 2013 года, в рамках проведения международного конгресса и выставки Interexpo Geo-Siberia 2013 в Новосибирске, был организован круглый стол о проблемах популяризации астрономии и её возвращения в ряд школьных дисциплин. Это была первая попытка собраться и поговорить о тех проблемах, которые есть и требуют обязательного решения. Попытка,

которая на тот момент ничем конкретным не завершилась и ни к каким глобальным переменам не привела, но была важна уже одним своим появлением на свет. Тогда, по итогам заседания и всех высказанных мыслей, можно было сделать вывод – «Ожидать, что после многочисленных обращений в правительство и в органы образования, астрономия может в ближайшие годы снова войти в школьную программу, скорее всего не стоит». Однако, спустя всего 3 из этих ближайших лет, у астрономического сообщества России появился шанс что-то реально изменить. Но готовы ли мы к воплощению наших желаний? С момента вывода астрономии из списка школьных предметов прошло больше 10 лет. Это небольшой срок, но каким критичным он оказался. Одномоментно были утеряны наработки и заслуги предшествующих поколений, забыты мировоззренческие основы, затуманены взоры людей, размыты многие представления. Всё это время, силами российского астрономического сообщества и его коллег по всему миру велась объёмная работа по поддержанию интереса к небу над нашими головами. Большое счастье, что нашлись люди, в нужный момент не позволившие слабому огоньку истины погаснуть окончательно и навсегда. Возвращение астрономии было целью, стремлением, смыслом. Работа эта, в большинстве своём, всё-таки разрозненная и независимая для каждого отдельно взятого региона или города. Она была и остаётся такой на сегодняшний день. Но давайте, в очередной раз, вспомним о том, что на всю необъятную и горячо любимую нашу родину, на сегодняшний день работает всего 49 планетариев. Вспомним и задумаемся. 49 куполов на более чем 146 миллионов человек! Статистика печальна, но неумолима. Не будем брать сейчас в расчёт обсерватории, поскольку это уже несколько иной способ контакта между человеком и астрономией как наукой. Как и любой другой вид деятельности процесс популяризации можно классифицировать и разложить в иерархическом порядке. Порядок этот напрямую зависит от основного рода деятельности, которой занимается каждое отдельно взятое учреждение. Обобщённо, эту иерархию можно представить в виде цепочки «учёный — обсерватория — популяризатор - планетарий — слушатель». Все элементы не случайно выстроены именно в таком порядке. Не будем забывать, что открытие само по себе, каким бы оно ни было, делает человек. Именно в человеческой голове рождаются все идеи, гипотезы, догадки. Чтобы приобрести физическую форму, им нужны какие-то инструменты в руках человека. В нашем случае, это оборудование обсерваторий, которое позволяет наблюдательными методами подтвердить или опровергнуть ту или иную догадку учёного. Что дальше? Дальше полученные знания должны быть переданы людям. Но как? В предыдущих статьях немало говорилось о том, что разрыв между наукой и обществом колоссален. В этой ситуации нагрузка лежит исключительно на плечах популяризаторов. СобираТЕЛЬный герой, олицетворяющий всех популяризаторов страны, знакомится с открытиями учёного, посетив обсерваторию, или встретившись с гением лично, или прочитав его научный труд. Всё тот же герой должен найти такие слова, которые помогут изложить всю суть максимально подробно и понятно. Но слова, повисшие в воздухе, для людей, которые

не тратят каждый день своей жизни на разгадки тайн Вселенной, это всего лишь слова и, оставаясь интересными на протяжении лекции, они быстро забудутся после её окончания. Чтобы усилить их эффект, повысить ценность, показать философскую глубину и масштабность их значения, нашему собирательному персонажу тоже нужны инструменты. Что-то яркое, захватывающее дух, красочное, заставляющее задержать дыхание. Таким инструментом второго уровня взаимодействия науки и человека является планетарий. Как мы хорошо знаем из истории развития планетариев, всё начиналось с оптико-механических приборов, дающих точную копию звёздного неба, прямо под крышей вашего «дома». Это, без лишней лести, ювелирная работа, приближающая наблюдательные методы к любителям, открывающая колоссальные возможности для изучения неба не профессионалами. Но с развитием технологий постепенно стало понятно, что люди хотят большего. И на этом основывается ещё одна проблема. Почему так произошло? Одного, пусть даже и невероятно качественного, планетария, за который сердце любого астронома-любителя или профессионала, переполняется гордостью, теперь уже недостаточно для простого обывателя. Людям нужен экшн, нужны краски, причём краски более зрелищные, но в то же время, простые, не заставляющие вдумываться. Этот факт нельзя пропускать мимо глаз и он хорошо был замечен на плотности посещения малого Планетария, до и после открытия Большого планетария в Новосибирске. Люди хотят смотреть интересное кино и это главное, что движет основной массой посетителей. В таких условиях популяризатору, если он, кроме проекторного зала, не имеет никаких других видов деятельности, или если наоборот, у него в распоряжении только оптико-механический прибор, сложно заниматься реальной популяризацией, его КПД резко пойдёт вниз. Причина тому — нежелание людей вдумываться и следить за мыслью лектора. Почему так? Корни проблемы берут своё начало в уже упомянутой ранее ситуации — астрономии в школах нет. Если представить себе возвращение астрономии уже состоявшимся фактом не трудно догадаться, что базовые знания дети будут получать уже в школе. Оттуда они будут выносить для себя первые основы об устройстве мира вообще и, к примеру, нашей Солнечной системы в частности. Чем тогда должен заниматься популяризатор? Здесь мы подходим к основному вопросу — где грань между учителем и популяризатором и чем эти два человека принципиально отличаются друг от друга?

Сейчас, в момент, когда власть готова оказать поддержку и сама разворачивается в благоприятном для нас направлении, очень важно не упустить этот шанс. Именно сейчас наступает та минута, когда популяризаторы должны активизировать все свои силы, чтобы вывести ракету общественного знания на новую ступень. Но, задумываясь о грядущих переменах, о том времени, когда школьники вновь возьмут в руки учебники по астрономии, нельзя забывать и о том, что популяризаторы науки тоже должны будут меняться и расти. Готовы ли они к этому? Осознают ли, что достижение цели — это не конец, а начало ещё более ответственного и сложного пути — пути соответствия и поддержки? Ведь, на этом этапе, поддержка очень важна. В первую очередь потому, что в рамках

того количества часов, которые может получить астрономия в школьном учебном плане, учителя смогут выдавать только базовые основы дисциплины, «не вдаваясь в подробности», без философии. Задачей популяризатора, по-прежнему, останется необходимость объяснять все причинно-следственные связи, почему эта наука важна и как мир космический в реальности проецируется на мир земной. С учётом школьной базы этот разговор качественно может подняться на более высокий уровень, что в перспективе может повлечь увеличение глубины лекций и отход от стандартного набора фактов и понятий, которые, как правило, используются сейчас. В этом моменте, кроется краеугольный камень отличия функций двух профессий, которые, на первый взгляд, казалось бы, работают в одной области. На сегодняшний день основная задача школы — дать ребёнку основы во всём спектре наук, которые позволят ему сложить базовое представление о действующих вокруг него законах и понять, что «мир многогранен». Школа открывает двери ко множеству дорог. Но, если подумать, на выпуске, даже у хорошо подготовленного ученика, нет чёткого понимания того как все те предметы, что он изучал столько лет, контактируют друг с другом, как они складываются в цельную картинку. Отсюда извечный вопрос-отговорка, который часто мы можем услышать от ребёнка или, что ещё более печально, от его родителей: «Чем литература (или любой другой предмет) пригодится в жизни?» Этот же вопрос качует вместе с растущим и взрослеющим человеком дальше по жизни в институт и укрепляется в большинстве случаев насовсем. Он (ребёнок) может догадываться, что пересечение наук неизбежно, может даже быть в этом уверенным, но вопрос «Как?», а самое главное - «Для чего?» - это открытый для него вопрос. Размышляя об этом нельзя не вспомнить слова ведущих учёных нашего поколения, о том, что «чистых» наук сегодня не осталось, что все они сосуществуют вместе, «физик и биолог работают плечом к плечу над одной проблемой». На самом деле, это дружеское «рукопожатие» между специалистами разных областей и объединение их усилий — очень важный знак того, что наш мир меняется, меняется серьёзно и очень быстро. Как жить в таком мире человеку, вступающему в него из школьной колыбели, без понимания основополагающего принципа «единства»? Здесь и вступает в игру популяризатор, это его роль и его назначение — открыть маленькому человеку, что мир вокруг него — это искусное кружево, сплетенное из всех тех правил, теорем, и уравнений, в которых он пытался разобраться по отдельности. Астрономия единственная, по праву рождения, объединяет в себе опыт и знания всех других наук, а значит, является совершенным по своей наглядности примером. Если посмотреть на деятельность популяризатора под таким углом, она неожиданным образом преобразуется, наполняясь новым смыслом. Школа, в лице учителей, изготавливает вместе с учеником детальки пазла, показывая ему, что каждая из этих деталек — не абстрактная вещь, а весьма полезное для него приобретение; популяризатор соединяет все элементы пазла вместе, показывая на примере далёких «миров», как сильно комплексное знание и какие возможности оно открывает для человека. Такой подход — это ключ к более раннему

взрослению сознания. Он способен вернуть главное — желание человека задумываться и познавать окружающий мир осознанно и внимательно, принимая и, ни на секунду не забывая, что мы его часть. С образовательной точки зрения, также есть свои достоинства. Избавление от упомянутого выше вопроса-отговорки заметно повлияет и на сферу высшего образования. В уже профессиональном своём становлении «маленький человек» с самого начала будет искать «скрытые между строк» взаимосвязи, что сильно поднимет его как профессионала. Власть дипломов и корочек вновь может смениться ценностью знания. Ценностью среди всех людей абсолютно. А факт того, что именно этого требуют от нас изменения в мире — неоспорим. Чтобы успевать за развитием цивилизации и не оказаться сломленным ею, человеку необходимо меняться, наращивать обороты точно также, как делает это система, в которой мы живём. Наверное, в этом и заключается процесс эволюции. В давно существующем вопросе о возвращении астрономии, как оказалось, может скрываться глубинная перспектива для изменения хода нашего мышления в целом. Но, для того, чтобы этот путь стал возможным, предстоит очень многое сделать. Если астрономия действительно вернётся в школы, соприкосновение популяризаторов и учителей должно стать ещё более тесным, но возможно ли это, если на карте России так много «белых» пятен, не охваченных популяризаторской деятельностью? Сколько городов в стране, где нет планетариев, обсерваторий или хотя бы центров, которые могли бы просвещать людей, обеспечивая равномерность знания на всей широте нашего государства? Ответ на эти вопросы требует от всех кто, занимается популяризацией, задуматься о перманентном объединении усилий. Таким же, какое произошло среди научных областей.

Делать выводы о том, чем закончатся назревающие перемены, ещё слишком рано. Вернётся астрономия через год, или через несколько лет, покажет время. Сейчас важно другое, у астрономии появился голос. О ней заговорили на другом уровне, значит надежда есть. И самое лучшее на сегодня — поддерживать эту надежду упорной работой по подготовке учителей, учебников, площадок и новых программ, с помощью которых мы сможем вместе сделать одно очень большое и важное дело — изменить своё будущее.

© Л. И. Горохова, И. В. Парко, 2017

УДК 94(4)«1939/1945»(47+57)

«ПРЕДАТЬ СУДУ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА»

Владимир Николаевич Шумилов

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плеханова, 10, кандидат исторических наук, доцент, тел. (913)985-53-00

Статья посвящена бывшему руководителю строительного комбината № 179 Наркомата боеприпасов в период с 1936 по 1941 гг. Полухину Сергею Калистратовичу, ставшему жертвой централизованной, бюрократической системы управления крупнейшей, важнейшей стройкой в Новосибирске. Показаны попытки руководителей местных и центральных органов власти создать оптимальную и эффективную систему управления развитием предприятий оборонного комплекса, особенно в первые месяцы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: строительство комбината № 179 НКБ, система управления, срыв сроков, руководитель стройки Полухин С. К., поиск решений, «назначить» виновного, выход из кризиса.

«TO BE COUR – MARTIALED»

Vladimir N. Shumilov

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 630108, Russia, Novosibirsk, 10 Plakhotnogo St., Ph. D., Assoc. Prof., tel. (913)985-53-00

The paper is devoted to Sergey K. Polukhin, former head of the construction complex № 179 of the People's Commissariat of ammunition (1936 – 1941). He fell a victim to the centralized bureaucracy system of management as regards the largest and most important construction in Novosibirsk. The efforts of local and central authorities to create an efficient management system for the defense complex are considered. The focus is laid on the first months of the Great Patriotic war of 1941–1945.

Key words: construction of plant № 179 of People's Commissariat of ammunition, management system, disruption of schedule time, S. K. Polukhin, head of construction, search for solution, «appoint» a guilty person, way out of the crisis.

Первый камень в фундамент строительства завода «Сибкомбайн» в г. Новосибирске был заложен 2 мая 1930 года в здание заводоуправления. Стройка быстро набирала темпы. В марте уже трудилось 1005 рабочих и более 80 инженеров и техников. Не прошло и года стройку начало лихорадить, на 1931 г. финансирование сократилось почти до нуля, началось увольнение рабочих и ИТР. В апреле этого же года правительство выделило часть средств, снова начался набор рабочих на строительство завода. В 1932 году эта практика со стороны

ВСНХ СССР продолжилась в течение года для строительства «Сибкомбайна» доводилось шесть контрольных цифр финансирования.

В ноябре 1932 г. распоряжением Наркома тяжелой промышленности СССР Серго Орджоникидзе был изменен профиль строящегося завода с производства сельхозмашин на производство станков для текстильной промышленности. Завод получил новое наименование «Сибтекстильмашстрой», а уже 29 апреля 1933 года завод был переориентирован на оборонный профиль и передан «Главмашпрому» Наркомата тяжелой промышленности. Завод стал именоваться «Сибметаллстрой». В мае 1936 года «Сибметаллстрой» передали главному управлению боеприпасов НКТП, присвоив ему название: комбинат № 179 [1, с. 16, 17, 28, 29, 34, 35].

На страну надвигалась война. В августе 1938 года приказом Наркомата оборонной промышленности руководство строительства комбината № 179 непосредственно подчиняют наркомату [1, с. 36].

В 1936 году на должность заместителя начальника строительства комбината № 179 наркомат направляет Полухина Сергея Калистратовича грамотного и опытного руководителя-строителя. Родился он в 1900 году 8 января в селе Рождественское Моховского района Орловской области. Отец, Полухин Калистрат Филиппович, работал на Юго-Восточной железной дороге рабочим, впоследствии – дорожным мастером. Мать, Ксения Филипповна – домохозяйка. В семье было восемь детей: пять дочерей и три сына. Родители делали все возможное, чтобы дать детям образование. Сергей был третьим ребенком и старшим братом. По воспоминаниям его старшей сестры Прасковьи, когда он в 1910 году поступил в начальное училище, то учеба давалась ему плохо из-за слабой подготовки, получил две переэкзаменовки. Старшей сестре Прасковье было тогда 14 лет. Она взялась готовить его к экзаменам, занималась с ним по арифметике и русскому языку. Сергей совмещал учебу с работой, подрабатывая у отца табельщиком, кроме того научился работать на телеграфе, и когда телеграфист уходил по своим делам, принимал за него телеграммы. В результате Сергей выдержал переэкзаменовку на 4 и 5 и продолжил учебу [8, с. 1, 2].

Самостоятельная жизнь Сергея началась с 14 лет. Семья жила тогда на ст. Маховой Юго-Восточной железной дороги, где работал отец. Сергей ходил в соседнее имение Наумова работать, чтобы помочь немного семье. У Наумова было три сына учившихся в Москве. Летом, во время каникул, к ним приезжал из Москвы репетитор Л. К. Казаков. Работая в саду, Сережа наблюдал и прислушивался к занятиям ребят и к репетитору. Он не мог сдерживать своего интереса, подходил поближе, проявляя искренний интерес. Репетитор обратил внимание на мальчика, познакомился с ним, увидел в нем незаурядные способности. Л. К. Казаков пришел к отцу Сергея и посоветовал ему учить мальчика. Он даже предложил взять его к себе на квартиру. Как ни тяжело было отцу, но он отпустил Сергея в Москву. Там Сережа сразу устроился на работу и одновременно продолжал учебу. Отец помогал чем мог. Первое время Сережа жил у Л. К. Казакова, потом получил общежитие. Занимался много и напористо, в ре-

зультате блестяще сдал экзамены в Московский институт путей сообщения. Во время учебы много читал художественной литературы, классики, публицистики. Любил театр, концерты, по-возможности водил с собой сестер. Подрабатывал учителем физики и математики на вечернем рабочем факультете [9, с. 6–8].

Постепенно вся семья Полухиных перебралась в Москву. Жили в комнате 18 кв.м. Братья, Сережа и Вася, студенты, со своими чертежами располагались на столе, а младшие школьники учили уроки на подоконнике. Все дети выучились, получили различные профессии.

После окончания института в 1925 году Сергей Полухин работал прорабом, главным прорабом в г. Москве на строительстве Электростанции, в 1931–1933 гг. – заместителем управляющего и главным инженером московских трестов в Союзстрое ВСНХ СССР и «Мосжилстрое». В 1934 г. Полухина С. К. переводят на должность главного строителя в «Средуралмедьстрой» в г. Ревда Свердловской области, а в 1935 году получает направление в оборонную промышленность на строительство комбината № 100 на должность главного инженера стройки в г. Алексин Тульской области. Через полтора года, в сентябре 1936 г. Полухина С. К. назначают заместителем начальника и главным инженером строительства комбината № 179 в г. Новосибирске, 8 декабря 1938 года – начальником и одновременно главным инженером стройки.

За работу взялся активно, напористо, за короткий срок получил шесть благодарностей и премии, а в мае 1939 года, когда на комбинате № 179 выпустили первые снаряды, был Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом «Красная Звезда». В декабре 1939 года Полухина С. К. приняли кандидатом в члены ВКП(б) и избрали депутатом новосибирского областного Совета депутатов трудящихся [3, л. 1 – 4об].

По воспоминаниям супруги Сергея Калистратовича, Александры Васильевны Полухиной, «...Сергей очень ответственно относился к депутатским обязанностям, сколько было радости, когда ему удавалось сделать что-то хорошее людям». Еще она отмечала очень важную черту своего мужа: «...у него была огромная библиотека, около 1500 книг различного назначения. <...> я ему не мешала, правда иногда ворчала, он меня успокаивал: « Пойми, книги – моя жизнь, без них я не могу, без них я не инженер, я должен идти в ногу со временем». И я сдавалась» [10, с. 3, 4, 7].

К началу 1940 года гитлеровские войска уже стояли вблизи границ Советского Союза. Перед руководством строительства комбината № 179 стояла задача, в кратчайшие сроки запустить производства: снарядное и патронное, с годовым выпуском 11 млн. снарядов калибра 76, 122, 152 мм, 16 млн. штук взрывателей типа ГВМЗ, 1,5 млрд. патронов калибра 7,62 мм и 100 млн. штук калибра 12,7 мм, а также снаряжательное производство для снаряжения боеприпасов и ряд других вспомогательных производств.

На 1 января 1940 года из общей стоимости строительства комбината № 179 было освоено 33% средств. На 1940 год выделялось финансирования на 30% больше, чем за все предыдущие 6 лет строительства комбината. Для их освое-

ния, кроме большого объема технической документации, материальных ресурсов, оборудования, квалифицированных специалистов, необходимо было набрать до 20 тысяч человек строителей и монтажников, а также разнорабочих. Со стороны наркомата не было четкого планирования и координации этих вопросов. Одно только то, что проектные организации находились в Москве, за 3000 км, приводило, из-за отсутствия документации, к большим простоям, частым переделкам и браку. Система управления строительством носила бюрократический неповоротливый характер [4, л. 7, 16, 19, 20, 35].

Начальник строительства Полухин С. К. по итогам первого полугодия 1940 года представил подробный доклад о состоянии дел на стройке, конкретный план, что нужно сделать в оперативном порядке для ускорения работ, поскольку план освоения средств за полгода составил всего 16%, а проблемы стались те же. Необходимо было втрое увеличить поставки материально-технических ресурсов, требующихся 20 тысяч рабочих не набрали, проектные организации сидят в Москве. Полухин С. К. требует в докладе немедленного создания непосредственно на стройке пяти бригад проектировщиков четвертого проектного института. Кроме того, он обозначил ряд конкретных вопросов организационного, технического, материального назначения, которые без вмешательства областной власти и наркомата решить невозможно [4, л. 42, 43, 44, 47].

Секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) Пуговкин Г. Н. 21 сентября 1940 года обращается с докладной запиской к секретарю ЦК ВКП(б) Сталину И. В. по проблемам строительства оборонных предприятий, в которой просит вмешательства ЦК ВКП(б) в решение острых вопросов в том числе и тех, которые поднимал в своем докладе по комбинату № 179 Полухин С. К. [4, л. 2, 6]. При всех сложностях комбинат № 179 постепенно начал выпуск плановой продукции. В 1940 году было изготовлено 261 тыс. шт. снарядов калибра 76 мм, взрывателей КТМ-1 – 170 тыс. шт., ГВМЗ – 250 тыс. шт., винтовочных патронов 25970 тыс. шт. Параллельно велось строительство цехов и монтаж оборудования. Работа шла тяжело, планы не выполнялись. Особенно плохо строительство обеспечивалось оборудованием. За пять месяцев 1941 г. строители освоили капиталовложений 19,6% от годового плана. Готово было только 10% мощностей по производству снарядов калибра 76 и 122 мм, 25% мощностей по производству снарядов 152 мм [2, с. 26, 28].

С началом войны руководством НКБ и Новосибирской области были приняты экстренные меры по комплектации рабочей силы строительства комбината № 179. На 1 июля 1941 года на стройке работало 11449 человек вольнонаемных, 5013 выпускников ФЗО, 7934 заключенных сиблага. Всего 24396 человек [5, л. 1]. Резкого улучшения в строительстве комбината не происходит. За первую декаду июля 1941 года намеченный план по всей стройплощадке был выполнен всего на 20% [5, л. 9]. Объяснить причины провала становится все труднее. Секретарь Новосибирской области ВКП(б) Артемьев 21 июля 1941 г. пишет записку на имя первого секретаря ОК ВКП(б) Кулагина М. В., в которой прямо обвиняет начальника строительства Полухина С. К. в плохой организации рабо-

чей силы и инженерно-технических работников [5, л. 5]. Хотя, основные причины плохой работы остались те же самые: отсутствие материалов, проектные неувязки, недостаток транспорта и строительных механизмов. Артемьев предложил вынести вопрос о состоянии строительства комбината № 179 на заседание бюро Обкома ВКП(б).

Руководство Новосибирской области в лице Кулагина М.В. понимало неэффективность системы управления строительным комплексом Наркомата боеприпасов в г. Новосибирске. В связи с этим в сентябре 1941 г. Кулагин М. В. готовит записку секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову Г. М. по вопросу совершенствования управления строительством объектов НКБ в г. Новосибирске. В этот период Наркоматом боеприпасов в городе велось строительство десяти предприятий: двух снарядных заводов, заводов взрывателей, патронного, инструментального, прокатного, снаряжательного, гильзового, артиллерийского полигона и ТЭЦ. Всего объем капиталовложений составил 1,3 млрд. руб., громадная цифра по тем временам. Кулагин М. В. считал: «...вопросы организации строительства заводов боеприпасов в г. Новосибирске приобрели крупное государственное значение» [6, л. 32].

Все это громадное строительство в первые месяцы войны вело Управление строительства комбината № 179 под руководством Полухина Сергея Калистратовича. Причем, подчинялся он напрямую Наркомату боеприпасов, который со всеми своими службами и проектными организациями находился в Москве. Кулагин М. В. понимал неповоротливость этой структуры, в связи с чем предлагал Маленкову Г. М.: «...жизнь настоятельно выдвигает необходимость выделения самостоятельных строителей и управлений...предоставления каждой стройке больше прав и самостоятельности в решении повседневных вопросов производства с одной стороны и повышения ответственности – с другой стороны. Для руководства всеми строительствами НКБ в г. Новосибирске необходимо организовать управление строек с предоставлением начальнику управления широких прав и полномочий от Наркомата по всем производственно-техническим, плановым, финансовым и организационным вопросам». Подтверждения нет, дошла ли эта записка до Маленкова Г. М., но ясно то, что предложение Кулагина М. В. было дальновидным. Система управления строительным комплексом в г. Новосибирске в дальнейшем была организована именно таким способом, в том числе и после войны: Минстрой СССР имел в Новосибирске свою структуру «Главновосибирскстрой» с широкими полномочиями, которая объединяла и координировала работу самостоятельных строительных организаций различного назначения. Точно так же были организованы строительные подразделения других специализированных министерств. Эта система успешно работала многие десятилетия выполняя громадные строительные объемы. Нависла прямая угроза ответственности за срыв срока ввода в эксплуатацию производственных мощностей комбината № 179.

Директор комбината Новиков А. С. 17 октября 1941 г. пишет письмо на имя Наркома боеприпасов Горемыкина П. Н. и секретаря обкома ВКП(б) Кулагина

М. В., в котором всю вину за невыполненное задание возлагает на Управление строительством комбината № 179, возглавляемое Полухиным С.К., мотивируя свои обвинения тем, что Управление «подчинено непосредственно наркомату», а не ему, директору комбината. Новиков А. С. потребовал: «Передать в мое распоряжение планирование строительства комбината, а также право распоряжаться средствами, предназначенными для его строительства» [5, л. 451-453]. 31 октября 1941 г. состоялось заседание бюро новосибирского обкома ВКП(б) с повесткой «О мерах по быстрейшему окончанию строительства комбината № 179». Бюро поддержало предложение директора комбината Новикова и постановило: «Объединить в руках директора комбината № 179 руководство эксплуатацией и строительством комбината <...> Обязать директора комбината т. Новикова А. С. с 1 октября 1941 года принять руководство всеми строительными работами, не допуская ослабления строительства в связи с приемом и передачей дел. <...> За преступную практику ведения строительства, направленную на срыв выдачи готового выстрела <...> начальника управления строек НКБ т. Полухина с работы снять, из партии исключить и предать суду военного трибунала» [3, л. 5].

Чуда после этого не произошло. Директора комбината № 179 Новикова А. С. решением ГКО освободили в этом же, 1941 году за срыв выполнения программы. В общем-то, он был случайным человеком в руководстве комбината № 179. Образования специального не имел: закончил экстерном среднюю школу, затем курсы марксизма-ленинизма и дипломатические курсы при наркомате иностранных дел. До революции 1917 года работал на металлургическом заводе рабочим в Донбассе, затем участие в гражданской войне. После войны работал в райкомах партии Крыма, в 30-х годах зав. орг. отделом в райкоме партии в Москве, начальником политотдела совхоза в Ростове-на-Дону, зам. зав. отделом ЦК ВКП(б) в Москве, заместителем председателя военно-промышленной комиссии при комитете Обороны, заместителем наркома Госконтроля СССР и в 1941 году – директор комбината № 179 НКБ в Новосибирске [7, л. 1-2об].

Естественно, что без специального образования и практического опыта справиться с громадным, по тем меркам, промышленным предприятием, находящимся в стадии строительства, Новикову А. С. не удалось. Комбинат продолжало лихорадить до тех пор, пока его не разделили на несколько самостоятельных предприятий. Сузился фронт работ, каждый руководитель, вновь образованных заводов, совместно со всеми наркоматами отвечали за их развитие. Именно это предлагал Кулагин М. В. Маленкову Г. М.

Система управления строительством постепенно сформировалась такой, какой ее видел Полухин С. К.: руководители заводов занимались производством продукции, а строительные тресты и управления возводили новые производственные мощности и объекты социально-культурного назначения. В сложные месяцы октября – ноября 1941 года, когда на фронте все висело на волоске, нужно было «назначить» виновного за все предыдущие годы строительства за-

вода: «Сибкомбайн», «Сибтекстильмашстрой», «Сибметаллстрой», комбинат № 179. Им стал Полухин Сергей Калистратович.

Долгие годы ни родственники, ни друзья не знали о его судьбе.

В 2007 г. на запрос в Федеральную службу безопасности Российской Федерации был получен ответ: «...арестован 1 ноября 1941 года по необоснованному обвинению в «причастности к антисоветской вредительской организации, существовавшей в системе Наркомата боеприпасов СССР» и постановлением Особого совещания НКВД СССР от 9 мая 1942 года осужден по ст. ст. 58-7, 58-10 и 58-11 УК РСФСР к ВМН – расстрелу.

Постановление приведено в исполнение 28 мая 1942 г. в Москве. Реабилитирован Полухин С. К. определением военной коллегии Верховного Суда СССР от 28 ноября 1956 года за отсутствием в его действиях состава преступления» [11, с. 1, 2].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Державная поступь «Сибсельмаш». Страницы истории – Новосибирск: «Сибирская горница», 2004.
2. Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири: Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. – Новосибирск: СО РАН, 2005.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.П. – 4. Оп. 18. Д. 9448.
4. ГАО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 89.
5. ГАО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 559.
6. ГАО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 593.
7. ГАО. Ф. П-4. Оп. 18. Д. 8559.
8. Архив музея завода «Сибсельмаш». Воспоминания Прасковьи Калистратовны Полухиной.
9. Архив музея завода «Сибсельмаш». Воспоминания Ольги Калистратовны Полухиной.
10. Архив музея завода «Сибсельмаш». Воспоминания Александры Васильевны Полухиной.
11. Письмо ФСБ по НСО от 29.01.2007 г. № 4/11 – 4168.

© В. Н. Шумилов, 2017

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ (СССР) И ПРИБАЛТИКА В 1930-Е ГОДЫ (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)

Виктор Иванович Шашков

Сибирский государственный университет путей сообщения, 630049, Россия, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, 191, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, тел. (383)328-05-15, e-mail: v.sh.1941@mail.ru

Проблема отношений между современной Россией и странами Прибалтики приобрела исключительную остроту. Эстония, Литва, Латвия и Польша поддерживают санкции против России и усиливают присутствие блока НАТО.

В статье предпринята попытка проанализировать отношения между СССР и странами Прибалтики в 1930-е г., которые оказали существенное влияние и на сегодняшнюю ситуацию.

Ключевые слова: Советская Россия, СССР, Россия, Эстония, Латвия, Литва, договор, соглашение, протокол, современность.

SOVIET RUSSIA (USSR) AND BALTIC REGION IN 1930 (TO THE HISTORY OF THE ISSUE)

Victor I. Shashkov

Siberian State Transport University, 630049, Russia, Novosibirsk, 191 D. Kovalchuk st., Ph. D., Assoc. Prof., docent of department of history and political science, tel. (383)328-05-15, e-mail: v.sh.1941@mail.ru

The problem of relationship between Russia and Baltic countries has acquired the special importance. Estonia, Lithuania, Latvia and Poland support sanctions against Russia and strengthen the presence of NATO military bloc.

The article deals with the analysis of relationships between USSR and Baltic states in 1930s that influence the present situation.

Key words: Soviet Russia, USSR, Russia, Estonia, Lithuania, Latvia, agreement, contract, protocol, modernity.

Обращение к проблеме отношений между СССР и Прибалтийскими странами в 1930-е г. вызывается резким обострением отношений между современной Россией и странами Прибалтики. Думается, что это обострение вызвано не только отношениями России с Украиной после известных событий. Практика отношений между СССР и странами Прибалтики в период между первой и второй мировыми войнами позволит, на наш взгляд, глубже понять причины современных разногласий.

Отношение между СССР и Прибалтийскими республиками в это время определялись не только разным политическим устройством. За спиной стран Прибалтики стояли Англия, Франция, США. Они рассматривали страны Прибалтики, как страны – лимитрофы, что давало им надежду использовать их тер-

риторию не только как плацдарм в войне против СССР, но и их непосредственное участие в этой войне.

Страны Прибалтики, со своей стороны, считая себя «малыми странами», вели политику на создание блока балтийских государств («Балтийская Антанта») во главе с Польшей, направленного против СССР, с обязательным привлечением к нему Финляндии, а, при возможности, и Румынии.

Приход к власти фашистской партии в Германии в 1933 г., фашистские перевороты в Литве в 1926 г., Латвии и Эстонии в 1934 г. привели к сближению позиций в политике этих стран, усилению ориентации на Германию. Однако в правящих кругах прибалтийских республик было понимание того, что сближение с Германией грозит потерей национальной независимости, поставит их в полную зависимость от гитлеровской Германии. Одновременно резко усилился антисоветский курс в этих республиках.

Страны Прибалтики, в свою очередь, не были едины. Существовали серьезные разногласия не только в выработке единого курса в отношении СССР, но и в определении возможных союзников (Англия, Франция или Германия), а так же территориальные споры между Литвой и Польшей в вопросе о Вильнюсском крае с городом Вильнюс, отошедшем к Польше по Версальскому договору, а так же территории Западной Украины и Западной Белоруссии, что прямо затрагивало интересы Украины и Белоруссии, как республик СССР.

Германия считала Мемельскую область Литвы также своей неотъемлемой территорией и надеялась, при «удобном случае», прибрать ее к своим рукам.

Все эти опасные политические игры были направлены против СССР, политический строй которого был неприемлем для всех их участников. В этих условиях СССР должен был проводить взвешенную, миролюбивую политику, учитывать противоречия в лагере капиталистических стран, не допустить создания их единого фронта против СССР, разоблачать перед мировой прогрессивной общественностью всю пагубность агрессивного курса западных стран, твердо защищать интересы национальной безопасности СССР.

Надо иметь в виду и другое. Все западные страны внесли свой вклад в удушение советской власти в прибалтийских республиках, установленную в 1917-1918 гг., и тем самым усиливали прозападную ориентацию правящих кругов в этих республиках.

Проверку на прочность подписанные мирные договоры между Советской Россией и странами Прибалтики в 1920 г. прошли уже в 1922 г., когда в Варшаве состоялась конференция, в которой приняли участие Эстония, Литва, Латвия, Польша и Финляндия, на которой был заключен военный союз между ними, но финский сейм отказался его ратифицировать и он не вступил в силу [7, с. 322].

В январе 1925 г. по инициативе Эстонии в Хельсинки состоялась очередная конференция по созданию Балтийского союза. Создать не удалось из-за позиции Финляндии, которая считала союз с Польшей опасным для нее [7, с. 322].

Создание антисоветского союза шло под флагом «Прибалтийского Локарно», координатором которого выступала Англия [7, с. 321]. Как известно, Ло-

карнские соглашения 1925 г. – это отказ гарантировать неприкосновенность границ восточных соседей Германии.

В декабре 1925 г., Эстония подписывает договор о дружбе с США, закладывая тем самым основу создания единого блока против СССР.

В этих условиях СССР подписывает в 1926 г., договор с Германией о ненападении и нейтралитете и предлагает странам Прибалтики подписать двусторонние соответствующие договоры. Прибалтийские страны предложили подписать один общий договор. СССР отверг это предложение, справедливо полагая, что в этих условиях – это лишь дипломатическое прикрытие для создания блока Прибалтийских государств [7, с. 274]. СССР удалось подписать двусторонний договор с Литвой в 1926 г. и Латвией в 1927г, которые фактически являлись пролонгацией договоров 1920-1921 гг. Так ст. 1 договора между СССР и Латвией гласила, что «обе договаривающиеся стороны взаимно гарантируют неприкосновенность существующих между ними границ, так как они определены Мирным договором 1921 г., и обязываются воздерживаться от всякого нападения на другую сторону» [1, с. 283]. Подписание Советско-Литовского договора от 28.09.1926 г., сопровождалось отдельными нотами между и.о. министра иностранных дел Литвы М. Сляжевичусом и наркомом иностранных дел СССР Г.Чичериным по вопросу, связанным с членством Литвы в Лиге Наций. Обе стороны констатировали, что «членство в Лиге Наций не может нанести ущерба стремлению литовского народа к нейтралитету, который лучше всего соответствует его жизненным интересам» [1, с. 282].

В «Приложении 2» к договору между СССР и Латвией отмечалось, что «Латвийское правительство находит, что, принимая во внимание географическое и политическое положение Латвии, в ее интересах лежит соблюдение безусловного нейтралитета при всех могущих иметь место международных осложнениях. Это положение и будет руководящим принципом его политики в отношении СССР» [1, с. 451].

Как отмечал Г. Чичерин в отчетном докладе «переговоры по подписанию договора между СССР и Латвией были длительными, хотя и начались весной 1926 г. в силу различных условий, выдвигаемых латвийской стороной, среди которых: первоначально вести переговоры со всеми Прибалтийскими странами одновременно, вмешательство в отношения между СССР и Финляндией о нейтрализации Аландских островов и др., и лишь 20-го августа специальным меморандумом, Латвийское Правительство сняло свои предыдущие предложения и создало возможность конкретных переговоров о создании договора» [1, с. 657]. Касаясь подписания Советско-Литовского договора от 28.09.1926 г., Г. Чичерин так же отмечал продолжительность переговоров и подчеркнул «интегральную неприкосновенность Московского мирного договора от 12 июля 1920г., как дальнейшей основы отношений между сторонами» [1, с. 657].

Фашистский переворот в Литве 19.12.1926 г. не изменил политики СССР в отношении Литвы. Договор от 28.09.1926 г. был дополнен протоколами о ненападении от 6.05.1931 г. и от 4.04.1934 г. [6, с. 370]. Литовский фашизм сеял

ненависть к соседним народам, насаждал одновременно и антирусские настроения, ставил, прежде всего, национальный интерес [6, с. 374]. С приходом к власти в Германии Гитлера националистические элементы в Литве стали приверженцами нацизма, а потом и его агентами [6, с. 373]. 22.03.1939 г. Литва, при молчаливом согласии Англии и Франции, уступает Мемельскую область Германии [6, с. 398]. Подписанный между СССР и Германией пакт о ненападении вынудил Германию выступить с заявлением об отказе её притязаний ко всей Прибалтике. Подписанный договор между СССР и Литвой 10.10.1939 г. обеспечил Литве сохранение национальной независимости [6, с. 398].

После фашистского переворота в Литве активизировались фашистские силы и в Латвии [5, с.512]. В условиях нарастания фашистской опасности коммунисты Латвии допустили крупную тактическую ошибку, объявив социал-демократов социал-фашистами [5, с. 528]. В ночь с 15-16.05.1934 г. в Латвии был осуществлен фашистский переворот и установлена диктатура Ульманиса [5, с. 536]. В организации переворота активную роль сыграла Германия при молчаливой поддержке Англии, Франции и США. Внешняя политика Латвии приняла еще более резкий антисоветский характер и неизбежно ставила Латвию в полную зависимость от Германии [5, с.538]. Однако правительство Ульманиса – это еще не латвийский народ. Вынужденный считаться с настроениями масс, он пошел на подписание Договора о взаимопомощи 5.10.1939 г., который давал ей гарантию национального суверенитета [5, с. 554].

Эстония не пошла на подписание двустороннего договора с СССР. Когда 27.08.1928 г. все крупные западные страны подписали т.н. Пакт Бриана-Келлога, декларировавший отказ от войны, как средства национальной политики, но без СССР. На деле он был прикрытием его изоляции. Разгадав этот маневр, СССР вынудил западные страны присоединить себя к этому пакту. 9.02.1929 г. в Москве был подписан Протокол о досрочном введении в действие этого пакта. Кроме СССР протокол подписали: Эстония, Латвия, Польша и Румыния, а затем Турция, Иран и Литва [3, с. 252].

Эстония взялась за сколачивание «Северного блока» в составе Швеция, Эстония, Латвия, надеясь дополнить его союзом Польши и Румынии, и создать единый фронт вдоль западных границ СССР [7, с. 323]. В Эстонии активизируются фашистские силы. Центром фашистского движения гитлеровского толка стал немецкий клуб в Таллинне [7, с. 366]. Создать единого антифашистского блока в Эстонии не удалось. 12.03.1934 г. в Эстонии был проведен фашистский переворот.

Антисоветская политика Эстонии терпела неудачи. Не удалось создать «балтийского» и «северного» союза. А вот взвешенная политика СССР дала существенные результаты: в 1932 г. были заключены договоры между СССР, Финляндией, Латвией, Эстонией, Польшей и Францией. Это была победа советской дипломатии и поражение сторонников идеи балтийского блока, но идея оставалась целью внешней политики Эстонии [7, с. 374]. Все больше проявляется ориентация на Германию, но с оглядкой на Англию [7, с. 375]. Попусти-

тельство реваншистским устремлениям Германии со стороны США, Англии и Франции позволили правящим кругам в Эстонии увидеть в Германии главную силу для сохранения своего господства над трудящимися [7, с. 426]. Эстония встретила враждебно предложение СССР Германии дать совместные гарантии безопасности и территориальной целостности прибалтийских государств, заявив, что «это вмешательство во внутренние дела Эстонии» [7, с. 426].

12.09.1934 г. в Женеве был подписан Эстонско-Латвийско-Литовский договор «согласия и сотрудничества» («Балтийская Антанга»), ставший очагом антисоветской политики [7, с.427]. Эстонское правительство содействовало срыву советско-франко-английских переговоров, а 07.06.1939 г. в Берлине был подписан пакт К. Сельтера – И. Рибентропа о ненападении, что сделало невозможным участие Эстонии в какой-либо системе безопасности против Германии.

В этот же день такой пакт был подписан между Германией и Латвией [7, с.430]. В условиях начавшейся Второй мировой войны и поражения Польши 25.09.1939 г. советское правительство предложило Эстонии подписать Пакт о взаимопомощи [7, с. 431]. Эстония ищет выход из создавшегося положения. На прямой вопрос к Германии: «окажет ли она помощь Эстонии, если она начнет войну с СССР?». Последовал ответ: «Не время» [7, с. 432].

28.09.1939 г. будет подписан договор с СССР о взаимопомощи.

Подписанные договоры твердо оговаривали неприкосновенность суверенитета подписавших государств и невмешательства во внутренние дела друг друга [8,с.158]. Однако антисоветские силы этих республик уже в октябре 1939 г. развязывают кампанию о начале «советизации» и «советской «оккупации» [8, с.147, 149, 151]. Этот тезис будет использован в 1989 г. как предлог для выхода из состава СССР с последующим открытым антироссийским курсом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Документы внешней политики СССР. – Т. 9. – М., 1964.
2. Документы внешней политики СССР. – Т. 10. – М., 1965.
3. Документы внешней политики СССР. – Т. 11. – М., 1966.
4. Документы внешней политики СССР. – Т. 22. – М., 1992.
5. История Латвийской ССР. – Рига, 1971.
6. История Литовской ССР. – Вильнюс, 1978.
7. История Эстонской ССР. – Т.3. –Таллинн, 1974.
8. Полпреды сообщают...– М., 1990.

© В. И. Шашков, 2017

АРХИТЕКТУРА И ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Татьяна Витальевна Чапля

Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, 28, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры теории, истории культуры и музеологии, тел. (383)244-04-89, e-mail: chap_70@mail.ru

В статье рассматриваются основные средства и способы влияния архитектурного пространства на организацию отношений между людьми. Автор проводит мысль о том, что поведение зависит от того, какие чувства и переживания испытывает человек, попадая в определенное пространство. Архитектурное пространство анализируется как с точки зрения структуры индивидуального жилого пространства, так и с точки зрения структуры общественного пространства, связанного с реализацией власти государства и общества над людьми.

Ключевые слова: архитектура, пространство, поведение, общество, личность, место, власть.

ARCHITECTURE AND SOCIAL BEHAVIOR

Tatiana V. Chaplya

Novosibirsk State Pedagogical University, 630126, Russia, Novosibirsk, Vilyiskaya St., 28, D. Sc., professor of the department of theory, history of culture and museology, tel. (383)244-04-89, e-mail: chap_70@mail.ru

The article discusses the main ways and means architectural space influences the social relations organization. The Author conveys the idea that human behavior depends on the feelings and emotions a person experience in the given space. Architectural space is analyzed from a standpoint of individual living quarters structure as well as from the standpoint of organization of a public space, which is connected with realization of governmental and social power over people.

Key words: architecture, space, behavior, society, person, place, power.

Каждый из нас, приходя в этот мир, попадает в пространство, организованное определенным образом. Имеется в виду пространство, как внешнее – пространство улицы, площади, города, так и внутреннее – пространство жилого дома, квартиры. По замечанию К. Элларда, «мы строим, чтобы менять восприятие, влиять на мысли и чувства; тем самым мы организуем человеческую деятельность, проявляем свою власть, а зачастую и обогащаемся материально» [1, с. 14].

Как правило, принципы организации разного вида пространств связаны с разграничением зон публичного и интимного взаимодействия. Архитектура предоставляет человеку и обществу пространство для реализации своих основных потребностей – сон, работа, молитва, защита, связь с другими и т.п. Именно через архитектуру человек впервые попадает в пространство культуры. Пространство, окружающее человека, по мнению В. Д. Лелеко, представляется «... в виде концентрических окружностей, центром которых является жилище. Реаль-

но же его размеры и конфигурация зависят от преобладающих, типичных маршрутов ежедневных перемещений человека» [2, с.91].

Каждый из нас начинает осваивать пространство культуры через пространство своего дома и двора. Изначально ребенок исследует их на уровне горизонтали, а затем и вертикали, как только начинает ходить. В рамках своего дома каждый получает представление о разделении пространства дома на помещения, отличающиеся функционально, что в дальнейшем приводит к формированию определенных ассоциаций зависимости функции помещения от его расположения в квартире или доме, в дальнейшем – в публичном здании. В. В. Видеркер пишет: «В личностном опыте новая информация усваивается благодаря включению в индивидуальные ассоциативные связи» [3, с. 90].

Освоение пространства протекает также в категориях своего-чужого, что связано с переживаниями чувств комфорта-дискомфорта. Границей своего и чужого пространства являются порог, дверь, окно, которые семантически маркированы во всех культурах: «Ничто не связывает так сильно внешнее и внутреннее пространство, как дверь и окно. Поэтому предпринимались разнообразные способы защиты своего жилища от проникновения злых духов. Все двери и окна выходят ко двору, и внутри и вне дверей размещаются ширмы или экраны, каждое помещение снаружи закрытого типа, и в них своя жизнь [4, с. 76]. Так, когда дети начинают во дворе или в доме играть в прятки, на самом деле, этот процесс представляет собой процесс обучения пониманию строения пространства и выделения в нем мест «своих» и «чужих». Игра в прятки «...обучает проведению границы своего-чужого (далее нельзя забегать), овладению выделенной территории – локусом (только здесь, в равномерности территории можно прятаться) и выделению вообще значимого места, центра (который и называется город) [4, с. 23].

Как правило, освоение человеком своего ближайшего пространства происходит в категориях места, в котором можно находиться. Это место, которое ценится не за движение, а за статику, пребывание. В таком случае не работает перспектива, место воспринимается в других категориях – это то, что меня окружает. «Место как цельное, замкнутое пространство воспринимается (подобно прекрасной/красивой вещи) как мир в миниатюре, как маленькое подобие вмещающего Целого...» [6, с. 27]. Для маленького ребенка до определенного возраста именно пространство его дома и есть Целое, весь мир, в котором он существует и центром которого он является. При этом каждый из нас на протяжении всей своей жизни сохраняет переживание своего дома, где он вырос, как места уютного, «теплого», защищенного. Такие чувства связаны с тем, что пространство жилого дома соразмерно человеку, оно воспринимается как то, что скрывает его от посторонних глаз, как некое укромное место. «Уют базируется на идее приюта, убежища (пещера, поляна, двор, также дают приют, укрывают, как и дом), а комфорт говорит о том, что делает жизнь более удобной легкой и приятной благодаря развитию техники» [6, с. 43].

Размер помещения – его объем и высота, формируют в человеке чувство своего и чужого пространства. Как ранее отмечалось в работе А. В. Харламова, в культуре может иметь место процесс отчуждения, «превращение социальных явлений ... в нечто иное, отличное от того, что эти явления представляют сами по себе» [7, с. 57]. Все, что человек может охватить взглядом, может рассматриваться как область комфортного окружения, которое не несет в себе угрозы. Как только субъект попадает во внешнее пространство, которое связано с организацией жизни социума в целом, где взаимодействуют представители разных социальных групп и зачастую необходимо демонстрировать их иерархию, общество использует прием увеличения размеров пространства, что вызывает в субъекте чувство отстраненности, социальной дистанцированности.

Такие же ощущения формируют в нас и формы пространства. Как только в жилой застройке появляются узкие длинные коридоры, такие помещения не пользуются популярностью у людей, ищущих себе квартиру, потому что такие формы ассоциируются с государственными учреждениями, в которых преобладает коридорная система. Следовательно, эти коридоры вызывают в нас чувство публичного, чужого пространства, в котором человек проводит мало времени, с целью решения своих дел, связанных с государственными органами. Такие места «общего пользования» не вызывают в нас чувства интимности и уюта.

Тем не менее в рамках всего общества, такие общественные здания играют ведущую роль в формировании и выражении коллективных ценностей. Особенно это касается построек, рассчитанных на какие-либо коллективные действия по поводу общественных праздников или коллективных скорбных событий. Благодаря такого рода помещениям у общества появился способ формирования у своих членов чувства солидарности, сопричастности чему-то большому и великому: «...внутреннее пространство залов для заседаний парламента или залов театральных, концертных... ориентировано на ценности, предполагающие служение, уважение, любовь и жертву... Торжественный интерьер выводит индивида из изоляции» [6, с.140].

Примером архитектуры, ведущей к разделению и закреплению в сознании чувства социальной иерархии, являются высотные здания Советского Союза. Они, став центрами городских архитектурных ансамблей, оказались замкнутыми в себе постройками, которые воспринимались публикой как враждебные. По замечанию Д. Хмельницкого, их «мощные входные порталы не приглашают, а отталкивают прохожих... Советские министерства, гостиницы (тем более для иностранцев) и жилые дома для высокопоставленных чиновников и деятелей культуры были в равной степени охраняемыми правительственными объектами, недоступными и даже опасными для посторонних. Те, кто в них жил и работал, испытывали положительные эмоции особого рода – ощущение избранности. В жестко иерархическом советском обществе чувство причастности к власти и допущенности к соответствующим благам компенсировало потребность в естественном для нормального общества уюте и комфорте» [8, с. 299].

Помимо ощущения официальности, узкие длинные коридоры предполагают передвижение по ним. Соответственно параллельная организация пространства связана с формированием зон городского пространства: улицы, бульвары, парки, которые оформляются либо фасадами зданий, либо лесополосами, либо колоннадой. Такую же функцию передвижения выполняют коридоры и лестницы внутри зданий. Именно они задают потоки перемещений внутри помещения по коридорам, холлам, галереям. По замечанию Ф. Чиня, «параллельные плоскости, оформляющие миграционные пространства, могут быть сплошными и светонепроницаемыми, что придает помещениям вдоль проходов приватный характер» [9, с.143].

Дисциплинирующая функция архитектурного пространства наиболее наглядно может быть продемонстрирована через анализ организации внутреннего пространства школ, больниц, военных казарм и тюрем. Все эти виды зданий связаны с тем, что внутри их стен протекает замкнутая жизнь, которая требует жесткой организации всех взаимодействий. По мнению Э. Гидденса, «архитектурной особенностью школ является в том числе и особая организация пространства, призванная оказывать дисциплинирующее воздействие и проявляющаяся в разделении аудиторий (классных комнат) и строго регламентированном расположении парт внутри них», причем, «...наиболее строгие формы организации аудиторного пространства, предполагает, как правило, детальное определение позиций тела, движений и жестов» [10, с. 206]. Следовательно, общество в ходе своей истории выработало тот тип здания, который связан с особенно жесткой регламентацией жизненных процессов и осуществлением властных функций. От соблюдения подобного рода образа жизни зависит жизнь и здоровье всех членов общества, как находящихся вне стен этих сооружений, так и внутри них.

Ситуация в современной архитектуре связана, по мнению Г. Птичниковой, с тем, что сегодня в обществе доминируют частные интересы транснациональных корпораций, выражением власти которых являются новые высотные здания. Она пишет «...эти организации «помечают» территорию знаками своей власти – храмами корпораций – башнями небоскребов. К началу нового века главными вертикалями городов стали офисы различных компаний или претендующие на особую элитарность жилые дома» [11, с. 253].

В итоге можно сказать, что организация архитектурного пространства связана с переживанием людьми одновременно как бы нескольких пространств: первое – это близкое нам пространство, заполненное вещами – это здания и города; второе – пространство окружающей природы и пространство индивидуального и группового поведения. «Слитность такого пространства заполнена всеми градациями от «опредмечивания» психики в вещах, зданиях и целом городе до их обратного «развеществления» в характерных эмоциях, состояниях и типологии повседневного поведения людей в данной предметной среде» [12, с. 104]. Эти два типа пространства оказывают непосредственное влияние на формирование нашего поведения, как на уровне повседневного внутрисемейного

поведения в рамках домашнего пространства, так и на уровне повседневного общественного поведения в рамках разного рода социальных пространств в рамках которых мы разыгрываем свои социальные роли на работе, в часы досуга и других видов своего бытия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Эллард К. Среда обитания: Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. – М.: Альпина Паблишер, 2017. – 288 с.
2. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. – СПб.: 2002. – 320 с.
3. Видеркер В. В. Роль символистской теории соответствий в развитии ассоциативного мышления у студентов педагогического вуза // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 2. – С. 88–92.
4. Тихомирова Е.Е., Чжао Ц. Когда жилище становится домом: смысловое наполнение в китайской и русской культурах // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – Т. 8. – № 4. – С. 74–79.
5. Очерки теории истории теории архитектуры Нового и Новейшего времени. – Санкт-Петербург: Коло, 2009. – 656 с.
6. Лишаев С. А. Эстетика пространства. – СПб.: Алетейя, 2015. – 159 с.
7. Харламов А. В. Креативность и отчуждение в современной культуре // Семиотика культуры: Антропологический поворот. Коллективная монография / А. А. Ширинянц, В. С. Плохотнюк, В. И. Пржиленский и др. – СПб.: Эйдос, 2011. – 362 с. – С. 56–73.
8. Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. – М.: Прогресс–Традиция, 2006. – 376 с.
9. Чинь Фрэнсис Д.К. Архитектура: форма, пространство, композиция. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 399 с.
10. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академ. Проект, 2003. – 528 с.
11. Птичникова Г. Объекты глобальной архитектуры в пространстве российского города: проблема соответствия контексту // Архитектура и социальный мир. – М.: Прогресс – Традиция, 2012. – С. 250–264с.
12. Тасалов В. И. Очерк эстетических идей архитектуры капиталистического общества. – М.: Наука, 1979. – 336с.

© Т. В. Чапля, 2017

РЕАЛИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ИНВАЛИДОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА

Дамир Гареевич Хаяров

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, кандидат исторических наук, доцент кафедры правовых и социальных наук, тел. (383)344-29-76, e-mail: hayarov.damir@yandex.ru

Статья посвящена проблеме адаптации инвалидов Отечественной войны к реалиям послевоенной действительности через рассмотрение продовольственной проблемы.

Ключевые слова: инвалид, военнослужащий, причины, исследования, органы социального обеспечения.

DISABLED WAR VETERANS EVERYDAY LIFE IN POSTWAR WEST SIBERIA AND FOOD PROBLEM

Damir G. Khayarov

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 630108, Russia, Novosibirsk, 10 Plakhotnogo St., Ph. D., Assoc. Prof., Department of Legal and Social Sciences, tel. (383)344-29-76, e-mail: hayarov.damir@yandex.ru

The issue of Great Patriotic war disabled veterans adaptation to the post-war life conditions is considered through the food problem solution.

Key words: war disabled veterans, serviceman, cause, research, social welfare authority.

В многочисленных исторических исследованиях отмечается о наиболее болезненной социальной проблеме в послевоенной действительности как продовольственное обеспечение различных групп населения. Масштабы сокращения производства продуктов питания по сравнению с довоенным периодом были многократны. Например, производство животного масла уменьшилось почти вдвое, сахара – в 4,5 раза [1]. Местные органы власти, не располагая необходимыми финансовыми и материальными средствами, не могли существенно повлиять на социальное положение фронтовиков-инвалидов. Продукты питания, полученные из различных общественных фондов при предприятиях и отделах социального обеспечения, помогали инвалидам Великой Отечественной войны и их семьям кратковременно пережить трудности. Но размер помощи был явно недостаточным. На снабжении населения отразились сильная засуха и сопутствующий голод 1946 - 1947 гг., охвативший также районы Западной Сибири. До декабря 1947 г. сохранялась карточная система обеспечения горожан продуктами питания. Норма на хлебобулочные изделия была дневной, на остальные продукты - месячной. В документах Новосибирского городского бюро продовольственных карточек (Горкартбюро) сохранилось описание драматических

ситуаций, связанных с потерей, хищением и восстановлением драгоценных квадратиков бумаги инвалидам Отечественной войны. Тяжелая жизненная ситуация порождала массу проблем: приходилось ходить по разным кабинетам и инстанциям, доказывая, что карточки действительно похитили или они потеряны. Потеря сознания на оживленной улице, вызванная приступом болезни, полученной на фронте, рост преступности зачастую в расчет не ставились. Продовольственная карточка была главным объектом воровства городских воров-карманников. Велась отлаженная еще во время войны спекуляция карточками. Горкартбюро само не имело право принимать решение об их восстановлении. Требовалось распоряжение горисполкома по каждому отдельному случаю. Нередко приходилось вмешиваться ответственным работникам обкома ВКП(б) и военных отделов из-за фактов волокиты, бюрократических задержек в восстановлении жизненно важной продуктовой карточки. В распоряжении исполкома Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся № 126 от 1.03.1947 г. содержалось решение о восстановлении похищенной на Ипподромском рынке хлебной карточки на март инвалиду Отечественной войны И. П. Алексееву. В распоряжении описывалась одна из тысяч трагических ситуаций, случившихся в магазинах и на рынках. Иногда карточки выдавали дополнительно, сверх нормы. В распоряжении № 564 от 18.10.1946 г. отмечалось, что инвалид Отечественной войны Никифоров имеет на иждивении троих детей в возрасте от 8 до 16 лет и пожилую мать. Начальнику Городского карточного бюро Дмитриеву предписывалось в срочном порядке выдать дополнительную хлебную карточку [2].

Однако положенные карточки на продукты не всегда удавалось получить. Как указывалось в акте проверки Салаирского прииска, председатель профкома Сиднев не проявил чуткого отношения к инвалиду Отечественной войны I группы Чернышеву, тяжело больному туберкулезом, вместо специальной туберкулезной продуктовой карточки выдавал одну детскую. После вмешательства сотрудников райкома ВКП(б) Чернышеву стали выдавать две продуктовые карточки, равные по калорийности одной туберкулезной [3].

В современной научной литературе указывается на низкий в целом уровень заработной платы в 1945–1947 гг. По данным проведенного в сентябре 1946 г. обследования, ее средняя величина у рабочих, ИТР и служащих народного хозяйства СССР составляла всего 414 руб. В то же время “в связи с подготовкой к отмене карточной системы” были резко повышены пайковые цены на нормированные товары, ставшие основой единых розничных цен после проведения денежной реформы. В государственной торговле килограмм пшеничной муки стоил 8 руб., хлеба – 4 руб. 40 коп., сметаны – 22 руб., сыра голландского – 58 руб., говядины – 30 руб., сахара – 14 руб., кетовой икры – 100 руб., 0,5 л водки – 50 руб., за мужской костюм в среднем требовалось уплатить более 1 тыс. руб., ватную телогрейку – 260 руб., валенки – 200 руб. Оплатив многочисленные налоги и сборы, подписавшись на государственный заем восстановления и развития народного хозяйства, рабочий человек мог использовать на потребитель-

ские цели лишь небольшую оставшуюся сумму денег, а в магазине приобрести только жизненно необходимый минимум товаров [4].

Пенсия инвалидов Великой Отечественной войны была в среднем в два раза ниже заработной платы трудящихся основных профессий. Они жили хуже среднестатистического рабочего или инженера с низкой оплатой труда. По данным отделов соцобеспечения Западной Сибири, в первые послевоенные годы средний размер пенсии рядового и сержантского состава был около 194 руб. [5], у офицеров она была несколько выше. По воспоминаниям фронтовиков-инвалидов, выплачивались и еще более низкие пенсии – 25, 50, 96 руб. [6]. Для назначения сравнительно высокой пенсии был необходим довоенный трудовой стаж, а также достаточно высокая заработная плата на последнем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. – М., 1968. – С. 28.
2. ГАНО. Ф. Р-1994. Оп. 1. Д. 18. Л. 126–130.
3. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 199. Л. 133.
4. Букин С. С. Роль денежной реформы 1947 г. в разрешении социально-экономического кризиса. Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX веков : материалы науч. конф. – Новосибирск, 1998. – С. 136–137.
5. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 12. Д. 489. Л. 23.
6. Воспоминания Е. Я. Зубарева. – Архив автора.

© Д. Г. Хаяров, 2017

САМОДЕЯТЕЛЬНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО В СИБИРИ: К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. И. МАЛАНИНА

Елена Вячеславовна Сотникова

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, кандидат исторических наук, доцент кафедры правовых и социальных наук, тел. (383)344-29-76, e-mail: sotnikovaev@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы исторического и культурного наследия, связанного с распространением в 1920-е годы конкурсов исполнителей на народных инструментах, выдающаяся роль в сохранении этого фактора национального самосознания в Сибири принадлежит И. И. Маланину, 120 лет со дня рождения которого исполнилось в 2017 году.

Ключевые слова: идеологическое воздействие, народные инструменты, конкурс, духовный потенциал, национальное самосознание.

FOLK ART IN SIBERIA: IN MEMORY OF I.I. MALANIN'S 120th ANNIVERSARY

Elena V. Sotnikova

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 630108, Russia, Novosibirsk, 10 Plakhotnogo St., Ph. D., Assoc. Prof., Department of Legal and Social Sciences, tel. (383)344-29-76, e-mail: sotnikovaev@mail.ru

Issues of cultural heritage and folk instruments players competitions popular in 1920s are considered. This year the 120th anniversary of I.I. Malanin is commemorated. His role in keeping people's national self-consciousness in Siberia is highlighted.

Key words: ideological influence, folk instruments, competition, spiritual potential, national self-consciousness.

1920-е годы внесли заметное оживление в движение за распространение баяна и гармони в нашей стране. На народные инструменты обратили своё внимание ведущие советские композиторы, музыкальные деятели А. К. Глазунов, М. М. Ипполитов-Иванов, А. В. Александров, И. Дунаевский. Комсомол решил взять над гармоникой шефство, выдвинув лозунги: «Гармонь – на службу комсомолу» и «Гармонику – на службу советской общественности». В газетах можно было вычитать следующие утверждения: «Последние месяцы были месяцами победного шествия гармони. Народный музыкальный инструмент, загнанный при царизме на задворки, в кабак, в пивную, имеющий законное признание только на деревенских и рабочих вечеринках, – гармонь была вытащена на широкую дорогу советской общественности. <...> Это новое «гармонишное» движение, несмотря на свою новизну, сумело уже приблизить и направить в сторону советской общественности значительные кадры рабочей и крестьянской молодёжи, сумело сделать из гармони одно из наших орудий воздействия на подрастающее поколение, поставив её на службу клуба и избы-читальни» [1].

В 1926–1927 гг. по всей России прошли многочисленные конкурсы гармонистов и балалаечников, которые усилили внимание общественности к гармонии и другим народным инструментам. Первый такой конкурс состоялся в Ленинграде в октябре 1926 года в Актовом зале Смольного. В марте 1927 г. конкурс гармонистов, балалаечников, частушечников, плясунов состоялся в Иркутске [2]. Конкурс проводился в здании клуба Октябрьской революции, каждый гармонист должен исполнить три вещи. При оценке исполнения учитывались совершенство техники, музыкальность, выразительность и жанр исполняемых вещей.

В сентябре 1927 г. конкурс исполнителей на народных инструментах состоялся в Томске [3]. Возраст участников конкурса колебался от 5 до 70 лет. Золотой жетон – за музыкальную культурность на гармонике и звание первого гармониста в Томске – получил И. И. Маланин. Выступление Маланина было ярким и эффектным. Он исполнил классику и собственные обработки русских народных песен. В 1929 году в Новосибирске был объявлен общегородской конкурс среди исполнителей на народных инструментах [4]. И. И. Маланин вновь добился успеха, уверенно заняв первое место.

Всенародную любовь и уважение снискал в Сибири И. И. Маланин. Иван Иванович Маланин родился в 1897 году в Троицке. Родился незрячим, но природа наградила его необыкновенными музыкальными способностями, тонким слухом, редким по чистоте и тембру голосом (лирико-драматический тенор), прекрасной памятью и поразительным воображением. В Иркутске в школе-интернате Иван Иванович получил музыкальное образование, научился играть на скрипке, фортепиано, пел в церкви. С 1917 года Маланин работал тапёром в кинематографе «Прометей» и «Маяк» в Иркутске. С 1923 года, одним из первых в стране, приступил к своей постоянной профессиональной деятельности музыканта-баяниста в Иркутском концертном бюро. С 1927 года И. И. Маланин работал солистом Новосибирского радиокомитета. И.И. Маланин стал первым в стране баянистом, чьё сольное исполнение было записано на диск в 1935 году. В годы Великой Отечественной войны Маланин участвовал в выпусках литературного радиобозрения «Огонь по врагу!», в шефских концертах в госпиталях, воинских частях, заводских цехах, школах, клубах. После окончания войны с 1948 г. Иван Иванович работал в Новосибирской филармонии, занимался концертной деятельностью.

Концерты Маланина всегда собирали полные залы публики. Он буквально жил на сцене, излучая свет и тепло, поднимая всем настроение. В своих выступлениях Иван Иванович использовал целый набор гармошек разной величины и другие народные инструменты – свистульки, свирель, жалейку, флейту, трещотки, бубенцы. 14 января 1967 года в день семидесятилетия Ивана Ивановича в концертном зале Новосибирского государственного театра оперы и балета чествовали «музыкального рыцаря Сибири». 15 июля 1969 года И.И. Маланина не стало.

С 1987 года в Новосибирске проводится Международный конкурс-фестиваль гармонистов, баянистов и аккордеонистов имени И.И. Маланина. Маланинская традиция – это ниточка, связывающая былое, настоящее и будущее, объединяющая мастеров прошлого и ныне живущих. Ивана Ивановича Маланина ласково называли «батя», «отец», «дедушка сибирского баяна». Именно его считали и считают первым сибирским баянистом, и не только потому, что он стал первопроходцем профессионального исполнительства на этом инструменте в Сибири, но и потому, что был непревзойдённым мастером своего дела [5]. О нём с уважением и почтением отзывались Д. Шостакович, Е. Мравинский, М. Дунаевский, М. Ростропович, Л. Утёсов, Л. Русланова. Не случайно появилось выражение: «Маланин популярен в Сибири, как Шаляпин – в России!». Штрих времени заключался в том, что столь любимый в народе музыкант не имел при жизни почётных званий, хотя были награды. «Мне уважение народа дороже», – говорил И.И. Маланин [6].

С 1987 года в Новосибирске проводится Международный конкурс-фестиваль гармонистов, баянистов и аккордеонистов имени И.И. Маланина. Маланинская традиция – это ниточка, связывающая былое, настоящее и будущее, объединяющая мастеров прошлого и ныне живущих. Отечественная история учит, что российское общество не может существовать без духовного потенциала. Музыка – самый действенный фактор формирования национального самосознания. Музыка – зеркало национального образа жизни. И чем более объёмным и чистым становится это «зеркало», тем выше и мощнее духовная жизнь нации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Советская Сибирь. – 1927. – № 23.
2. Власть труда. – 1927. – 27 марта.
3. Красное знамя. – 1927. – 21 сентября.
4. Советская Сибирь. – 1929. – 31 мая.
5. Сотникова Е. В. К вопросу о специфике исторического исследования социокультурного типа личности // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2015. XI Междунар. науч. конгр. : Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность» : сб. материалов в 2 т. (Новосибирск, 13–25 апреля 2015 г.). – Новосибирск : СГУГиТ, 2015. Т. 1. – С. 36–39.
6. Примеров Н. А. Иван Иванович Маланин. – Новосибирск : Трина, 1995. – 178 с.

© Е. В. Сотникова, 2017

«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ВПЕЧАТЛЕНИЙ»: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ XIX–XX вв.

Оксана Николаевна Сидорчук

Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, тел. (383)244-04-89, e-mail: sonya97@mail.ru

В статье рассматривается специфика путеводителя как комплексного исторического источника, включающего архивные материалы, делопроизводственные документы, мемуарные отрывки, статистические сведения и др. Особое внимание уделяется визуальной составляющей путеводителей. Представлен анализ фотографий, коллажей, иллюстраций, конструирующих образ туристического объекта.

Ключевые слова: исторический источник, путеводитель, туризм, повседневность, визуальные источники, туристический объект.

«THE ENCYCLOPEDIA OF IMPRESSIONS»: THE SOURCE POTENTIAL OF THE GUIDES OF THE XIX–XX CENTURIES

Oksana N. Sidorchuk

Novosibirsk State Pedagogical University, 630126, Russia, Novosibirsk, Vilyiskaya St., 28, Ph. D., associate professor, associate professor of the department of Russian and World history, tel. (383)244-04-89, e-mail: sonya97@mail.ru

The article considers the specifics of the guide as a comprehensive historical source, including archival materials, record keeping documents, memoir excerpts, statistical information, etc. Author pays special attention to the visual component of the guides. The article presents the analysis of photographs, collages, illustrations, constructing the image of a tourist object.

Key words: historical source, guide, tourism, street, visual sources, tourist site.

В последнее десятилетие возрос интерес к изучению путеводителей в различных сферах научного знания [1; 4; 6; 9], несмотря на то, что путеводители были введены историками в научный оборот еще во второй половине XX в. Одно из первых комплексных исследований Ю. Александрова описывает путеводитель как «энциклопедию гостеприимства», «широко распахнутое окно в мир», «опытного гид», «универсальный свод знаний», «знаток страны и ее сокровищ» [2]. И. И. Рущинская определяет путеводитель как «способ консервации и репрезентации ценностей и смыслов определенной культурно-исторической эпохи» [3]. Как считают специалисты по исторической имагологии, путеводители являются одним из инструментов конструирования образа местности в массовом сознании [4].

Конференция «Путеводитель как семиотический объект» задала новый вектор в исследовании путеводителей [5]. В работах И. Рущинской, Л. Киселевой, Л. Казаковой подробно рассмотрена история создания путеводителей (бед-

декеров), определены их функции и основные приемы конструирования пространства в процессе формирования туристских практик, представлена типология [6; 8; 9]. Одна из немногих работ, где путеводитель рассматривается как разноплановый исторический источник, включающий в себя статистические сведения, рекламные приложения, фрагменты делопроизводственных и мемуарных источников – исследование А. Ю. Давыдова, посвященное изучению путеводителей по Ленинграду 1920–1930-х гг. [7].

Объектами данного исследования стали путеводители XIX–XX вв. (ограничивается советским периодом) различных регионов Российской империи и СССР. Выбор обусловлен задачами статьи – выявить и охарактеризовать основные визуальные источники, представленные на страницах путеводителей. Основная цель любого путеводителя как справочного издания – сформировать наглядное представление о туристическом объекте (страна, курорт, местность, город и др.), исходя из задач аттракции. Как правило, помимо включения в путеводитель текстов, в виде путевых записей, отрывков литературных произведений, информации справочного характера, статистических сведений в путеводитель помещались визуальные тексты / источники.

Под «визуальным источником» мы вслед за Ю. Л. Троицким понимаем «все, что не повествует в виде текста, но демонстрирует в виде изображения» [10]. Важными с точки зрения методики работы с визуальными источниками стали работы Г. А. Орловой, А. Людтке, О. М. Хлытиной [11; 12; 13].

Впервые значимость изображений в путеводителях подчеркнул А. Ю. Давыдов, заметивший, что «путеводители следует рассматривать не только как письменные источники, но и изобразительные. Имеются в виду многочисленные фотографии... и в совокупности с поясняющими надписями представляют своеобразную летопись» [7, с. 34]. И. В. Сибиряков более детально проанализировал фотографии, помещенные в путеводителях г. Севастополя, выявив частотность и типологию фотографий, опубликованных в разные годы [14].

Представим более детально визуальные источники, помещенные в путеводителях.

Обложка. Изобразительная составляющая обложек путеводителей отличается с одной стороны, художественностью, с другой – лаконичностью. Задача обложки – создать представление не только о туристическом объекте, но и об основном содержании путеводителя, с ориентацией на основного потребителя/читателя (отдыхающий, курортник, автопутешественник и др.). Основная функция обложек путеводителя, на наш взгляд, рекламная. Какие изображения чаще всего помещаются на обложке? Прежде всего, это изображения природных объектов (море, горы, озера, реки и т.д.), затем – растительность, характерная для рекламируемой местности и объекты, являющиеся символами для данного места («Ласточкино гнездо», «Эолова арфа» и др.). Далее на обложку выносились изображения, символизирующие отдых / праздник (люди в модной курортной одежде, пляжи и др.). Если путеводитель предназначался для путешественников-автомобилистов на обложку выносилось изображение автомоби-

ля, для туриста, предпочитавшего морские путешествия – теплоход, яхта, катер [15; 16].

Страницы путеводителя. В путеводителях XIX в. основным изобразительным элементом, размещённым в начале текста, был коллаж. В путеводителях дореволюционного периода помещались изображения, которые условно можно разделить на шесть групп:

1) портреты исторических деятелей, которые внесли существенный вклад в развитие курортного / туристического объекта (например, портрет М. С. Воронцова, сыгравшего огромную роль в развитии курорта Кавказские минеральные воды) или путешествующих / отдыхающих в данной местности или связанных судьбой с местом (например, М. Ю. Лермонтов в путеводителях по Пятигорску);

2) рисунки или фотографии курортных городов (общие планы) как в черно-белом, так и в цветном виде. Иногда цветные рисунки помещались в путеводители в виде вклейки к соответствующему тексту;

3) рисунки и фотографии природных объектов с богатой растительностью;

4) изображения (рисунки или фотографии) архитектурных или скульптурных произведений / достопримечательностей;

5) фотографии, позволяющие туристу / путешественнику составить представление об устройстве курорта (например, «Нарзанная галерея», «Островские ванны», «Кумысолечебницы», «Источник № 17», «Источник Великого князя Михаила» и др.);

6) фотографии современных достижений в бальнеологии и курортологии (грязелечебницы, приборы, применяемые в физиотерапии и др.). Проанализировав изображения, помещенные в путеводителях XIX – начала XX в., можно отметить два основных момента:

1. Путеводитель посредством визуальных изображений формировал у читателя представление о туристическом объекте как месте с богатой историей и не менее ярким настоящим. Прошлое опредмечивалось произведениями искусства / достопримечательностями, соотносилось с деятельностью выдающихся личностей, непосредственно связанных с объектом. Современность была представлена фотографиями новейших сооружений, достижений науки в области курортологии и т.д.

2. Изображения путеводителей отечественных курортов призваны были формировать чувство национальной гордости у читателя, исходя из положения, что «у нас не хуже, чем за границей». Особо это проявляется в путеводителях после Первой мировой войны и объясняется изменениями туристических маршрутов.

Путеводители советского времени (особенно 1930–1940-х гг.) выстраивают визуальный ряд, исходя из двух установок: 1) «советские туристические объекты несравнимо лучше (устроены, оснащены, облагорожены), чем эти же объекты в дореволюционный период»; 2) «советская власть и коммунистическая пар-

тия делает все для счастливого отдыха трудящихся». Это положение (в разных вариантах) помещается как в основной текст, например: «Ежегодно приезжают сюда сотни тысяч людей – они купаются, загорают, дышат чистым приморским воздухом, врачующим, как хорошее лекарство. Уезжают посвежевшими, помолодевшими и надолго сохраняют память о чудесном уголке, руками народа, волею партии превращенном в край отдыха и здоровья советских людей» [17], так и в продуманном визуальном пространстве путеводителя.

Какие новые визуальные элементы, помещенные на страницах путеводителей, отражают эти два основных элемента конструирования образа «советского туристического объекта»? Во-первых, скульптурные изображения вождей партии и правительства (памятники В. И. Ленину и другим вождям коммунистической партии, памятники борцам за дело революции), во-вторых, архитектурные сооружения, демонстрирующие заботу советской власти о здоровье и отдыхе трудящихся (новые санатории, пансионаты, напоминающие в своем архитектурном решении дворцы (например, санаторий Наркомтяжпрома им. С. Орджоникидзе в Сочи), «новая» архитектура формирует «новое» коммуникативное пространство [18], в-третьих, фотографии счастливых отдыхающих советских людей на фоне моря, гор, каньонов, озер, рек, на фоне корпусов санатория, достопримечательностей и т.д.), в-четвертых, фотографии новшеств науки и техники (например, новые теплоходы, дизель-электроходы, турбоэлектроходы и т.д.).

Новым в путеводителях советского времени является и помещение рисунков (прорисовок) на страницы путеводителей, абзацы глав. Основной сюжет рисунков – природа, богатство растительного мира: горы, скалы «крымские сосны будто штурмуют небо», «буки-великаны», «устремленные в небо кипарисы», «бушующая в цвету магнолия».

В 1960–1970-е гг. в путеводителях начинают помещать карты, картосхемы, прорисовки местности с нанесенной символикой. В путеводителях 1970–1980-х гг. используют цветные фотографии, демонстрирующие страну «развитого социализма» с набором обязательных визуальных тематических текстов: туристический объект – богатый край / место с развитой промышленностью и сельским хозяйством, героической историей и яркой современностью.

Таким образом, проанализировав путеводители XIX–XX вв., можно выделить визуальные изображения, которые являются традиционными для этого рода справочных изданий независимо от времени появления: рисунки и фотографии достопримечательностей, технических новинок, исторических сюжетов, связанных с туристическим объектом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдулхакова А., Бородина С. Путеводитель как средство отражения и продвижения туристского объекта // Мир искусства: Вестник международного института антиквариата. – 2016. – № 1 (13). – С. 48–54.
2. Александров Ю. Москва: диалог путеводителей. – М.: Московский рабочий, 1985. – 494 с.

3. Рущинская И. И. Путеводитель как инструмент конструирования региональных достопримечательностей вторая половина XIX – начала XX вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://www/regionalstudies.ru/publication/article/193—xix—xx.html> (дата обращения 7 февраля 2017 г.).
4. Родигина Н. Н. Репрезентация литературных путешествий в Сибирь в русских общественно-политических журналах второй половины XIX в. // Диалог со временем. – 2012. – № 39. – С. 170–182.
5. Путеводитель как семиотический объект Тарту: University Press, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/vademecum/Sbornik.html> (дата обращения 14 февраля 2017 г.).
6. Киселева Л. Путеводитель как семиотический объект: к постановке проблемы (на примере путеводителей по Эстонии XIX в.) // Путеводитель как семиотический объект Тарту: University Press, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/vademecum/Sbornik.html> (дата обращения 14 февраля 2017 г.).
7. Давыдов А. Ю. Источник по истории культурной жизни крупного города – путеводители // Вестник ЛГУ. – 2013. – № 2. – Т. 4. – С. 33–46.
8. Кузнецова Л. Тема курортов в путеводителях: к изучению тактики локальной репрезентации // Путеводитель как семиотический объект. – Тарту: University Press, 2008. – С. 281–292 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/vademecum/Sbornik.html> (дата обращения 14 февраля 2017 г.).
9. Рущинская И. И. Десакрализация российского провинциального пространства в процессе формирования туристских практик (вторая половина XIX – начало XX в.) // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 221–224.
10. Троицкий Ю. Л. Визуальный исторический источник: типология и информационный потенциал // Визуальные образы: новые стратегии использования в образовательной и исследовательской практике. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 104–123.
11. Орлова Г. «Воочию видим»: фотография и советский проект в эпоху их технической воспроизводимости [Электронный ресурс]. URL: <http://urokiistorii.ru/history/soc/2010/24/foto-30h.html> (дата обращения 3 февраля 2017 г.).
12. Людтке А. Исторические фотографии. Реальность изображения [Электронный ресурс]. URL: <http://urokiistorii.ru/learning/method/2010/25/kak-rabotat-s-foto.html> (дата обращения 3 февраля 2017 г.).
13. Хлытина О. М. Почтовые открытки советской эпохи // Визуальные образы: новые стратегии использования в образовательной и исследовательской практике. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 41 – 55.
14. Сибиряков И. В. Образ Севастополя для советских туристов: советские справочники-путеводители об особенностях туристических маршрутов в Севастополе // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2016. – № 4. – Т. 16. – С. 58–63.
15. Гаврилова Л., Нижура А., Растихин С., Эльяш Г. Вдоль Крымских берегов. – Симферополь: Изд-во Крым, 1969. – 128 с.
16. Швец В. Дорогами Крыма: Спутник автолюбителя. – Симферополь: Изд-во Крым, 1964. – 136 с.
17. Хохряков Ю. Южный берег Крыма. – Симферополь: Крымиздат, 1960. – 176 с.
18. Чапля Т. В. Коммуникативное пространство архитектуры // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. – 2016. – № 2 (22). – С. 115–121.

© О. Н. Сидорчук, 2017

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА

Елена Ивановна Петрова

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, кандидат философских наук, доцент кафедры правовых и социальных наук, тел. (383) 344-29-76, e-mail: berta-64@mail.ru

Рассматривается культурный феномен экологического туризма как один из альтернативных видов туризма, возникновение которого обусловлено необходимостью решения обществом глобальных экологических проблем. Внимание акцентируется на гуманитарных аспектах этой разновидности туристской индустрии, его уникальности как не только экономического и социального, но и духовно-нравственного явления, призванного формировать мировоззренческие императивы современной цивилизации на принципах экологического гуманизма.

Ключевые слова: экологический туризм, рекреационная рентабельность, экологическая культура, экологическая ответственность.

HUMAN ASPECT OF ECOLOGICAL TOURISM

Elena I. Petrova

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 630108, Russia, Novosibirsk, 10 Plakhotnogo St., Ph.D., Assoc. Prof., Department of Legal and Social Sciences, tel. (383) 344-29-76, e-mail: berta-64@mail.ru

Cultural phenomenon of ecological tourism is considered here as one of the alternative kinds of tourism. It resulted from the necessity of solving global ecological problems faced by the society. The focus is laid on the human aspects of this industry, its being not only economic and social phenomenon, but also moral and spiritual one. It is to form the worldview imperatives of modern civilization based on the principles of ecological humanism.

Key words: ecological tourism, recreational industry profitability, ecological culture, ecological responsibility.

Туризм сегодня является крупнейшей мировой индустрией, оказывающей значительное влияние на современное общество – мировую политику, экономику, культуру в целом. В качестве массового явления туризм формировался в индустриальную и постиндустриальную эпоху. Его иницирующие факторы – это технический прогресс, значительно увеличивший возможности людей путешествовать, а также психологические и биологические потребности урбанизированного населения, жаждущего отдыха и смены окружающей обстановки. Этот сравнительно молодой культурный феномен корнями уходит в далекое прошлое, более того, обусловлен психическими, биологическими, физиологическими и духовными потребностями человека и, следовательно, имеет гуманистическую подоплеку.

На протяжении всей многотысячелетней истории человечеству было свой-

ственно стремление к познанию мира, к путешествиям с целью развития торговли, поисков новых ресурсов, освоения новых транспортных путей и новых земель. Путешествия во все времена имели непреходящее значение для культуры, выступая в роли средств межкультурных коммуникаций, своеобразной «кровеносной системы» культурного организма. Путешествуя, человек раздвигал горизонты своего мировосприятия, удовлетворяя свои глубинные, неизбывные духовные запросы. В широком культурном контексте туризм реализует потребность в духовном освоении мира.

Туризм подразумевает определённый образ жизни человека. В словаре иностранных слов, И. П. Бодуэна де Куртуне, изданном в России в 1911 году, понятие «турист» определяется как «путешествующий ради познавательности, удовольствия и развлечения». Человек не может не реализовывать свои психофизиологические и духовно-интеллектуальные потребности – активное движение, путешествия, отдых от рутины и повседневности, психологический комфорт, познание нового, общение, релаксация и оздоровление. Всё это ему предоставляет туризм.

Современное состояние туристического бизнеса демонстрирует тенденцию переориентирования платежеспособного контингента из сектора банального «пляжно-курортного» отдыха и стандартных туров в сектор неординарных видов туризма: экологического, экстремального, полярного, научного. Долгое время господствовавшая в европейской ментальности антропоцентрическая мировоззренческая модель перед лицом глобальных экологических проблем вытесняется новой парадигмой и стратегией – коэволюционной. Экономический императив все чаще заменяется экологическим [1]. Экологический кризис вызывает потребность изменить собственное отношение к природе, активно участвовать в ее защите, сохранении и восстановлении, найти сторонников и единомышленников в деле охраны природы.

Развитие экотуризма связано с возрастанием интереса общества к экологическим проблемам. Рост урбанизации и, как следствие, трансформации естественных территорий неизбежно провоцирует интерес к альтернативным видам туризма, в частности, к экологическому туризму с его вниманием к изучению природы, стремлением оказаться в местах планеты, не пострадавших от бездумной хозяйственной деятельности. Сегодня доля экотуризма составляет примерно 20% от мирового рынка туризма. Эта цифра продолжает расти, как и экологическая сознательность населения. Экологический туризм призван изменить поведенческую направленность современного человека от потребительской стратегии к экономически выгодной и экологически грамотной.

Экотуризм можно рассматривать в экономических, политических, социальных, правовых и гуманитарно-нравственных аспектах. В реальности все эти его стороны теснейшим образом взаимосвязаны и взаимообусловлены. Например, выгода от экологического туризма огромна – это повышение экономической устойчивости территорий, вовлеченных в рекреационное пользование, путем создания новых рабочих мест, привлечения в сферу услуг местного населения и повышения его жизненного уровня. Экономически и экологически продуманная организационная политика туристической индустрии, позволяющая использовать природный ресурс существенно эффективней, чем аграрные, про-

мышленные виды хозяйственной деятельности или запреты на любую деятельность, делает её высокодоходной и перспективной отраслью хозяйства. Незведанные территории планеты обладают огромным рекреационным потенциалом. Экологический туризм, в отличие от других видов отдыха, не требует значительных организационных затрат и капиталовложений, поскольку ориентирован преимущественно на категорию людей, не предъявляющих высоких требований к уровню туристского сервиса. Экотуристы – наименее притязательная составляющая туристского контингента. Привлекательность уникальных природных объектов, рельеф местности, растительность, климат, возможность дышать чистым воздухом, пить и купаться в чистой воде, экологически чистые продукты, редкие и экзотические представители фауны и флоры, эстетика природных и культурных ландшафтов, историко-культурные ценности и этнографические особенности для них приоритетны перед сложной транспортной доступностью и отсутствием туристской инфраструктуры.

Уникальность феномена экологического туризма в том, что это не только разновидность бизнеса, но и социальное явление, основанное на гуманистических целях и принципах. Духовное содержание экотуризма едва ли не преобладает над материально-экономической его составляющей и влияет на гармоничное развитие человеческой личности, выполняя познавательные, воспитательные и нравственные функции. «Экотуризм» – понятие более широкое, чем понятие природного туризма. В 1980-е годы академик Д. С. Лихачев расширил понятие экологии, включив в него экологию культуры, выделив роль исторической памяти и духовной преемственности. Наш соотечественник подчеркивал, что для сохранения жизни человека не менее чем естественная среда обитания, важна среда, созданная культурой его предков и им самим [2]. Международная организации экотуризма (TIES) дает следующее определение экотуризма: «ответственное путешествие в природные зоны, области, сохраняющие окружающую среду и поддерживающее благосостояние местных жителей» и формулирует заповеди эко туриста, в которых находит отражение философия – кредо экотуризма: не берите ничего, кроме отснятых фотографий; не оставляйте ничего, кроме следов ног [3]. Характеристика «ответственное путешествие» в дефиниции TIES, по сути, указывает на важный нравственный аспект экотуризма как культурного феномена – способность мыслить в масштабах всей планеты и совершать моральный выбор, беря на себя ответственность за решение и поступок. Вполне обоснованно, глобальный этический Кодекс туризма, одобренный на Генеральной ассамблее Всемирной туристской организации (ВТО) в Сантьяго (Чили) 1 октября 1999 года, признал экотуризм особо ценной формой туризма в силу его уважения к природному, культурному наследию и к местному населению. В 2001 году была создана Российская ассоциация экологического туризма, а в 2002 году вышли в свет «Экологическая доктрина Российской Федерации» и Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. №7-ФЗ. Преамбула доктрины содержит следующую запись: «Дальнейшая деградация природных систем ведет к дестабилизации биосферы, утрате ее целостности и способности поддерживать качество окружающей среды, необходимое для жизни. Преодоление кризиса возможно только на основе формирова-

ния нового типа взаимоотношений человека и природы» [4]. Такие значительные изменения в экологической установке и политике страны были вызваны необходимостью следовать стандартам мирового сообщества, а также катастрофическим состоянием экологии огромного территориального массива государства.

Ориентация на устойчивое развитие, использование рыночных механизмов для формирования экологического мировоззрения населения, охрана природы как источника материального благополучия, стимулирующая повышение уровня экологической культуры населения [5] – вот основные преимущества экологического туризма. Когда обычные люди не на основе агитации, а на практике убедившись в эколого-эстетической ценности и рекреационной рентабельности своего природного ландшафта, осознают, что он может приносить материальную выгоду, они приходят к мысли о необходимости беречь его и рационально использовать.

Таким образом, есть основания называть экотуризм не только экономическим и социальным явлением, но и духовно-нравственным. Воспитать доброго, отзывчивого и морально ответственного человека можно только через общение с природой. Экологическое воспитание представляет собой целенаправленное воздействие на духовное развитие, формирование ценностных установок, нравственно-экологической позиции личности, умения и навыков экологически обоснованного взаимодействия с природой и социумом [6], – писал К. Д. Ушинский. Человек, обладающий экологической культурой, способен жить в гармонии со своим внутренним и внешним миром, следуя главному принципу экологического гуманизма – отказу от насилия над природой и человеком.

Экологический туризм помогает современному человеку, живущему в техническом и урбанизированном мире с бешеными ритмами, рисками и стрессами, все чаще испытывающему дефицит в удовлетворении насущных рекреационных потребностей, восстановить психическое, физическое и нравственное здоровье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Петрова Е. И. Экологизация сознания в информатизирующемся обществе // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2016. XII Междунар. науч. конгр. : Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность» : сб. материалов в 2 т. (Новосибирск, 18–22 апреля 2016 г.). – Новосибирск : СГУГиТ, 2016. Т. 1. – С. 159–165.
2. Лихачев Д. С. Экология культуры // Избр. работы в 3-х томах. – Т. 2. – М. : Академические вести, 1996. – С.484.
3. Глобальный этический Кодекс туризма [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://scicenter.online/etika-estetika_1597/globalnyiy-eticheskiy-kodeks-11031.html
4. Экологическая доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/548754.
5. Квартальнов В. А. Теория и практика туризма. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 283 с.
6. Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения в 2-х томах. – М., 1974. – С. 66.

© Е. И. Петрова, 2017

ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В КАЗАХСТАНЕ

Дарья Васильевна Пархоменко

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры правовых и социальных наук, тел. (383)343-29-55, e-mail: dara8@inbox.ru

Александр Валерьевич Цуканов

АО «Национальные информационные технологии», 010000, Республика Казахстан, г. Астана, Дом министерств, подъезд 16В, ведущий специалист Департамента функционального сопровождения информационных систем и сервисов, тел. (7172)74-10-81

Ирина Владимировна Ленишина

Независимый судебный эксперт, тел. (913)910-48-11, e-mail: lenshina_iv@mail.ru

В статье описываются причины недовольств, вызванных земельными реформами Республики Казахстан весной 2016 г. Описываются преимущества такой реформы, приводятся сравнение с российской практикой оборота земель сельскохозяйственного назначения и делается вывод о целесообразности реформаторского курса президента страны.

Ключевые слова: Республика Казахстан, земельная реформа, земли сельскохозяйственного назначения.

LAND REFORM PROBLEMS IN REPUBLIC OF KAZAKSTAN

Darya V. Parkhomenko

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 630108, Russia, Novosibirsk, 10 Plakhotnogo St., Ph. D., Senior lecturer, Department of Legal and Social Sciences, tel. (383)361-01-09, e-mail: dara8@inbox.ru

Alexandr V. Tsukanov

National Information Technologies JSC, 010000, Republic of Kazakstan, Astana, House of Ministries, Left Bank, entrance 16B, lead specialist of informational systems and services functional support, tel. (7172)74-10-81

Irina V. Lenshina

Independent Land Surveying Expert, tel. (913)910-48-11, e-mail: lenshina_iv@mail.ru

The article is about land laws reforming disaffection in Republic of Kazakstan. The advantages of reforms are discussed, agricultural lands distribution in Russian Federation and Republic of Kazakstan are compared. The usefulness of reforms is concluded.

Key words: Republic of Kazakstan, land reforming, agricultural lands.

Республика Казахстан характеризуется высоким доверием населения к главе государства и высоким уровнем ответственности главы государства по отношению к населению Казахстана. Ярким примером тому служит акцент, поставленный лидером нации на внутривластную стабильность и консолидацию

общества еще в конце 90-х [1]. Программа развития Республики Казахстан планировалась для реализации до 2030 г., но в 2012 г. Нурсултан Абишевич объявил выполненными стратегии развития [2]. Подводя итоги реализации своей программы в 2012 г., президент сделал акцент на отсутствие серьезных разногласий и дискуссий внутри страны. Суть нового послания включала в себя двадцать элементов («Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда») [3]. В 2015 году, обращаясь к правящей партии, президент предлагает актуализировать пять направлений развития. В них он обращает свое внимание на необходимость:

- повышение уровня профессионализма служащих госаппарата (еще в программе «Казахстан-2030» этому вопросу, именованному «профессиональное государство» уделялась значительная роль);
- обеспечение гарантий права собственности;
- диверсификация за счет пересмотра отношения к аграрному сектору. Президент говорил о «индустриализации и экономическом росте, основанном на диверсификации», но инструментом достижения этой цели он видел аграрный сектор;
- поддержание национальной стабильности и согласия;
- сохранение политической стабильности [4].

После анализа выдвинутых тезисов представляется удивительным феномен, который интернет-портал «Википедия» озаглавил «Волнения в Казахстане 2016», назвав ситуацию «первыми массовыми волнениями в Казахстане после Жанаозенских протестов» [5].

Поводом для возникновения массовых беспокойств стали поправки в Земельный кодекс Республики Казахстан - Закон Республики Казахстан от 2 ноября 2015 года № 389-V «О внесении изменений и дополнений в Земельный кодекс Республики Казахстан» [6]. Основные изменения были направлены на возможность предоставления земельных участков в аренду гражданам Республики Казахстан (с возможностями предоставления сельскохозяйственных угодий в субаренду и последующего выкупа) и иностранным гражданам (без возможности выкупа в собственность). В связи с реакцией общества, введение в силу указанного акта было приостановлено до 31 декабря 2016 г. (Закон Республики Казахстан от 30 июня 2016 года № 5-VI «О приостановлении действия отдельных норм Земельного кодекса Республики Казахстан и введения в действие Закона Республики Казахстан от 2 ноября 2015 года «О внесении изменений и дополнений в Земельный кодекс Республики Казахстан») [7].

Различными авторами называются следующие причины недовольства населения, вызванного реформой:

1. Непонимание сути идеи реформы. Так, по сведениям новостного портала Tengrinews [8], вышедшие на митинги и демонстрации люди считали, что реформа направлена на подрыв национальной продовольственной безопасности в части предоставления иностранцам права собственности на казахстанские сельскохозяйственные угодья. Именно в этой причине официальные источники видят основу волнений [9] и именно на устранение непонимания направлены действия правительства в течение полугода, на который отложено введение в силу законопроекта.

2. Сильные синофобские настроения среди части протестующих. Эту причину называют ряд авторов [10],[11]. Категорию можно расширить до страха перед иностранным капиталом: так, законопроект направлен на поддержку оралманов (репатриантов, возвращающихся на историческую Родину), потенциально способных повлиять на принятый земельный оборот страны, а не на растрачивание национального богатства.

3. Несвоевременность реформы. Так, ряд авторов указывает на несвоевременность перемен, которые сопровождаются экономическим кризисом и обеднением народных масс [12]. Кроме того, указывается на отсутствие необходимости такой реформы, ее экономической нецелесообразности [13].

4. Координированные действия иностранных специальных служб, то есть намеренный подрыв авторитета правящей партии «Нур Отан» и системы государственной власти Казахстана. О такой причине было заявлено в средствах массовой информации [14], которые приводили в качестве доказательства рассказы очевидцев о подкупе отдельных лиц иностранными спецслужбами и называли стоимость действий митингующих [15].

Авторы настоящей статьи в наибольшей степени согласны с мнением политического лидера, Н. А. Назарбаева, указывающего на то, что массы были плохо подготовлены средствами массовой информации к предстоящим реформам. Так, не были освещены [16] явные преимущества реформы. Отметим, что всякая реформа в демократическом государстве для ее эффективного внедрения в практику, своей содержательной составляющей должна пройти этапы, обозначенные на рисунке.

Рис. Схема внедрения реформы

Вступивший в силу в 2002 году Федеральный закон Российской Федерации «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [17] с самого начала определил характер правоотношений, возникающих у «иностранных» субъектов относительно земель сельскохозяйственного назначения: «могут обладать земельными участками из земель сельскохозяйственного назначения только на праве аренды». За 14 лет норма менялась дважды, но с целью уточнения субъектов. Общая идея оставалась неизменной. Калинин Н. И., Удачин А. А. в по-статейных комментариях [18] к указанному закону отмечают, что норма продиктована с одной стороны – интересами российского товаропроизводителя, и желанием законодателя создать для него особые условия при конкуренции с представителями иностранного капитала, с другой стороны – исходила из возможностей, существующих у граждан России и иностранных юридических лиц.

В связи с этим российскому практику реформы земельного законодательства, планировавшиеся в Казахстане 2016 году, представляются недостаточно подготовленными, но вполне своевременными.

Представляются очевидными следующие преимущества земельной реформы в Республике Казахстан:

1. Увеличение доли аграрного сектора в ВВП страны.
2. Стимулирование аграрного сектора экономики за счет иностранных инвестиций.
3. Приток технических и технологических аграрных решений, реализуемых в рамках культивации и использования сельскохозяйственных угодий.
4. Увеличение коренного этнического населения Казахстана за счет репатриантов. Так, красной линией по всем выступлениям президента страны проходит мысль, которую подтверждают и ученые страны: «Казахстан - полиэтническое государство, где в дружбе и согласии проживают представители 130 наций и народностей» [19]. В то же время создание национальной идентичности невозможно без восполнения корней государственности.

В заключение следует сделать вывод, что проводить разъяснительную политику не означает жонглировать красивыми словами. Без понимания необходимости реформы населением страны невозможно улучшить ее благосостояние. В связи с чем представляется дальновидным решение президента Республики Казахстан об отложении реформирования до разъяснения положений реформы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Послание Президента страны народу Казахстана 1997 года. Программа Казахстан 2030. – www.kazembassy.ge/rk2030.pdf
2. Байгарин М. День Независимости: Современный Казахстан - это результат нашего единения, упорного труда, живое воплощение устремлений и надежд народа. – 16.12.2012 г. – http://www.inform.kz/kz/den-nezavisimosti-sovremennyy-kazahstan-eto-rezul-tat-nashego-edineniya-upornogo-truda-zhivoe-voploschenie-ustremleniy-i-nadezhd-naroda_a2519125.
3. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда. – Казахстанская правда. – 10.07.2012. – http://www.inform.kz/ru/social-naya-modernizaciya-kazahstana-dvadcat-shagov-k-obschestvu-vseobschego-truda_a2478336.

4. Президент предложил 5 институциональных реформ. – 11.03.2015. – <https://kapital.kz/gosudarstvo/38553/prezident-predlozhit-5-institucionalnyh-reform.html>.
5. Сайт «Википедия» [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B5_\(2016\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B5_(2016))
6. Закон Республики Казахстан от 2 ноября 2015 года № 389-V «О внесении изменений и дополнений в Земельный кодекс Республики Казахстан». – http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33479343#pos=1;-263
7. Закон Республики Казахстан от 30 июня 2016 года № 5-VI «О приостановлении действия отдельных норм Земельного кодекса Республики Казахстан и введения в действие Закона Республики Казахстан от 2 ноября 2015 года «О внесении изменений и дополнений в Земельный кодекс Республики Казахстан». – http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=32306793.
8. Назарбаев отчитал министров за их закрытость, Tengrinews (5 мая 2016). – https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-otchital-ministrov-za-ih-zakryitost-293913/
9. Назарбаев отступил: чиновники будут следить за настройками в соцсетях, - ИА REGNUM. – 5 мая 2016. – <https://regnum.ru/news/polit/2128839.html>
10. Абдурасулов А. Страх перед Китаем вывел людей в Казахстане на улицы. – Би-би-си. – 9 апреля 2016. – http://www.bbc.com/russian/international/2016/04/160429_kazakhstan_land_rent_protests.
11. Харченко А. Протесты в Казахстане: почему в стране назрел «майдан». – 22.05.2016. – <http://vesti-ukr.com/mir/149607-protesty-v-kazahstane-pochemu-v-strane-nazrel-majdan>.
12. Толеуханова А. Казахстан: «Земельные протесты» — отражение недовольства общим положением дел в стране? - EurasiaNet. ИноСМИ. – 6 мая 2016.
13. Арыстанбеков К. Земельная реформа в Казахстане: где ошиблось правительство? – http://forbes.kz/process/expertise/zemelnaya_reforma_v_kazahstane_pochemu_pravitelstvo_oshiblos
14. За провокации в Казахстане хорошо заплатили. – Первый канал Казахстана. – 29 апреля 2016.
15. За провокации в Казахстане хорошо заплатили. – Первый канал Казахстана. – 14 мая 2016.
16. Назарбаев Н. А. Стратегия становления постиндустриального общества и партнерство цивилизаций. – М: Экономика, 2008. 398 с.
17. Федеральный закон Российской Федерации «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24 июля 2002 года № 101-ФЗ. – <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=201504>.
18. Калинин Н. И., Удачин А. А. Постатейные комментарии Федерального закона Российской Федерации «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». – <http://www.valnet.ru/m7-145.phtml>.
19. Мухамбетов М. А. Стратегия «Казахстан-2030» реальная основа развития регионов Республики Казахстан. Известия Оренбургского государственного аграрного университета – 2004. – Вып.1. – Т.1 – <http://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-kazahstan-2030-realnaya-osnova-razvitiya-regionov-respubliki-kazahstan>.

© Д. В. Пархоменко, А. В. Цуканов, И. В. Ленишина, 2017

65 ЛЕТ КАК ОДИН МИГ. ИЗ ИСТОРИИ НОВОСИБИРСКОГО ПЛАНЕТАРИЯ

Ирина Владимировна Парко

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, и.о. директора в УНЦ «Планетарий», тел. (913)959-17-30, e-mail: iparko@yandex.ru

Виктория Геннадьевна Дамм

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, менеджер в УНЦ «Планетарий», тел. (983)120-12-47, e-mail: dammvg@mail.ru

Анастасия Владимировна Симкина

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, специалист по учебно-методической работе в УНЦ «Планетарий», тел. (961)846-05-20, e-mail: savantamuserussia@mail.ru

В статье рассказывается об УНЦ «Планетарий» СГУГиТ. История планетария насчитывает 65 лет и подробно рассказывает о появлении оптического прибора «Малый Цейсс» в городе Новосибирск и НИИГАиКе. Указаны основные вехи работы планетария, названы руководители, перечислены основные виды деятельности. Рассказываются планы на будущее и рассматриваются перспективы развития УНЦ «Планетарий».

Ключевые слова: астрономия, популяризация, планетарий, история, «Малый Цейсс», лекции, оптический прибор, штаты, сотрудники.

65 YEARS LIKE ONE INSTANT. FROM THE HISTORY OF NOVOSIBIRSK'S PLANETARIUM

Irina V. Parko

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 630108, Russia, Novosibirsk, 10 Plakhotnogo St., Acting director of the UC «Planetarium», tel. (913)959-17-30, e-mail: iparko@yandex.ru

Victoria G. Damm

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 630108, Russia, Novosibirsk, 10 Plakhotnogo St., manager of the UC «Planetarium», tel. (983)120-12-47, e-mail: dammvg@mail.ru

Anastasia V. Simkina

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 630108, Russia, Novosibirsk, 10 Plakhotnogo St., a specialist in educational and methodical work in the UC «Planetarium», tel. (961)846-05-20, e-mail: savantamuserussia@mail.ru

In the article is told about Planetarium SSUGT. The history of planetarium contains 65 years and in detail tells about emergence of the optical device "Small Tseyss" in Novosibirsk and НИИГАиК. The main developmental milestones of planetarium, chiefs and primary activities are showed. In the Article are considered the future plans and development of Planetarium.

Key words: astronomy, promoting, planetarium, history, "Small Tseyss", lectures, optical device, states, employees.

Что такое 65 лет в масштабах вечной, бесконечной Вселенной?

В этом, 2017 году, Учебно-научный центр «Планетарий» при Сибирском государственном университете геосистем и технологий достиг возраста 65 лет.

Планетарий в СГУГиТ был единственным в г. Новосибирске, до открытия в 2012 году Детско-юношеского центра. Свое появление в городе, оптический прибор-имитатор звездного неба, начал задолго до строительства нашего университета.

Новосибирский Планетарий был открыт 15 января 1952 года в деревянном здании часовни, расположенной в Парке культуры и отдыха им. Сталина. Прибор – планетарий «Малый Цейсс» – был изготовлен на Народном предприятии «Карл Цейс Йена» в ГДР. Владельцем Планетария в г. Новосибирске стало Новосибирское областное отделение Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР. К чтению лекций были привлечены сотрудники НИИГАиК (СГУГиТ): Буткевич Адольф Вениаминович, в последующем - профессор кафедры высшей геодезии, и представитель кафедры физики Сафронов Сергей Николаевич [1].

Через четыре года Планетарий с оборудованием был передан Отделу культуры Горисполкома. Исполняющей обязанности заведующего Планетарием и одновременно механиком Планетария была назначена Е. К. Зеленецкая. Активным лектором Планетария в ту пору был Владимир Александрович Меркушев – кандидат наук, в последующем заведующий кафедрой астрономии и гравиметрии НИИГАиК, а членом Президиума правления Новосибирского отделения стала Овсянникова Фёкла Ивановна, доцент кафедры философии марксизма-ленинизма.

Рис. 1. Деревянное здание часовни в парке культуры и отдыха им. Сталина

Рис. 2. Вид звездного зала в здании НИИГАиК

Новосибирский Планетарий пользовался большой популярностью у детей и взрослых. По рассказам жителей Центрального района, многие из них бывали в Планетарии по несколько раз в год.

В 1963 г. часовенку снесли в связи со строительством на этом месте театра музыкальной комедии, а прибор планетарий в упакованном виде складировали под трибунами стадиона. Пролежал он там пять лет, пока в лабораторном корпусе НИИГАиК по инициативе ректора Проворова Константина Леонтьевича и заведующего кафедрой астрономии и гравиметрии Напалкова Всеволода Петровича был построен специальный «Звёздный зал» со сферическим куполом диаметром 6 метров [2].

В 1968 году Планетарий был переведён в «Звёздный зал», прибор «Малый Цейс» смонтирован механиками Московского планетария и стал обслуживаться сотрудниками кафедры астрономии и гравиметрии НИИГАиК. Меркушев В. А. продолжил читать лекции для студентов и для жителей города.

В 1972 году директором стала Кошелева Галина Ильинична. Лекторами работали Меркушев В. А., Серкин Г. Ф., Суздаев А. С., Антонович К. М., Шендрик Н. К., Ковалёв Р. З., Костына Ю. Г., Горкунова Н. Г.

В 1975 году директором Планетария стал Бакулин Геннадий Лукич, а после его ухода на пенсию в октябре 1981 г. - Горкунова Надежда Георгиевна. Лекторами в этот период были Седаков А. В., Луговская Е. А., Гиенко Е. Г., Ганагина И. Г. В штате МУК «Планетарий» также работали: главный бухгалтер Фёдорова Н. Г., кассир Доставалова Г. М., в штате имелся механик [3].

До 30 сентября 1999 г. Планетарий являлся Муниципальным Учреждением Культуры (МУК) при Отделе культуры Новосибирского горисполкома. [4]

По инициативе ректора СГГА (НИИГАиК) Лесных И. В. была проведена передача Планетария в ведение СГГА. С 1 октября 1999 года при кафедре астрономии и гравиметрии организован Учебно-научный центр (УНЦ) «Планетарий».

Рис. 3. Состав кафедры АиГ и сотрудников Планетария

Рис. 4. Сотрудники Планетария в 2002 г.

Фактически УНЦ «Планетарий» стал пятой лабораторией кафедры астрономии и гравиметрии наряду с лабораториями космической геодезии, физической геодезии, геодезической астрономии и гравиметрии.

Штатные сотрудники УНЦ «Планетарий» на тот период: научный руководитель доцент, кандидат физ.-мат. наук Шептунов Геннадий Спиридонович, администратор – Н.Г. Горкунова, лаборант – Г.М. Доставалова.

Техническое оснащение УНЦ «Планетарий» существенно улучшилось, добавилась астрономическая площадка и наблюдательная техника – бинокли, ТЗК. Лекторский состав включал всю кафедру астрономии и гравиметрии.

С 12 ноября 2002 г., в связи с уходом из жизни Шептунова Г. С., руководителем УНЦ «Планетарий» была назначена Луговская Елена Алексеевна.

В 2010 году введено новое штатное расписание, пришли новые сотрудники: Сунгатулина Е. Ф. – менеджер; Дамм В. Г. – специалист по учебно-методической работе; Парко В. Л. – инженер, позже специалист по УМР – Васильева О. И.; техники – Шаржанова К. М., Горохова Л. И.

С 2013 года директором УНЦ «Планетарий» является Парко Ирина Владимировна – старший преподаватель кафедры наносистем и оптотехники, института оптики и оптических технологий.

В настоящее время штат УНЦ «Планетарий» насчитывает всего 3 человека: Парко Ирина Владимировна – и.о. директора УНЦ «Планетарий»; Дамм Виктория Геннадьевна – менеджер; специалист по учебно-методической работе Симкина Анастасия Владимировна.

Создан постоянный астрономический отряд для работы внутри ВУЗа и на выездных мероприятиях, в который входят студенты всех специальностей СГУГиТ. К чтению лекций в Мобильном планетарии и для консультации на астрономических площадках привлекаются студенты астротряда, предварительно прошедшие подготовку.

Работа УНЦ «Планетарий» активно развивается в направлении популяризации астрономии и профориентации СГУГиТ.

Начиная с 2006 года, совместно с АО «Швабе – Оборона и Защита» и АО «Швабе – Приборы» (бывший ПО «НПЗ» и ЦКБ «Точприбор») и мэрией города, ежегодно в середине сентября в окрестностях г. Новосибирска проводится Региональный сибирский астрономический форум. Поддержку форуму оказывают научные, учебные, общественные организации, а также разработчики и производители астрономической техники. Число участников достигает 500 человек. Гостями форума являются космонавты, ученые, астрономы-профессионалы и любители астрономии, строители телескопов, а также те, кто хочет научиться тому, как наблюдать звездное небо и как сделать телескоп. В России подобный проект реализуется только в Москве, но там он коммерческий. В Новосибирске все делается для того, чтобы возродить интерес к астрономии, привлечь как можно больше школьников, студентов к участию в астрофоруме и других астрономических мероприятиях. А в будущем эта молодежь придет на смену ученым и станет новым поколением астрономов.

Благодаря накопленному опыту, УНЦ «Планетарий» стал организатором проектов создания 18 площадок в различных районах города для наблюдения «Полного солнечного затмения 1 августа 2008 года» и 6 площадок для наблюдения «Прохождения Венеры по диску Солнца», 6 июня 2012 года. Проекты были разработаны успешно и реализованы при участии АО «Швабе – Оборона и Защита», АО «Швабе – Приборы», СГУГиТ и мэрии г. Новосибирска.

Сегодня УНЦ «Планетарий» – активный участник международных конгрессов, выставок, форумов, научных фестивалей. Планетарий располагает большим набором переносного астрономического оборудования и техническим оснащением. Таким является Мобильный планетарий, благодаря надувному куполу которого, в любом помещении, можно прочитать лекцию по звездному небу. А также телескопы, среди которых: солнечный телескоп Coronado и линейка телескопов ТАЛ. Благодаря имеющейся технической базе сотрудники УНЦ «Планетарий» организуют выезды студенческого астрономического отряда в летние детские оздоровительные лагеря. Ежегодным традиционным мероприятием является день астрономии на площади у Монумента Славы, который проводится в мае в день школьного Последнего звонка. Дни астрономии проводятся в различных районах г. Новосибирска, г. Бердске и НСО. Выездные астрономические мероприятия проходят на площадках городских школ.

Рис. 5. Сотрудники УНЦ «Планетарий», 2015 г.

Рис. 6. Астроотряд на выездном мероприятии в НАТК

Результатом большой многогранной работы УНЦ «Планетарий» в сотрудничестве с АО «Швабе» и мэрией г. Новосибирска стало строительство ДЮЦ «Планетарий» в Октябрьском районе.

В настоящее время наработанные методики, хороший технический инструментарий, опытные сотрудники – все это позволяет качественно вести работу в УНЦ «Планетарий», принимать многочисленных посетителей Звездного зала, заниматься популяризацией астрономии в регионе, вести работу со СМИ.

УНЦ «Планетарий» имеет огромное количество почетных грамот и благодарственных писем за проделанную работу в области популяризации астрономии, при сотрудничестве с различными детскими учреждениями.

Важнейшими задачами УНЦ «Планетарий» являются: развитие профессиональной творческой активности молодежи; расширение знаний населения в области астрономии и космонавтики, предоставление возможности увидеть небесные астрономические объекты с помощью качественных оптических приборов, фотографирование небесных объектов; популяризация астрономии и космонавтики, привлечение широкого круга любителей к самостоятельным астрономическим наблюдениям и исследованиям.

Итак, 65 лет Планетарию – много сделано, есть чем гордиться, но еще больше дел впереди. В планах УНЦ «Планетарий» много новых идей, новых проектов, новых выездных мероприятий и строительство обсерватории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Советская Сибирь. – 1951. – 5 сентября. – № 205.
2. Вечерний Новосибирск. – 1966. – 5 апреля.
3. Вечерний Новосибирск. – 1975. – 29 октября.
4. Постановление мэра г. Новосибирска Толоконского В. А. от 27.05.99 за номером 557, «Об организации деятельности планетария на базе Сибирской государственной геодезической академии».

© И. В. Парко, В. Г. Дамм, А. В. Симкина, 2017

ВЫСШАЯ ШКОЛА В ДИСКУРСЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Алексей Григорьевич Осипов

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, доктор исторических наук, зам. директора Научно-исследовательского института стратегического развития, тел. (383)344-35-62, e-mail: a.g.osipov@ssga.ru

Вячеслав Николаевич Савиных

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института стратегического развития, тел. (383)344-35-62, e-mail: savinslav@inbox.ru

Наталья Николаевна Макаренко

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, старший преподаватель кафедры правовых и социальных наук, тел. (383)344-35-62, e-mail: makaren.67@mail.ru

В современных условиях, под воздействием процесса глобализации, парадигма высшего образования обретает иное измерение. Высшая школа должна оказывать существенное влияние на модификацию дискурса глобализации в интересах традиционной системы высшего образования России.

Ключевые слова: высшая школа, дискурс глобализации, провайдеры образовательных программ, университеты исследовательского типа.

THE HIGHER SCHOOL IN THE GLOBALIZATION DISCOURSE

Alexey G. Osipov

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 630108, Russia, Novosibirsk, 10 Plakhotnogo St., D. Sc., the deputy director, tel. (383)344-35-62, e-mail: a.g.osipov@ssga.ru

Vyacheslav N. Savinykh

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 630108, Russia, Novosibirsk, 10 Plakhotnogo St., Ph. D., the senior research associate, tel. (383)344-35-62, e-mail: savinslav@inbox.ru

Natalya N. Makarenko

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 630108, Russia, Novosibirsk, 10 Plakhotnogo St., senior teacher of department of legal and social sciences, tel. (383)344-35-62, e-mail: makaren.67@mail.ru

The paradigm of the higher education finds other measurement in modern conditions, as a result of globalization process. The higher school has to have significant effect on modification of discourse of globalization for the benefit of traditional system of the higher education of Russia.

Key words: higher school, globalization discourse, providers of educational programs, universities of research type.

В начале XXI века глобализация стала оказывать мощное трансформирующее воздействие на национальные системы высшего образования. Для того, чтобы адаптироваться к меняющимся условиям, такие системы должны приобрести организационную гибкость. Это относится ко всем странам, стремящимся к созданию новой экономики знаний, но особенно важно для России, где жесткие правила ведения производственной и образовательной деятельности сделали гибкость ее высшей школы проблематичной [1, с. 478].

Системе образования присуща определенная матрица – совокупность принципов, институциональных образований и информационных кодов, определяющих её повседневное развитие и функционирование [2, с. 34]. Необходимо постоянное её обновление, осуществляемое в гармонии со всеми остальными элементами, что способно принести образованию неопределимую пользу. В то же время повреждение матрицы или искусственная ломка могут вызвать в образовании катастрофические последствия [3, с. 38]. Поэтому следует в полной мере учитывать, что глобализация – это наиболее фундаментальный вызов, с которым столкнулась высшая школа, пожалуй, за всю свою историю.

В научно-педагогическом сообществе налицо сомнения в жизнеспособности высшей школы как национального института. Фактически вопрос стоит так: сохранится ли высшая школа в качестве основной центра воспроизводства и передачи знаний в интересах национальных государств или ей на смену придут интернациональные провайдеры (продавцы образовательных программ). Это становится возможным в условиях глобализации, когда национальные провайдеры высшего образования, ранее ограниченные в предоставлении услуг рамками государственных границ, стран пребывания, стали экспортировать свои услуги. При этом получение знаний приобретает характер торговой транзакции. Это требует умения торговать знаниями как товаром в броской упаковке. Формируется представление о конкуренции и рынке как всеисцеляющем средстве для снятия проблем образования. Однако это требует превращения вузов в предприятия образовательного бизнеса.

Возникает вопрос: смогут ли в такой ситуации традиционные вузы конкурировать с глобальными игроками на образовательном поле, или они неизбежно окажутся аутсайдерами. Не случайно образовательные реформы становятся местом соревнований, конфликтов и противоречий, в которых локальные дискурсы (сохранение национальных, и в локальном масштабе установленных, методов обучения), кажутся, более убедительными, чем глобальные дискурсы освоения будущего посредством стандартизации и гомогенизации [4, с. 331].

Традиционные вузы, при их модернизации, становятся вполне конкурентоспособными. Одно из главных преимуществ традиционной системы подготовки кадров перед провайдерской в том, что традиционные университеты не только аккумулируют и транслируют, но генерируют новые знания. Следовательно, в условиях глобализации реальную конкуренцию образовательным провайдерам могут составить университеты исследовательского типа.

Кроме того, с помощью технологии сетевого и дистанционного обучения весьма проблематично сформировать специалиста, способного продуцировать новые знания и осуществлять научные разработки. Дело в том, что с помощью дистанционных технологий обучения практически невозможна передача так называемых «неявных знаний», которые зачастую постигаются лишь в личном общении наставника и ученика.

Тем не менее, у образования провайдерского типа есть весьма важное преимущество. Социальное неравенство в доступе к высшему образованию по мере глобализации не только не сокращается, но и растет, а это обстоятельство будет способствовать ускоренному развитию образования провайдерского направления со схемой транснационального образования.

Региональное сотрудничество и горизонтальные связи в образовательной деятельности – средство смягчения негативных аспектов глобализации, которое дает существенные преимущества традиционным силам высшего образования.

В целом политический аспект глобализации создает приблизительно равные шансы для будущего новых и традиционных сил высшей школы. Но у большинства известных университетов с длительной историей и достойной репутацией есть преимущество перед другими социальными институтами и образовательными провайдерами в том, что в этих университетах концентрируется подготовка политической элиты. Следовательно, формируя мировоззренческую позицию молодого поколения, подготавливая его к условиям жизни и работы в глобальном пространстве, высшая школа сможет оказывать существенное влияние на модификацию политического аспекта глобализации в интересах традиционной системы высшего образования.

В этой связи для отечественной высшей школы важно работать в собственной правовой системе, поскольку в транснациональном западноевропейском правовом поле прослеживается подмена демократии господством права. Между тем господство права, как таковое не обязательно демократично [5, с. 142]. Тем более что для европейской юридической мысли аксиоматично, что различие права и закона, в настоящее время не дает основания для неисполнения позитивного закона.

Новые возможности для высшего образования открывает использование информационно-коммуникационных технологий в «экономике знаний». Они позволяют не только сокращать расходы на обучение студентов благодаря перемещению учебных курсов и библиотечные материалов в онлайн-среду, а также реализовывать концепцию непрерывного образования путем создания виртуальных университетов, развития дистанционной системы обучения и некоторых форм транснационального образования.

Традиционным вузам, особенно технического профиля, надо быстрее преодолевать консерватизм образования. До сих пор медленно осуществляется переход на новые образовательные технологии, пока предпочтение отдается знаниевой, а не деятельностной и творческой составляющей обучения, в связи с чем, например, выпускники инженерных специальностей больше научены уже

отработанным типовым алгоритмам, нежели созданию нового и решению творческих задач [6, с. 3].

В современных условиях, под воздействием процесса глобализации, парадигма высшего образования обретает иное измерение. В образовательном пространстве России складываются новые дискурсы. Интересы страны, перспективы ее успешного развития в условиях усиления глобальной конкуренции настоятельно требуют глубокого, неангажированного узкословными интересами осмысления стратегии высшего образования и критической рефлексии целей его реформирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. – М., 2008. – 569 с.
2. Осипов А. Г., Купчин Н. Н. Смена парадигмы политической науки и гуманитарное образование // Профессиональное образование в современном мире. – 2012. – № 2 (5). – С. 33–35.
3. Лукьянчикова Т. Н., Ямщикова Т. Л. Подходы к реформированию и результаты модернизации высшего образования // Экономист. Ежемесячный научно-практический журнал. – 2016. – №7. – С. 38–46.
4. Aydarova O. Global Discourses and Local Responses: A Dialogic Perspective on Educational Reforms in the Russian Federation // Procedia -European Education. – 2015. – Vol. 47. – №. 4. – P. 331–345. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/10564934.2015.1107375>
5. Dobner P. More law, less democracy? Democracy and transnational constitutionalism // The twilight of constitutionalism? / Ed. Dobner P., Loughlin M. – Oxford: Oxford univ. press. – 2010. – P. 141–161.
6. Попова И. П. Образование и преемственность российских инженеров: новые вызовы, старые проблемы //Alma mater. Вестник высшей школы. – 2016. – № 11. – С. 3–8.

© А. Г. Осипов, В. Н. Савиных, Н. Н. Макаренко, 2017

СИБИРСКИЕ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ XXI в.: НОВАЯ СРЕДА БЫТОВАНИЯ

Ирина Владимировна Лизунова

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, доктор исторических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства, тел. (383)361-01-24, e-mail: 2004liv@ngs.ru

Антон Сергеевич Метельков

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, 630200, Россия, г. Новосибирск, ул. Восход, 15, аспирант, тел. (383)266-26-30, e-mail: kniga@spsl.nsc.ru

В статье рассматриваются различные варианты существования литературно-художественных журналов Сибири в интернет-среде. Проводятся параллели со столичными изданиями. Обозначаются тенденции по интеграции журналов в интернет-пространство.

Ключевые слова: литературно-художественный журнал, альманах, интернет-журнал, интернет, медиaprостранство, Сибирь.

SIBERIAN LITERARY-ART JOURNALS IN 21st CENTURY: NEW CONDITIONS OF EXISTANCE

Irina V. Lizunova

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 630108, Russia, Novosibirsk, Plakhotnogo St., 10, D. Sc., professor of Department of Management and Business, tel. (383)361-01-24, e-mail: 2004liv@ngs.ru

Anton S. Metelkov

State Public Scientific Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 630200, Russia, Novosibirsk, Voskhod St., 15, Graduate student, tel. (383)266-26-30, e-mail: kniga@spsl.nsc.ru

Different ways of existence of Siberian literary-art journals are considered in the paper. Analogues with capital periodicals are reviewed. Trends on journal integration in Internet-space are represented.

Key words: literary-art journal, almanac, Internet-journal, Internet, mediaspace, Siberia.

Рубеж XX – начало XXI вв. стал новым периодом развития сибирских литературно-художественных журналов, кардинально расширив их среду бытования. Именно в эти годы большинство классических толстых журналов оказались в глубочайшем кризисе, терпели серьезные материально-финансовые проблемы, сокращали тиражность, периодичность выхода, теряли подписчиков, читателей. Для многих на повестке дня стоял вопрос дальнейшего существования вообще. В этом смысле интернет дал уникальную возможность не просто трансформирования, визуализации художественных текстов, литературных журналов, но и их бытования в новых аспектах, условиях и на принципиально

новых медиаплатформах. Возможность одновременной модернизации читательских практик: саму аудиторию, ее поведение и привычки. Интернет с момента своего появления в России, уничтожив все временные и пространственные расстояния, стал местом литературного общения, тем культурным феноменом, который смог приблизить автора и читателя. Словесность, а именно многочисленные стихи и романы – долгое время являлись основной формой виртуального существования в Рунете. Именно поэтому многие исследователи считают 1990-е гг. временем русского литературного интернета, эпохой расцвета сетевой литературы, утверждая, что изначально русский сегмент интернета развивался в полном соответствии с литературоцентричными традициями [1, с. 73]. Гипертекстуальность, интерактивность, многоавторность, безграничность интернета сняли различные ограничения с литераторов, уничтожив при этом монополию печатного станка. Авторы, а вслед за ними и сами литературно-художественные журналы, перестали зависеть от издательств, типографий, почты, распространителей. В новой виртуальной среде литературно-художественные журналы приобрели уникальные возможности доступа к самым различным сегментам профессиональной (авторы, критики, преподаватели, студенты, журналисты) и читательской аудитории (сообщества, блоги, форумы и др.).

К середине второго десятилетия XXI в. пространство русскоязычного литературного интернета устоялось и стало достаточно четко структурированным. За Уралом процессы освоения интернета шли медленнее, чем в европейской части России, что связано с отставанием в распространении широкополосного доступа в Сеть. При этом один из первых популярных литературных порталов в русскоязычном интернете, стал интернет-журнал «Лавка языков», созданный в 1996 г. во Владивостоке профессиональным переводчиком М. Немцовым. Журнал обозначил ряд важных для сетевой среды факторов, в частности – условность пространственных границ [2]. По словам М. Немцова, данный проект представлял собой гибрид сетевой библиотеки и литературно-художественного журнала [3]. К началу 2000-х гг. формат литературного портала, заданный «Лавкой языков» стал одним из наиболее распространенных. По его образцу и подобию создавались многие последующие литературно-художественные онлайн-проекты.

Виртуальная среда бытования сибирских литературно-художественных журналов на рубеже веков расширялась сразу по нескольким направлениям. С одной стороны, представительство в Сети получали традиционные литературно-художественные журналы – сначала (с 1996 г.) на портале «Журнальный зал», а затем и на собственных сайтах [4]. С другой стороны, стали появляться журналы, существующие исключительно в интернете. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. возникли первые интернет-журналы: «TextOnly», «Русский переплет», «Пролог» и др. [5]. В региональном интернет-пространстве получили стимул к жизни также и смешанные форматы, когда журнал начинавший выходить на бумаге, менял формат на электронный («45-я параллель», «Двоеточие»)

или (реже) напротив, журнал цифрового формата дублировался в печатном варианте.

И в том, и в другом направлении сибирский и дальневосточный регион развивались с запозданием. Так, сайт старейшего сибирского журнала «Сибирские огни» (Новосибирск) начал работу в 2000 г. У красноярского журнала «День и ночь», основанного в 1993 г., своя страница в Сети появилась только в 2004 г. (со временем на ней был выложен архив номеров журнала, начиная с 1996 г.). В 2005–2006 гг. оба сибирских журнала: «Сибирские огни» и «День и ночь» были приняты в «Журнальный зал». Это стало значительным событием для сибирской литературы, так как «Журнальный зал», являясь «закрытым» сообществом, представлял собой «высший дивизион» литературы в интернете. Однако в 2014 г., после конфликтной смены состава редакции «Сибирских огней», этот журнал перестал обновляться в «Журнальном зале», а в 2015 г. был перемещен в раздел «Архив».

Кемеровский журнал «Огни Кузбасса» обзавелся собственной интернет-страницей в 2007 г., хабаровский «Дальний Восток» – в 2009 г. В конце 2000-х гг. свой сайт появился у кемеровского журнала «После 12», однако в связи с нехваткой финансирования в 2013 г. был закрыт. Остальные литературно-художественные журналы Сибири (как именитые, так и вновь созданные) до сих пор не имеют своих интернет-представительств. Барнаульские журналы «Алтай» и «Культура Алтайского края» с начала 2010-х гг. выкладываются на сайте Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова. Новосибирский альманах «К востоку от солнца» помещен на интернет-портале Новосибирского государственного университета (выложены номера 2001–2009 гг.). Красноярский журнал «Енисей» – на сайте Дома искусств (с 2012 г.). Иркутский журнал «Сибирь» находится на странице «Литературная карта Иркутской области», в свою очередь расположенной на сайте Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки имени И. И. Молчанова-Сибирского (с 2013 г.). Журнал «Литературный Омск» размещен на портале Министерства культуры Омской области (самый ранний из выложенных номеров датируется 2008 г.). Томский журнал «Начало века» можно найти на сайте Томской областной универсальной научной библиотеки имени А. С. Пушкина (с 2009 г., самый ранний из выложенных номеров датируется 2007 г.). Там же выложен выпуск томского альманаха «Каменный мост» за 2015 г. Журнал «Сибирские огни» также включился в сотрудничество с библиотеками: на сайте Новосибирской государственной областной научной библиотеки выложен оцифрованный архив журнала за 1922–1960 гг. К середине 2010-х гг. наиболее крупные журналы имели страницы в «Википедии» и в социальных сетях.

Своеобразным исключением из правил стал барнаульский альманах «Ликбез», созданный в конце 1980-х гг. Вячеславом Корневым. В 2001 г. появилась первая версия сайта альманаха, где новые материалы стали появляться стабильнее, чем в бумажном виде. С 2003 г. электронные выпуски начали выхо-

дять регулярно (при сохранении выпуска нескольких бумажных номеров в год). Таким образом, «Ликбез» стал первым в Сибири и одним из первых в России независимым изданием комбинированного типа.

Традиции издания виртуальных журналов в 2000 г. попытались закрепить создатели виртуального альманаха «Драгоманъ Петров», молодые новосибирские писатели В. Иванов (Іванів), А. Кузнецов, П. Розанов, Д. Умбрашко и Ф. Третьяков, круг которых сформировался вокруг писателя и литературоведа И. Лощилова [6]. Их инициатива была замечена и с интересом воспринята в свете уже существовавших «на периферии» проектов, таких как «Лавка языков» и «Ферганский альманах» [7]. «Драгоманъ Петров» активно расширял контекст своего существования и свою мифологию, но просуществовал лишь несколько выпусков, а впоследствии нерегулярно обновлялся на собственном сайте и на странице в «Живом журнале». Проекты его издания в бумажном виде так и остались нереализованными. В результате востребованные сибирские авторы нового поколения предпочитали публиковаться в близких им по духу актуальных столичных изданиях (в альманахе «Воздух», в виртуальном журнале «TextOnly», на сайте «Полутона»).

Следующая волна расширения среды бытования виртуальных журналов в Сибири пришлось на время появления в Новосибирске сетевого литературного журнала «Трамвай». Созданный в классической традиции (с четкой редакторской позицией, делением на рубрики, публикацией художественных и публицистических текстов), журнал ежемесячно выпускался с 2010 г. по 2013 г. Первые пять номеров журнала имели кроме web-версии также и pdf-версию (фактически сверстанный, готовый к печати номер). Поскольку подобные проекты существуют в основном за счет энтузиазма их создателей, они не отличаются стабильностью и долговечностью (исключение – барнаульский альманах «Ликбез» с почти 30-летней историей). «Трамвай» оказался одним из последних интернет-журналов, организованных по традиционной, наследующей бумажным журналам схеме. Уже в 2011 г. в Новосибирске появляется интернет-журнал нового формата – «Siburbia». Как правило, подобные журналы имеют не литературную, а более широкую культурную направленность (самый яркий пример – «Openspace», впоследствии – «Colta») и не привязаны к определенному графику обновлений [8]. Акцент при этом делается не на номер в совокупности, а на подачу отдельных материалов – яркую, своевременную и лаконичную. Журналы нового поколения ориентированы на конкретные целевые группы. Такие журналы, как правило, максимально интегрированы в современную социальную среду, в значительной степени опирающуюся на интернет-пространство. Вслед за форматом культурных интернет-журналов в Сети стали появляться новые узконаправленные литературные журналы: в Кемерово – журнал «Кислород» (с 2014 г.) [9], в Красноярске – журнал «KOLKO» (с 2014 г.), в Новосибирске – журнал «Речпорт» (с 2015 г.), в Томске – «Vesalius» (с 2016 г.).

В связи с вышеупомянутыми изданиями интересной выглядит следующая тенденция, характерная не только для Сибири, а в целом, для всей России, а

именно – ориентация на бумажный продукт. На бумаге было издано несколько номеров журналов «Кислород» и «KOLKO», подготовлены к печати годовые выпуски «Речпорта» за 2015 и 2016 гг., «Vesalius» (так же, как ранее «Трамвай») публикуется в интернете в pdf-формате, что фактически соответствует подготовленному к печати номеру [10].

Особо следует сказать о наметившемся в последние годы тренде активного встраивания литературно-художественных журналов в интернет-пространство. Речь идет о новом проекте журнала «Сибирские огни», запустившего в 2016 г. на собственной базе портал «Журнальный мир» (представлявшего собой альтернативу «Журнальному залу»). Подобные проекты («Читальный зал», «Мегалит», «Русское поле» и др.) появлялись и раньше. Однако «Журнальный мир» ставит и решает ряд принципиально новых задач. Во-первых, портал обеспечивает представительство в интернете максимального количества литературно-художественных журналов и альманахов (в первую очередь – провинциальных), многие из которых не имеют собственных сайтов. Это позволяет сформировать объективную «децентрализованную» литературную карту России. Во-вторых, на портале работает оригинальный механизм защиты авторского права: все материалы выкладываются не в текстовом виде, а в виде отсканированных журнальных страниц. Наконец, принципы работы портала позволяют сплотить вокруг «Сибирских огней» лучшие литературные силы провинциальной России, стирая при этом границы между бумажными и интернет-изданиями, между провинцией и столицей [11].

Обобщая опыт, накопленный в 1990–2010-х гг. сибирскими периодическими литературными изданиями в области их продвижения в интернет-среду, можно отметить ряд тенденций. На ранних стадиях (середина-конец 1990-х гг.) формирования русскоязычного интернета возникали именно литературные онлайн-проекты, что подтверждало сохранение в новой виртуальной среде культурных традиций литературоцентричности. Первоначально создание подобных проектов в Сибири и на Дальнем Востоке было единичным, однако во многом, образцовым для выбора литературно-художественными журналами путей дальнейшего освоения интернет-пространства. Для первого десятилетия XXI в. характерна тенденция появления в интернете представительств печатных аналогов региональных журналов. Продолжалось создание совершенно новых специфических литературных интернет-проектов: онлайн-журналов и электронных библиотек. В середине 2010-х гг. некоторые виртуальные журналы получили свое дальнейшее развитие в бумажном варианте. К этому времени литературно-художественные журналы оказались максимально интегрированы в новую интернет-среду, а их читательская аудитория сегментирована по интересам и предпочтениям. Тем не менее, процесс встраивания литературно-художественных журналов новую среду бытования продолжается, о чем свидетельствует инновационный опыт освоения интернет пространства старейшим сибирским журналом «Сибирские огни».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузнецов С. Ощупывая слона: Заметки по истории русского Интернета. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – 456 с.
2. Журнал небуквального перевода [Интервью с главным редактором сайта «Лавка языков» Максимом Немцовым] // GiF.Ru. – Искусство России. – URL: http://www.gif.ru/publications/lavka-yazykov/city_730/fah_772. (дата обращения: 02.03.2017).
3. Стрельников А. Фаза осмысленного гуления [Интервью с главным редактором сайта «Лавка языков» Максимом Немцовым] // Сламп. – URL: <http://theslump.ru/nemtsov>. (дата обращения: 02.03.2017).
4. Костырко С. Сетевая литература // Новый мир. – 2000. – № 4. – С. 251–253.
5. Костырко С. WWW-обозрение Сергея Костырко // Новый мир. – 2006. – № 3. – С. 195–204.
6. Лаврова А. «ДрагоМан» – это не то, что вы думаете, а то, что делаете // Новая Сибирь. – 2000. – 10 марта.
7. Костырко С. WWW-обозрение Сергея Костырко // Новый мир. – 2002. – № 2. – С. 215–220.
8. Полторацкий И. Новосибирский литературный самиздат конца XX – начала XXI века (на примере сетевого литературного журнала «Трамвай») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – Т. 11. – 2012. – № 11. – С. 38–47.
9. Королев В. Воздух, которым я дышу [Интервью с главным редактором журнала «Кислород» Аленой Альковой] // Газета Кемерова. – URL: <http://gazeta.a42.ru/lenta/show/vozduh-kotoryim-ya-dyishu.html>. (дата обращения: 06.03.17.)
10. Вилисов В. Как это: печатный самиздат // Буро 24/7. – URL: <https://www.buro247.ru/lifestyle/expert/kak-eto-est-pechatnyu-samizdat.html>. (дата обращения: 06.03.17.)
11. Ефремова Д. Связанные одной сетью // Культура. – 2016. – 21 дек.

© И. В. Лизунова, А. С. Метельков, 2017

СУДЬБЫ «НАЦИОНАЛОВ» СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В УСЛОВИЯХ РЕПРЕССИЙ 1937–1938 гг.

Михаил Николаевич Колоткин

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, доктор исторических наук, профессор кафедры правовых и социальных наук, тел. (383)361-04-68, e-mail: m.n.kolotkin@ssga.ru

В статье рассматриваются трагические судьбы жителей многонациональной деревни Борисоглебка, попавших в жернова сталинского террора.

Ключевые слова: Борисоглебка, террор, репрессии, НКВД, поляки, немцы, латыши, Петр и Казимир Пинюта.

FATES OF SIBERIAN VILLAGE «NATIONALS» UNDER CONDITIONS OF REPRESSIONS OF 1937–1938

Mikhail N. Kolotkin

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 630108, Russia, Novosibirsk, 10 Plakhotnogo St., D. Sc., Prof., Department of Legal and Social Sciences, tel. (383)361-04-68, e-mail: m.n.kolotkin@ssga.ru

Tragic fates of multinational Borisoglebka villagers who appeared to be under the wheels of Stalin's terror are considered.

Key words: Borisoglebka, terror, repressions, NKVD, Poles, Germans, Latvians, Petr and Kazimir Pinyuta.

Зимнем февральским вечером 1938 года в деревню Борисоглебка Убинского района Новосибирской области нагрянули сотрудники НКВД. Основателями и жителями деревни были безземельные переселенцы из Двинского, Режицкого и Люцинского уездов Витебской губернии, которые прибыли в регион на постройку «Великого Сибирского железнодорожного пути» и после окончания контракта, забрав свои семьи, остались на постоянное жительство в Сибири. Первыми жителями Борисоглебки, основанной в 1903 г. были латышские, латгальские, польские семьи землекопов Бренч, Пуйсан, Сондор, Балтус, Пинюта и другие [1].

Оперативники начали обыски с домов братьев Петра и Казимира Пинюты, поляков по национальности. Старший, Петр Антонович, 1904 г. рождения, председатель местного сельпо, встретил их на пороге дома, ничего не понимая, вместе с испуганной женой Марией и детьми – сыном Александром (9 лет) и дочерью Антониной (6 лет). Оперуполномоченный Убинского районного отдела НКВД сержант госбезопасности Часовских, руководивший «операцией», изъял при обыске профсоюзный и военный билеты, одноствольное ружье, печать сельпо и «разных бумаг -3» [2]. Других улик не было. У младшего брата, Казимира Антоновича, 1909 г. рождения, председателя колхоза им. Сталина, члена

ВЛКСМ с 1931 г., образование – 3 класса, изъяли колхозную печать. Самого увели на допрос в колхозную контору, оставив дома жену Марию и дочку Антонину (11 лет).

Всю ночь в домах колхозников шли обыски, изъятия «вещественных доказательств и документов» и допросы. 10 февраля 1938 г. 28 человек из Борисоглебки были арестованы и отправлены в Каинскую тюрьму.

Почти два месяца шли постоянные допросы и поиски доказательств «вины». Петру Антоновичу Пинюте инкриминировалось то, что он, середняк, прежде занимался торговлей, имел лавку и зажиточное собственное хозяйство – дом, амбар, хорошие однодворные постройки, сельхозмашины (плуг – 1, бороны – 2), лошадей – 4, коров – 8, овец – 100, свиней – 5. С помощью сезонных батраков обрабатывал 10 гектаров земли. А будучи председателем сельского потребительского общества, вел подрывную работу – «растранижил товар, не доставлял керосин, старался среди пайщиков вызвать неудовольствие, вел агитацию за выезд латышей из СССР в Польшу» [3].

После пыток Петр Пинюта дал «признательные показания»: «В начале 1935 года я познакомился с польским ксендзом В. А. Миржвинским, проживающим в г. Куйбышев (Каинск). Он рассказал мне, что жизнь в Польше очень хорошая и что в Сибири существуют вредительские организации. Ксендз поручил мне создать группу для проведения диверсий в колхозах. В итоге я создал вредительскую группу из 28 человек и лично завербовал туда колхозников – своего брата Казимира, М. Г. Артемук (с. Райсино), Ф. А. Федоровича и П. В. Колясенко (с. Ивановка). П. Б. Козлова и Х. И. Власюка (с. Палица), М. И. Глинку (с. Убинское), И. И. Урбана (с. Александровка)» [4].

Казимир Пинюта признался в том, что еще в 1936 г., работая бригадиром в колхозе, допустил заражение скота чесоткой и потравы посевов, сознательно извращал методы социалистического соревнования и ударничества в колхозе», а также лично завербовал Шалкович Анну Мартыновну, 1871 г. рожд., польку, малограмотную, неработающую, квартиру которой использовали для своих собраний [5].

В конечном счете, следователями НКВД было составлено обвинительное заключение, в котором все арестованные причислялись к контрреволюционной, шпионско-повстанческой организации, созданной по заданию разведки «Польской организации войсковой» (ПОВ), возглавляемой членом Сибирского комитета ПОВ ксендзом В. Миржвинским. Главными целями организации, озвученными следователями, были подготовка вооруженного восстания против Советской власти, сбор шпионских сведений, срыв хозяйственно – политических мероприятий, обработка и вербовка людей, а также вредительство и диверсии на транспорте и в сельском хозяйстве.

Конкретно, данной «контрреволюционной группе» вменялось в вину то, что за 1936-1937 гг. она сожгла 4 скотных двора, «хлеба на корню» – 9 га, сена – 590 центнеров. Совершила крушение товарного поезда, разбив 9 вагонов. Умышленно сломала сенокосилок и жаток – 4, молотилки – 3, комбайн – 1, тракторов – 4, болотоосушительный механизм – 1., расплавлено подшипников у

тракторов - 185. Наконец, ими был уничтожен скот – 20 лошадей, 282 коров и телят, 467 овец, 148 свиней. [6].

Все арестованные были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 29 апреля 1938 года [7]. Убивали по ночам в Каинской тюрьме и Савкиной гриве. Днем копали могилы, а ночью хоронили.

В конце 1950-х гг. на эти захоронения случайно наткнулись при строительстве химкомбината. Место было оцеплено милицией. Содержимое могил вывезли и захоронили в районе деревень Помельцево и Сеганово. Собравшимся объявили, что это жертвы колчаковщины. Но в могилах находили личные вещи, где были знаки 1937-1938 гг., а также куски одежды, веревки, которыми палачи скручивали руки своим жертвам. Попадалось много черепов, в которых были забиты железнодорожные костыли, болты, гвозди из одного уха в другое. Так погибли: Александр Августович Бренч, Иосиф Донатович Массан, Иосиф Антонович Поплавский, Феликс Антонович Поплавский, Александр и Бронислав Болтусы, братья Казимир и Петр Пинюта, Петр Иосифович Сондор, Иван Пуйсан, Сергей Пуйсан, Станислав Иосифович Болтус, Иосиф Сухачев, Иосиф Пудник и др. О звериной лютости палачей говорят такие факты, как убийство одинокой старушки Анны Шалкевич, которую подкармливала вся деревня, а также расстрел старика Пуйсана и больного Петра Сондора [8].

И только через двадцать лет наступила реабилитация. Постановлением президиума Новосибирского областного суда от 15 ноября 1938 г. братья Петр и Казимир Пинюта, украинец Х. И. Власюк, немцы Яков и Иоганн Петерсы, австриец Матвей Слобудан, латыши Ефим и Иосиф Урбаны, австриец Евгений Юнак, полька Анна Шалкевич и др. были реабилитированы, Одновременно было отменено постановление НКВД СССР от 12 апреля 1938 г. в отношении казненных, ввиду отсутствия состава преступления [9].

На частном примере жителей с. Борисоглебки наглядно виден масштаб массового террора против национальных меньшинств, особенно западных, достигший своего наибольшего размаха в 1937–1938 гг. По данным известного историка В. П. Данилова, согласно «Сводке первого специального отдела НКВД о количестве арестованных и осужденных за время с 1 января 1936 г. по 1 июля 1938 г.» [10], то есть в апогей сталинского террора, картина жертв в стране среди наиболее пострадавших национальностей выглядела следующим образом:

Национальные Группы	Общее число арестованных, чел.	Удельный вес группы, %
Русские	657 799	46,3
Украинцы	189 410	13,3
Поляки	195 485	7,4
Немцы	75 331	5,3
Белорусы	58 702	4,1
Евреи	30542	2,1

В наибольшей степени репрессиям подверглись те национальности, которые этнически были связаны с государствами, враждебными СССР – поляки,

немцы, финны, латыши, эстонцы, китайцы и т.д. «Этнические чистки – считает историк В. Деннингхаус – вместе с сопровождавшими их широкими пропагандистскими кампаниями должны были приручить советское общество к вездесущности террора, «внедрить» в его сознание мысль о «повсеместном вредительстве» и помочь распространиться общему убеждению, что в Советском Союзе действует «пятая колонна». Западные нацменьшинства идеально подходили на роль внутреннего врага» [11].

В этой связи массовые репрессии, проводимые органами НКВД по прямому указанию и лимитам Политбюро ЦК ВКП(б), лично И. В. Сталина, можно рассматривать как проявление своеобразной социальной и этнической инженерии, направленной на создание новой исторической общности – советского народа и нацеленной на очищение этой общности от своих «врагов» в условиях надвигавшейся войны. Масштаб этих «экспериментов» был огромен. Аресты были столь массовыми и беспорядочными, что порождали полный хаос и подрывали основы самой системы. По мнению Н. Верта, «сталинские репрессии как массовое явление вышли далеко за рамки репрессивной пенитенциарной системы. Репрессии и государственный произвол стали частью повседневной жизни целого поколения советских граждан, были усвоены как система ценностей, которая не могла исчезнуть сразу же после смерти Сталина» [12].

«Националы» затерянной в далекой Сибири деревни Борисоглебка, как и многие в стране, стали разменным материалом этой системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Колоткин М. Н. Социально-политическая история балтийских поселенцев Сибири (1917 – середина 1930-х гг.) – Новосибирск : СГГА, 2010 – С. 44.
2. Архив ФСБ Новосибирской обл. Д.8340. Л.3.
3. Архив ФСБ Новосибирской обл. Д.8340. Л.5
4. Архив ФСБ Новосибирской обл. Д.8340. Л.148
5. Архив ФСБ Новосибирской обл. Д.8340. ЛЛ.94;203.
6. Архив ФСБ Новосибирской обл. Д.8340. Л.265.
7. Архив ФСБ Новосибирской обл. Д.8340. Л.293.
8. Колоткин М. Н. Латгальские поселенцы в Сибири / Отв. ред. А. В. Андронов, Л. Лейкума. 2-е изд. испр. – Ачинск: Региональная общественная организация «Центр латгальской культуры» Красноярского края: Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2012. – С. 55; Воспоминания В. П. Пуйсана // Материалы Новосибирского общества «Мемориал».
9. Архив ФСБ Новосибирской обл. Д.8340, лл.182, 175
10. Данилов В. П. Сталинизм и советское общество // Вопросы истории. – 2004. – №2. – С. 174.
11. Деннингхаус В. В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917 -1938 гг.) – М.: РОССПЭН, 2011. – с. 645.
12. Верт Н. Сталинизм и массовые репрессии // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы межд. науч. конф. Москва, 5–7 декабря 2008г. – М.: РОССПЭН, 2011. –С. 101.

© М. Н. Колоткин, 2017

ВЛАСТЬ В КРАСНОЯРСКЕ ПОСЛЕ РАЗГРОМА КОЛЧАКА (ДЕКАБРЬ 1919 – ЯНВАРЬ 1920 г.)

Владислав Геннадьевич Кокоулин

Новосибирское высшее военное командное училище, 630117, Россия, г. Новосибирск, ул. Иванова, 49, доктор исторических наук, доцент, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, тел. (953)762-10-84, e-mail: kwladislaw@yandex.ru

Статья посвящена созданию и функционированию земской власти в Красноярске после разгрома Колчака. На основе вновь вводимых в оборот исторических источников существенно уточняется схема событий в Красноярске, предложенная историком А. Л. Посадсковым. Отмечается, что в Красноярске параллельно действовало несколько органов власти. Это стало возможным из-за сложившегося соотношения сил. Автор статьи приходит к выводу, что падение земской власти, которая воплощала идеал «народовластия», было неизбежно в силу соотношения борющихся сил на последнем этапе Гражданской войны в Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, Гражданская война, Енисейская губерния, земская власть, белое движение.

POWER IN KRASNOYARSK AFTER THE KOLCHAK DEFEAT (DECEMBER 1919 – JANUARY 1920)

Vladislav G. Kokoulin

Novosibirsk Higher Military Command School, 630117, Russia, Novosibirsk, Ivanova St., D. Sc., docent at the Department of Humanities and Socio-Economical Disciplines, tel. (953)762-10-84, e-mail: kwladislaw@yandex.ru

The article is devoted to the creation and functioning of the Zemstvo authority in Krasnoyarsk after the defeat of Kolchak. Based on the newly introduced historical sources, the scheme of events in Krasnoyarsk, proposed by the historian A.L. Posadskov, is essentially specified. It is noted that several authorities functioned simultaneously in Krasnoyarsk. This became possible because of the existing balance of forces. The author of the article comes to the conclusion that the fall of the Zemstvo authority, which embodied the ideal of "democracy", was inevitable because of the correlation of struggling forces at the last stage of the Civil War in Siberia.

Key words: Siberia, Civil War, Yenisei Province, Zemstvo Power, White Movement.

Впервые проблема существования переходного периода от колчаковской диктатуры к власти ревкомов в Красноярске была поставлена А. Л. Посадсковым [4, с. 78–84]. На основании новых исторических источников он предпринял попытку рассмотреть создание и функционирование земской власти в Красноярске. Согласно концепции А. Л. Посадскова контуры земской власти в Красноярске начали проявляться осенью 1919 г. Активную позицию заняли эсер Е. Е. Колосов, гласный Енисейского губернского земства В. И. Кузьмин и заведующий статистическо-экономическим отделом губернской управы А. Р. Шнейдер. В итоге на объединённом заседании общественных организаций

Красноярска, когда уже стал очевиден близкий конец колчаковской власти, 20–21 декабря был создан Комитет общественной безопасности. После падения власти Колчака управляющий губернией П. С. Троицкий передал власть А. Р. Шнейдеру, который получил титул уполномоченного Енисейской губернской земской управы по управлению Енисейской губернией. А 23 декабря был сконструирован Временный губернский комитет общественных организаций, который возглавил глава губернского земства Г. П. Сибирцев. Эта власть просуществовала вплоть до создания 5 января в Красноярске революционного комитета.

В целом, данная схема согласовывалась с имевшимися в распоряжении историка источниками и не вызывала сомнений. В ходе работы в Государственном архиве Красноярского края удалось выявить новые документы, которые позволяют внести в эту схему существенные коррективы. Прежде всего следует отметить, что в Красноярске уже 17 декабря на объединённом заседании губернской и уездной земской управ было решено создать коллегиальный орган гражданской власти «Временный губернский комитет общественных организаций», в который должны были войти 6 членов губернской земской управы, 10 членов уездных земских управ (по 2 от каждой), 6 представителей городского самоуправления, 5 – от профессиональных рабочих организаций, 3 представителя кооперации и 2 члена Учредительного собрания. Временный комитет избрал президиум в составе председателя губернской земской управы Г. П. Сибирцева и членов Е. Е. Колосова (председателя губкома ПСР), П. М. Линицкого (председателя Енисейского союза кооперативов) и П. Боровика (председателя Совета профсоюзов) [1, с. 135; 3, с. 173; 2, с. 255].

Это была власть, распространявшаяся на всю губернию, а в самом Красноярске в качестве власти в пределах города появилась комиссия общественной безопасности, которая 20 декабря в помещении Красноярской городской управы собрала представителей города, земств, общественных организаций и военных властей. Был заслушан доклад начальника красноярской дружины общественной безопасности капитана Г. П. Полонского о призыве граждан в городскую дружину. Он сообщил, что состояние населения города приподнятое. Тогда было решено расширить комиссию вводом в неё представителей города, земств и общественных организаций, но так как представители многих организаций отсутствовали, то было решено перенести заседание на 21 декабря. В состав комиссии вошли начальник дружины капитан Г. П. Полонский, товарищ председателя комиссии А. Н. Смирнов, член Г. С. Любецкий [5].

На следующий день комиссия была пополнена следующими представителями: по 1 – от каждой строевой части, 2 – от пожарных организаций города, 1 – от судебных деятелей, 1 – от городского казачества, 2 – от казачьего управления, 1 – от общества «Арендатор», по 1 – от еврейской и татарской общин, 1 – от губернского союза кооперативов, 1 – от губернского земства, 2 – от профессиональных союзов, 2 – от железнодорожного продовольственного комитета, 1 – от домовладельцев, 1 – от торгово-промышленной палаты, 2 – от губпрофсоюза, 1 – от общества «Самодетельность», 1 – от общества взаимного страхова-

ния, по 1 – от окраин города Николаевки, Алексеевки, Покровки и Закачинской слободы. Новый орган получил название «Городской комитет общественных организаций». 23 декабря на его заседании с докладом выступил Е. Е. Колосов, который сообщил, что «во многих сёлах, уездных и губернских городах организуется новая народная власть, построенная на представительстве земств и городов, кооперации и профсоюзов», в Красноярске же такая власть конструируется при содействии генерала Зиневича. Выступление было встречено «долгими несмолкаемыми аплодисментами». Было избрано исполнительное бюро из 15 человек под председательством Г. П. Полонского. Товарищем председателя был избран С. С. Франкфурт [5].

В этот же день собрался губернский Комитет общественных организаций, который отклонил включение в состав комитета представителя казачьих войск, мотивируя это тем, что казачество не входит в состав земства, а комитет общественных организаций не является сословным органом. Было решено созвать Губернское народное собрание на 15 января 1920 г. На него приглашались представители волостных земских собраний (по 2 от волости), городского самоуправления (25 человек), профессиональных рабочих организаций (25 человек), кооперативов (25 человек), все гласные губернского земского собраний. Президиум губернского комитета общественных организаций принял решение согласовывать свою деятельность с указаниями городского самоуправления; городская милиция должна была находиться в распоряжении городского комитета общественной безопасности [6].

На следующий день губернский комитет выпустил обращение к населению Енисейской губернии, в котором перечислялись задачи комитета, главными из которых были: 1) созыв губернского Народного собрания для решения вопроса о власти «из представителей крестьян, горожан и кооперации»; 2) достижение гражданского мира в крае путём организованного выявления воли самого населения; 3) восстановление правопорядка и гражданских свобод в губернии; 3) поддержание правопорядка в губернии и охрана населения от всякого рода насилий; 4) восстановление в губернии гражданских свобод; 5) принятие всех необходимых мер к охране ценных сооружений Красноярска и вообще в губернии, являющихся национальным достоянием, как-то: железнодорожные мастерские, водопроводно-электрическая станция и т.п. от всяких посягательств с чьей бы стороны таковые ни исходили; 6) «срочное выявление положения политзаключённых на предмет их освобождения»; 7) принятие мер к охране ценных сооружений и недопущение вывоза из города ценностей [3, с. 174].

Высшей военной властью в губернии с 20 декабря стал генерал-майор Б. М. Зиневич, который с 23 декабря стал командовать красноярским гарнизоном. На следующий день он выпустил приказ в котором «в целях наиболее энергичного поддержания фронта борьбы с анархией, улучшения снабжения армии, урегулирования хозяйственной жизни края и установления гражданского правопорядка», потребовал от управляющего губернией П. С. Троицкого сдать власть земству [1, с. 135, 136].

В тот же день временный управляющий Енисейской губернией А. Р. Шнейдер, который был назначен на эту должность 24 декабря, приказал передать все уездные милиции в ведение уездных земств, а красноярскую городскую милицию – Городской думе. Если учесть, что по решению губернского комитета общественных организаций губернское управление передавалось в ведение губернских земских управ, а уездные – уездных, то казалось, что идеал мелкобуржуазных партий – «народовластие» – в части передачи власти на местах в ведение городских и земских самоуправлений близок к осуществлению.

Тем временем 28 и 29 декабря в железнодорожных мастерских проходили митинги. Ораторы выступали за диктатуру пролетариата: «Не может быть сомнения, что оба эти дня, проведённые рабочими в мастерских на митинге, были сплошной манифестацией в пользу Советской власти», – свидетельствовала красноярская эсеровская газета. 28 декабря идея Учредительного собрания в мастерских была решительно отвергнута. «Как только рабочие на митинге услышали, что Сибирское народное собрание должно будет первой задачей своей деятельности поставить созыв Сибирского Учредительного собрания, они разразились самым грубым свистом», – сообщала газета. Было решено признать Советскую власть при условии восстановления ею гражданского мира.

29 декабря в присутствии командующего войсками Енисейской губернии генерала-майора Зиневича состоялось собрание солдат и офицеров 31-го Сибирского стрелкового полка и 4-го Енисейского полка. Генерал Зиневич информировал о положении дел и о начале переговоров с Щетинкиным. После генерала Зиневича выступили несколько солдат, которые говорили о двух моментах: 1) о признании и поддержке вновь зародившейся народной власти города и земства и 2) о скорейшем прекращении братоубийственной Гражданской войны. В конце собрания были избраны два делегата на собрание рабочих железнодорожных мастерских для информации о настроении солдат названных полков.

Подробности событий, происходивших в эти дни, оставил нам солдат 31-го полка. Он вспоминал, что когда делегаты прибыли к железнодорожным рабочим, то выяснилось, что Зиневич там побывал, но быстро уехал. После того, как солдаты изложили свои взгляды на текущий момент, было предложено создать городской Совет рабочих и солдатских депутатов, против чего решительно выступил Е. Е. Колосов. Однако его слушать не стали и на созванном вскоре общем собрании солдат и рабочих был избран организационный комитет из 7 человек, который 31 декабря собрался в помещении конторы Енисейского союза.

В президиум исполкома были избраны председателем Я. А. Вольфанг, товарищем председателя Алесников, член – рабочий М. Палкин, секретарями солдат Зотов и служащий Сивков. Прения были длинными, но в итоге решили взять власть в городе в свои руки немедленно, а исполком избрать на следующий день. В 10 часов утра 1 января началось собрание президиума. Туда прибыл представитель от городской подпольной коммунистической организации, потом – партизан-разведчик из отряда Щетинкина. Перед вторым заседанием

Совета выяснилось, что подпольная организация создала революционный комитет из 4 членов, по плану организации предполагается вывод всех войск за пределы города – за военный городок, но план не получил одобрения.

В 6 часов вечера в помещении городского театра открылось заседание Совета. По предложению земства были избраны 4 человека на заседание земской управы, в том числе и автор воспоминаний. Для предотвращения беспорядков земцы считали необходимым выбрать особе лицо с чрезвычайными полномочиями на должность начальника гарнизона, выдвигая на эту должность генерала Б. М. Зиневича. Представители Совета выступили против и ушли с собрания. Вернувшись на заседание Совета, они обнаружили, что его заседания уже закончены и выбран исполком [7].

Таким образом, в Красноярске оказалось несколько властей – губернская комиссия общественной безопасности, аналогичная ей городская, революционный комитет и Совет. Все они являлись властью скорее номинальной, чем реальной, но, тем не менее, отдавали распоряжения, печатали приказы. Насколько они выполнялись, судить трудно из-за отсутствия источников. Однако по аналогии с Иркутским Политцентром, они не выполнялись. Так, пленарное заседание Комитета общественных организаций 1 января 1920 г. обсуждало желательность информировать членом комитета о взглядах и задачах организующегося Совета рабочих и солдатских депутатов. При переговорах с Советом выяснилось следующее: 1) Комитет считается действующей организацией и должен продолжить работу по охране правопорядка в городе, принимая все меры от расхищения народного достояния; 2) организующийся Совет приветствует Комитет и просит продолжить взятую на себя работу в трудный и тревожный момент; 3) делегаты от Совета должны дать своих представителей в Губернский комитет общественных организаций и оказать полную поддержку Комитету общественной безопасности [7].

Тем временем подпольным коммунистическим комитетом под председательством Козлова и членов Вышковского и Фридмана был составлен революционный штаб в составе Шабалина, Клешнина, Демненко, Кузнецова и Зорина. Командующим был назначен Яковлев. По воспоминаниям участника событий Н. Х. Молчанова, 2 января военно-революционный комитет РКП(б) решил сделать переворот. Командующему войсками была дана следующая директива: 1) захватить оружие и вооружить рабочих; 2) занять Часовенную гору как стратегический пункт; 3) сохранить во что бы то ни стало рабочие кварталы и Николаевской, и Алексеевских слобод от ожидаемой расправы белых; 4) спасти от взрыва мост и электрическую станцию; 5) по возможности сохранить ценности города [8].

Ночью 2 января Е. Е. Колосову и генералу Б. М. Зиневичу удалось связаться со 2-й стрелковой бригадой 30-й дивизии, которой командовал И. К. Грязнов. Грязнов сообщил, что они готовы мирно войти в Красноярск, при условии, если из Красноярска не раздастся ни единого выстрела и потребовал разоружения красноярского гарнизона, подчинённого Зиневичу, обещая, правда, оставить од-

ну роту вооружённой для охраны порядка в городе. В ночь с 3 на 4 января в Красноярске революционный комитет взял город без выстрела, предварительно арестовав генерала Зиневича и его штаб. 4 января белая армия под командованием генерала Войцеховского, выждав подхода передовых частей 3-й армии, которую вёл генерал Каппель, попыталась взять Красноярск. Однако силы армии были уже не те – большинство солдат колчаковской армии просто сложили оружие. Кавалерия Колчака вынуждена была отступить и, окружённая в селе Солонцы силами революционного штаба и частями Красной Армии, сдалась. Передовые воинские части 30-й дивизии Красной Армии вступили в Красноярск 7 января ровно в 10 часов вечера. Власть в Красноярске полностью перешла к ревкому, а земская власть в течение нескольких дней окончательно сошла со сцены. Таким образом, решающим фактором в установлении авторитетной власти в Красноярске стала Красная Армия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гудошников М. А. Очерки по истории Гражданской войны в Сибири. – Иркутск, 1959.
2. Добровольский А. В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917–1923 гг.). – Новосибирск, 2002.
3. Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. – Красноярск, 1972.
4. Посадсков А. Л. Две недели без государственной власти: Красноярск под земским управлением (23 декабря 1919 – 5 января 1920 г.) // История белой Сибири. Материалы VII Международной конференции (2009, Кемерово): сб. статей. – Кемерово, 2009.
5. ГАКК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 58. ЛЛ. 18, 19, 21.
6. Народный голос (Красноярск). – 1919. – 28 (15) дек.
7. ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 840. Л. 4, 5.
8. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 645. Л. 4.

© В. Г. Кокоулин, 2017

ЭЛЕКТРОННЫЙ КАТАЛОГ ПЕЧАТНЫХ КАРТ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА XVIII – НАЧАЛА XX в.

Олег Николаевич Катионов

Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, директор института истории, гуманитарного и социального образования, тел. (383)244-04-89, e-mail: korolek1953@gmail.com

В статье подводятся итоги реализации проекта по созданию «Электронного каталога печатных карт Сибири и Дальнего Востока».

Ключевые слова: старые печатные карты Сибири, каталогизация, библиографическое описание карт, территориальная и хронологическая систематизация.

ELECTRONIC CATALOG OF PRINTED MAPS OF SIBERIA AND THE FAR EAST XVIII – EARLY XX CENTURY

Oleg N. Kationov

Novosibirsk State Pedagogical University, 630126, Russia, Novosibirsk, Villuiskaia St., 28, D. Sc., Professor of the Department of National and World History, Director of the Institute of History, Humanities and Social Education, tel. (383)244-04-89, e-mail: korolek1953@gmail.com

The article sums up the results of the implementation of the project on the creation of the «Electronic catalog of printed maps of Siberia and the Far East».

Key words: old printed maps of Siberia, cataloging, bibliographic description of maps, territorial and chronological ordering.

За два года реализации проекта коллективу историков из НГПУ удалось достичь главного – создать «Сводный каталог печатных карт Сибири и Дальнего Востока с XVIII века по 1917 год: электронное издание». В открытом доступе материалы каталога находятся на сайте НГПУ: <http://preprod.nspu.ru/mod/resource/view.php?id=38590> [1].

В 2015–2016 г. в ходе работы над созданием сводного каталога печатных карт была составлена и опубликована база данных картографических материалов [2]. Участниками проекта опубликовано 13 статей.

Тематика статей разная. Это и описание карт в фондах краеведческих музеев, [3], [4], в архивохранилищах карт определенной тематической направленности [5], и использование картографических материалов при характеристике губернской межевой части в Западной Сибири в конце XVIII – первой трети XIX в. [6] и других отдельных сюжетов [7], в том числе краеведческой направленности [8].

Основной же направленностью публикаций были результаты по созданию электронного каталога карт Сибири и Дальнего Востока и возможности приме-

нения печатных картографических материалов исследователями [9] и возможности доступа к ним в Сети [10].

По темам «Электронного каталога печатных карт» состоялись выступления на конференциях разного уровня от краеведческих до международных, в том числе и на ГЕО-Сибирь-2016.

Интерес к картографическому изучению Сибири не пропал у исследователей и в настоящее время. Публикуются новые источники, становятся достоянием общественности ранее малодоступные картографические документы и литература. Проводится работа по созданию библиографических указателей и каталогизации картографических материалов.

Для удобства исследователей издание каталогов библиографических описаний карт позволит экономить время для поиска необходимого картографического материала. Мы получили возможность провести работу в крупных картографических хранилищах Москвы и Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и Барнаула, Томска и Омска, Красноярска, Ачинска и Минусинска, Иркутска, Владивостока и Новосибирска.

В ходе работы над подборкой материалов к каталогу печатных карт периодически вносились изменения и корректировки в ряд пунктов описания. Например, разделы «Маргиналии» (записи), «Водные знаки», «Оборотная сторона карты», «Вставки» перешли в раздел дополнительной информации в связи с их нерегулярностью.

Принцип расположения материала – территориально-хронологический с элементами тематического размещения.

Разбросанность картографического материала по картохранилищам – библиотекам, музеям и архивам не давала возможности создать общую картину всех карт. Сведение же воедино разнообразного материала позволило получить такой каталог, который облегчает поисковую работу исследователей.

В частности, в Государственном архиве Алтайского края было выявлено 48 печатных карт. В Томском областном краеведческом музее обнаружено 37 карт – переселенческие, административные. А вот в Государственный архив Томской области всего 2 карты – маршрутная и административная.

В г. Иркутске удалось обработать материал в Иркутском областном краеведческом музее. 33 карты – переселенческие, административные. Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека имеет 11 карт. В Государственном архиве Иркутской области выявлены всего 4 карты и те рукописные.

В г. Санкт-Петербурге наиболее основательно печатные карты представлены в четырех учреждениях: картографическом отделе Библиотеки Академии наук, Российской национальной библиотеке, в Российском государственном историческом архиве и Российском государственном архиве военно-морского флота.

В г. Красноярске было выявлено 74 карты.

В Минусинском краеведческом музее имени Мартьянова, а также в архиве г. Минусинска выявлено и описано 70 карт.

В городе Владивостоке была обработана богатая коллекция карт Приморского отдела Русского географического общества «Общество изучения Амурского края». В ОИАК обнаружено и описано 138 карт.

В Государственном архиве Новосибирской области в фонде Р. 270 – Картографические материалы было выявлено несколько десятков дореволюционных печатных карт региона.

В г. Москве в Российской исторической библиотеке составлено описание карт Сибири, датированных 1581–1886 гг. Велась работа с литературой, в которой в качестве приложений имелись карты. В Российской государственной библиотеке проведено сканирование карт.

Также велась работа в Архиве внешней политики России. Однако карты помещены в специальное хранение, поэтому доступ к ним запрещен еще с 30-х годов XX в. Такой архаичский подход МИД РФ по доступу к картографическим материалам в современных условиях ничем необъясним.

Удалось выявить несколько карт в делах фонда 130. Сибирские дела. Например, в Оп. 130/1. Д. 1. Письмо капитана Беринга генералу-адмиралу графу Остерману с приложением 3-х карт Камчатского залива Авача, гавани Св. Петра и Павла. В Фонде 148. Тихоокеанский стол. Ф. 148. Оп. 487. Д. 486. Переписка и материалы, касающиеся постройки ж/д через Сибирь (приложены 2 карты).

Возникает вопрос – в чем секрет этих довольно банальных по содержанию карт. В свободном доступе других архивохранилищ подобные карты имеются без грифа «секретно».

Всего по итогам проекта было выявлено и описано 980 печатных карт Сибири и Дальнего Востока с XVIII века по 1917 год.

Структура электронного каталога включает в себя Предисловие, затем в разделах в хронологическом, а внутри разделов тематически, размещены библиографические описания карт: Сибирь, Сибирская губерния, Западная Сибирь в целом, Тобольская губерния, Томская губерния, Алтай и Колывано-Воскресенский, Алтайский горный и Алтайский округ, Акмолинская и Омская области, Семипалатинская область, Восточная Сибирь в целом, Иркутская губерния, Енисейская губерния, Забайкальская область, Якутия, Якутская область, Якутский уезд, Дальний Восток в целом, Амурская область, Приморская область, Полуостров Камчатка, остров Сахалин, карты побережий Северного и Тихого океанов, морей, островов, береговой черты, озер, рек. Отдельно представлены карты Русско-японской войны.

Каталог имеет приложение. В приложении приведены выдержки, касающиеся Сибири и Дальнего Востока, подготовленные О. Н. Катионовым из списка картографических изданий Академии Наук XVIII в. 1728–1806 гг. В. Ф. Гнучевой [11].

Каталог включает именной и географический указатели.

Указатель имен показывает списки лиц, имевших какое-либо отношение к карте: составитель, чертежник, руководитель процесса составления карты, либо возглавлял администрацию территории, руководил научной экспедицией или был ее участником, входил в число военных топографов или землемеров. Всего указано 523 имени.

Перечень карт Сибири и ДВ включает все названия карт в алфавитном порядке.

Имеется список сокращений.

В Галерее помещены 57 сканированных карт.

Появление сводного каталога печатных карт Сибири поможет многим историкам и краеведам в их работе по исследованию региональной истории Сибири и ее локальных частей.

Описания выявленных печатных карт позволяют дополнить понимание процесса освоения Западной и Восточной Сибири, а также Дальнего Востока землеустроительными партиями, геологическими, морскими географическими и гидрографическими экспедициями. Имеются пояснительные надписи к картам по итогам землеустроительных работ. В легендах карт встречаются характеристики экспедиций, их статистические итоги.

Цель нашего проекта, поддержанного РГНФ, заключалась в том, чтобы многообразие печатных карт в хранилищах архивов, музеев, библиотек и обществ свести воедино с кратким или полным их описанием и указанием на место хранения. В современных условиях исследователь или коллекционер вправе обратиться с запросом в любое из этих учреждений с просьбой о сканировании карт, особенно в архивах, где по программе «Архивы России» были установлены сканеры, дающие возможность предоставить потребителям великолепные копии карт.

В перспективе вырисовывается уникальная возможность создания Единого электронного архива карт Сибири и Дальнего Востока периода империи. Для этого у авторского коллектива имеется задел, который включает готовый макет каталога рукописных карт Сибири и ДВ и электронный каталог карт Сибири и ДВ до 1917 г. Остается только наполнить библиографические описания карт сканированными копиями из разнообразных хранилищ этих карт.

При поддержке гранта РГНФ № 15-11-54001 а/р (2015–2016 гг.) «Электронный каталог печатных карт Сибири и Дальнего Востока с XVIII в. по 1917 г.».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Катионов О. Н., ред.-сост., и др. Сводный каталог печатных карт Сибири и Дальнего Востока с XVIII века по 1917 год: электронное справочное издание. – Новосибирск: НГПУ, 2016. 256 Мб ОЗУ. ISBN 978-5-00104-054-5. Регистрационный номер Информрегистра № 0321604448 от 30.12.2016. Сайт свободного доступа: <http://prepod.nspu.ru/mod/resource/view.php?id=38590>.

2. Материалы к сводному каталогу печатных карт Сибири и Дальнего Востока XVIII в. – 1917 г. / Ред. О. Н. Катионов; сост.: О. Н. Катионов, Р. Ю Смагин, А. А. Лобанова,

В. И. Баяндин, Т. В. Мжельская, Г. С. Хорохордин и др. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. – 225 с.

3. Зноско Ю. А. Характеристика картографического материала Сибири и Дальнего Востока XVIII - начала XX в. в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: материалы V Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием (г. Новосибирск, 16–18 ноября 2016 г.): в 2 ч. / под ред. Э. С. Тимербулатовой; Новосиб. гос. пед. ун-т, Ин-т истории, гуманитарного и соц. образования. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – Часть 2. – С. 59-60.

4. Хорохордин Г. С. Картографические коллекции печатных карт Сибири и Дальнего Востока Томского областного краеведческого музея и Иркутского областного краеведческого музея // Индустриальное наследие Сибири: материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 250-летию начала чеканки Сибирской монеты и открытию Сузунского монетного двора (р.п. Сузун, 18 октября 2016 г.). – Новосибирск, 2016. – С. 277-283;

5. Хорохордин Г. С. Картографическая коллекция печатных карт Сибири конца XIX – начала XX вв. Государственного архива Алтайского края // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2016. XII Междунар. науч. конгр. : Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность» : сб. материалов в 2 т. (Новосибирск, 18–22 апреля 2016 г.). – Новосибирск : СГУГиТ, 2016. Т. 1. – С. 46–50.

6. Лобанова А. А. Формирование губернской межевой части в Западной Сибири в конце XVIII – первой трети XIX в. // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2016. XII Междунар. науч. конгр. : Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность» : сб. материалов в 2 т. (Новосибирск, 18–22 апреля 2016 г.). – Новосибирск : СГУГиТ, 2016. Т. 1. – С. 41–45.

7. Мжельская Т. В., Лобанова А. А. Карты Сибири как источник по изучению социально-экономических вопросов XIX – начала XX вв. // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2016. XII Междунар. науч. конгр. : Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность» : сб. материалов в 2 т. (Новосибирск, 18–22 апреля 2016 г.). – Новосибирск : СГУГиТ, 2016. Т. 1. – С. 58–61.

8. Катионов О. Н. Сузун и окрестности на картах XVIII–XXI веков // Индустриальное наследие Сибири: материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 250-летию начала чеканки Сибирской монеты и открытию Сузунского монетного двора (р.п. Сузун, 18 октября 2016 г.). – Новосибирск, 2016. – С. 17–27

9. Катионов О.Н. Базы данных картографических материалов как источник изучения Сибири XVIII–XXI вв. // Сб. науч. тр. "Книга: Сибирь-Евразия". Т.2. – Новосибирск: ГПНТБ, 2016. – С. 126–132.

10. Катионов О. Н. Материалы к сводному каталогу печатных карт Сибири XVIII – начала XX в. как источник библиографической и исторической информации для подготовки электронного каталога рукописных и печатных карт Сибири периода империи // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2016. XII Междунар. науч. конгр. : Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность» : сб. материалов в 2 т. (Новосибирск, 18–22 апреля 2016 г.). – Новосибирск : СГУГиТ, 2016. Т. 1. – С. 51–57.

11. Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века / В. Ф. Гнучева; под ред. д-ра ист. наук А. И. Андреева; Акад. наук СССР. – М.; Ленинград : изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1946 (Ленинград). – 446 с.

© О. Н. Катионов, 2017

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВУЗЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПРОШЛОЕ БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО БУДУЩЕГО

Юрий Ильич Казанцев

Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, 630008, Россия, г. Новосибирск, ул. Ленинградская, 113, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории и философии, профессор, тел. (383)266-42-82, e-mail: kazantsev@sibstrin.ru

Изучение регионального опыта развития негосударственного образовательного сектора дает возможность определить общероссийские тенденции процесса, выявить его региональные особенности и своеобразие. Мировой опыт развития негосударственных вузов неоспоримо доказывает перспективность затеи. Но практика реализации общепризнанных идей на российском и региональном уровне столкнулась с множеством препятствий. Нараставшие сложности были сопряжены не только с рядом объективных фундаментальных причин, но и с непродуманными решениями Министерства образования РФ. Не выдержав нарастающих трудностей, ряд региональных вузов и многочисленные филиалы прекратили свою деятельность на территории Западной Сибири.

Ключевые слова: рынок, образовательные услуги, негосударственные образовательные учреждения Западной Сибири, тенденции развития частного сектора образования.

PRIVATE UNIVERSITIES OF WESTERN SIBERIA: THE PAST WITH NO CERTAINTY OF FUTURE

Yuri I. Kazantsev

Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering, 630008, Russia, Novosibirsk 113 Leningradskaya, D. Sc., Department Chairman of the National History Chair, Professor, tel. (383)266-42-82, e-mail: kazantsev@sibstrin.ru

General trends in the non-state educational sector development throughout Russia as well as its regional characteristics and peculiarities can be derived on the base of regional experience. World experience in this field undoubtedly argues the private education to be an advanced idea. Still the attempt to root the ideas of the higher educational institutions organization adopted in the world had faced a vast number of obstacles in Russia. The problems on the increase were associated not only with a number of objective fundamental reasons, but with partial solutions of the Ministry of Education of the Russian Federation. Unable to withstand the increasing challenges a number of regional Universities and their numerous branch establishments ceased their activity on the territory of Western Siberia.

Key words: market of educational services, private educational institutions of Western Siberia, trends of development of private (non-state) educational sector.

Опыт европейских государств показал эффективность рационального сочетания традиционного государственного и нового негосударственного сектора в системе высшего образования. Большой положительный опыт и традиции инновационного образования накопила Англия. Насколько качественным и престижным является негосударственное образование в Англии, свидетельствуют

следующие данные. 74% самых авторитетных в стране судей получили дипломы в частных университетах, 51% известных журналистов являются выпускниками частных образовательных учреждений. В медицине, 61% успешных и самых высокооплачиваемых врачей обучались в негосударственных учебных заведениях Великобритании [1]. В других европейских странах частные ВУЗы появились гораздо позже, чем в Англии. Так в Германии первый негосударственный университет был основан только в 1982 г. В последующие тридцать лет здесь было открыто более сотни таких ВУЗов и в 2015 г. их насчитывалось уже 113, причем 70 % из них появились сравнительно недавно. Негосударственные университеты Германии изначально были ориентированы на подготовку иностранных студентов, и преподавание здесь велось на английском языке. Эти ВУЗы имеют различные источники финансирования, а кроме того обеспечиваются государственной финансовой поддержкой [2].

В 1990-е годы, в условиях формирования рыночной экономики появилась возможность создания негосударственных высших учебных заведений и в России. Учредителями негосударственных вузов выступали частные лица, общественные организации и творческие объединения. Негосударственные вузы в РФ должны были снизить нагрузку на бюджет и расширить возможности для молодежи получения высшего образования по месту жительства. Кроме того, негосударственные ВУЗы расширяли возможности получения второго высшего образования и переподготовки зрелых специалистов. Учредители ВУЗов надеялись, что частные учебные заведения смогут оперативно и гибко действовать на рынке образовательных услуг, внедрять инновационные технологии в образование, быть креативными, динамично развивающимися и самостоятельными.

Процесс создания частных ВУЗов начинался в Москве в 1992 г. и волной катился на периферию. В 2015 г. в Москве и Московской области в списках значилось 309 негосударственных образовательных учреждений. По количеству негосударственных ВУЗов одна российская столица опередила Германию и Италию, вместе взятые. На территории Западной Сибири прослеживается та же тенденция – областные центры и в первую очередь города с миллионным населением, становились местом сосредоточения учреждений негосударственного образования. Так в Новосибирске было открыто более десятка негосударственных ВУЗов. Группа ученых Академгородка, при поддержке Администрации области, Мэрии города Новосибирска и деловых кругов в 1992 г. учредила Сибирский независимый институт (СНИ). Одним из первых негосударственных ВУЗов города в 1992 г. был Новосибирский институт экономики и менеджмента (НИЭМ). С 1992 г. начала подготовку специалистов Сибирская академия финансов и банковского дела. В феврале 1993 г. был открыт Новосибирский гуманитарный институт. Сравнительно успешная деятельность негосударственных вузов на рынке образовательных услуг способствовала появлению все новых и новых негосударственных ВУЗов. Так в Новосибирске появился в 1997 г. Новый сибирский институт (НСИ), а осенью 2000 г. был создан Русско-немецкий университет (РНУ).

Если крупные научные и культурные центры региона (Новосибирск, Омск, Томск и другие) создавали частные ВУЗы используя свои резервы, то в небольшие города Западной Сибири активно стали внедряться филиальные сети. Так в 1997 г. появился Бийский филиал Современной гуманитарной академии. В филиале можно было получать первое и второе высшее образование, для удобства предлагались очная, заочная и дистанционная форма обучения. Эта же академия имела сеть своих филиалов в городах Западной Сибири. С 1997 г. работал Абаканский филиал частного образовательного учреждения высшего образования Современной гуманитарной академии. Академия вела заочную подготовку по специальностям экономика, юриспруденция, менеджмент не только в малых городах, ее филиалы действовали в Новосибирске, Омске и других областных центрах Западной Сибири [3].

Если во Франции продуктивно работало около 240 частных высших инженерных школ, то в России абсолютно доминировали негосударственные ВУЗы экономического и гуманитарного профиля. Яркое тому подтверждение дает государственная статистика.

Таблица 1

Выпуск специалистов негосударственными образовательными учреждениями высшего профессионального образования РФ в 1994 – 2003 гг. (тыс. чел.)

	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Выпущено специалистов - всего	3,4	7,7	13,1	21,5	30,2	40,2	56,2	72,3	87,3	116,7
в том числе:										
по группам специальностей										
естественнонаучные	1,9	3,6	6,7	10,4	15,2	24,4	32,9	48,7	61,5	89,2
гуманитарно-социальные образование	0,3	1,3	2,3	4,1	7,7	12,4	16,2	22,9	28,7	38,4
Здравоохранение	0,03	0,2	0,7	0,6	0,8	1,1	0,7	0,8	0,9	1,3
культура и искусство	-	-	-	0,03	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3
экономика и управление	0,4	0,3	0,3	0,3	0,5	0,7	0,4	0,5	0,7	1,0
другие специальности	1,2	1,7	3,3	5,2	5,8	9,5	14,5	23,2	29,6	46,2
по направлениям подготовки	-	-	0,0	0,0	0,1	0,4	0,8	0,9	1,2	1,9
	1,5	4,1	6,4	11,1	15,0	15,8	23,3	23,6	25,8	27,5

Это во многом объясняется тем обстоятельством, что подготовка экономиста, менеджера, юриста не требовала основательной лабораторной базы, не была сопряжена с большими расходами на приобретение машин и механизмов, не нуждалась в испытательных полигонах и т.д. Даже без этих затрат, учредители в первые годы работы негосударственного ВУЗа испытывали массу трудностей. Открытие и работа негосударственных вузов были сопряжены с проблемами государственного и местного уровня. Одним из острейших стал вопрос поиска помещений под новые вузы. В одних случаях приходилось приспособлять под учебные аудитории здания бывших детских садов, которые по своим характери-

стикам малогодились для проведения занятий со студентами, в других случаях переоборудовались сданные в аренду административные помещения.

Другая проблема, которая преследовала негосударственные учебные заведения - отсутствие финансовой поддержки со стороны государства и нарастающий контроль за их деятельностью со стороны Министерства образования. В марте 2004 г. была создана Федеральная служба по надзору в сфере образования (Рособрнадзор), это стало завершающим аккордом становления системы государственного контроля за качеством образования в стране. Этот этап становления технологии госаккредитации (1994-2005 гг.) можно считать инновационным для отечественной системы образования. В условиях децентрализации и неоднородности системы образования по организационно-правовым формам государственная аккредитация сформировалась как институциональная форма оценки деятельности вуза на основе информационных технологий для поддержки принятия решений [4].

В России 1990-е годы изначально учредители негосударственных ВУЗов были заинтересованы в своем большинстве в получении прибыли. Специалисты пытаются градуировать негосударственные ВУЗы по целям их создания. К высшей категории относят те, которые нашли свою нишу и определили свою миссию в обществе, которые развиваясь, сравнялись с ведущими государственными вузами страны. В этом классификаторе есть и другая категория ВУЗов, которые были настроены на извлечение прибыли, их называли «фабрики по выдаче дипломов» [5].

Не миновали общих тенденций и негосударственные ВУЗы Западной Сибири. Если в начале 1990-х годов частных ВУЗов не было вообще, то в 1995/96 учебном году негосударственные высшие учебные заведения региона обучали свыше 233 тыс. студентов, а 2000 г. их численность превысила 340 тыс. чел., и достигла 9% всех обучающихся в негосударственных ВУЗах страны.

Таблица 2

Численность студентов негосударственных высших учебных заведений в Западной Сибири (на начало учебного года; тыс. человек)

	1995/96	1998/1999	1999/2000	2005/2006	2009/2010
Российская Федерация	2655,2	3347,2	3728,1	1079,3	1283,3
Республика Алтай	4,2	4,8	5,2	0,6	0,5
Алтайский край	39,7	47,8	52,4	11,7	13,5
Кемеровская область	41,1	52,2	59,9	5,7	5,0
Новосибирская область	70,5	90,9	107,2	14,0	15,3
Омская область	41,4	49,2	56,0	8,7	15,4
Томская область	36,9	51,4	59,6	2,4	2,7
Итого:	233,8	296,3	340,3	43,1	52,4

С 2000 г. особенно быстро нарастали негативные тенденции в образовательной сфере, в том числе и негосударственной. Во-первых, негосударствен-

ные ВУЗы длительное время не получали ожидаемой бюджетной поддержки, оставшись со своими проблемами. Только в 2012 г. Министерство образования впервые допустило к участию в конкурсе на получение средств из федерального бюджета негосударственные ВУЗы. Одним из победителей такого конкурса стал Сибирский независимый институт (Новосибирск), получивший 46 бюджетных мест. В 2015 г. негосударственная Омская юридическая академия получила 49 бюджетных мест. Большинство негосударственных ВУЗов Западной Сибири осталось без государственной поддержки [6].

Во-вторых, демографическая ситуация в стране сопровождалась падением численности выпускников школ, обострилась конкуренция за абитуриента между государственными и частными ВУЗами. Как следствие, число студентов негосударственных ВУЗов начинало сокращаться и в 2010 г. едва превышало 50 тыс. чел. По сравнению с 2000 г. численность студентов в негосударственном секторе высшего образования Западной Сибири сократилась в 6,5 раза, в то время как по стране в целом только в 2,9 раза. Не выдержав нарастающих трудностей, ряд негосударственных ВУЗов прекратил свою деятельность. Причин тому было много, выделим основные: негосударственные высшие учебные заведения создавались на пустом месте, и оказались слабо обеспечены финансами и материальной базой; ориентация практически всех частных ВУЗов на подготовку экономистов, менеджеров и юристов привела к растущей конкуренции, которая резко возросла в условиях демографического спада, наборы студентов последовательно сокращались; возрастающий государственный контроль требовал роста числа штатных преподавателей и учебно-вспомогательного персонала в каждом ВУЗе, а следовательно и роста финансовых затрат, дальнейшее снижение стоимости обучения становилось невозможным. Эти и другие, в том числе и скрытые причины (коррупция, притеснения со стороны государственных чиновников) предопределили тенденцию угасания негосударственного сектора образования в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. <https://britbridge.ru/chastnye-university-velikobritanii/>(Обращение 27.10.2016).
2. <http://www.de-portal.com/ru/ucება-v-germanii/chastnye-vuzy-v-germanii.html> (Обращение 27.10.2016)
3. <http://sibvuz.ru/novokuznetsk/sf-miep/>(Обращение 25.10.2016)
4. Мотова Г. Н., Наводнов В. Г. Бордюрные камни госаккредитации// Электронный журнал об образовании. 20.09.2012 http://www.akvobr.ru/bordurnye_kamni_gosakkreditacii.html (Обращение 02.11.2016)
5. Зернов В. А. Негосударственные вузы России: современное состояние, тенденции и перспективы // Высшее образование в России. – №4. – 2013. – С. 3–11.
6. <http://www.univer-rating.ru/news.asp?Int=7&id=459> (Обращение 25.10.2016)

© Ю. И. Казанцев, 2017

ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Евгений Эдуардович Казаков

Русско-немецкий университет дополнительного образования, 630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 32, доктор исторических наук, ректор, профессор, тел. (923)222-46-60

В статье рассматривается логика современного развития социальной реальности, связанная с субъективным фактором. Подход автора определяется тем, что он связывает интеллектуальные конструкты с первичной и вторичной социализацией, позволяющий в целом обеспечивать легитимность существующих социальных конструкций.

Ключевые слова: социализация, субъективность, интеллектуальные конструкты, социальная система, постиндустриальное общество, легитимация.

CONSTRUCTION OF SOCIAL REALITY AND SOCIALIZATION

Evgeny E. Kazakov

Russian-German University of Additional Education, 630099, Russia, Novosibirsk, 32 Kamenskaya St., D. Sc., Rector, Prof., tel. (923)222-46-60

The logic of current development of social reality and its subjective factor is considered. The author's approach is based on intellectual constructs being related to the primary and secondary socialization, which makes it possible to ensure legitimacy of the existing social constructions.

Key words: socialization, subjectivity, intellectual constructs, social system, postindustrial society, legitimation.

В научной литературе процесс конструирования социальной реальности обычно понимают двояко. Социальные философы П. Бергер и Т. Лукман предложили его преимущественно когнитивно-оценочное толкование в качестве совокупности процессов, с помощью которых любая система знания становится социально признанной в качестве «реальности» [1]. Реальность социально конструируется так эти философы сформулировали главный тезис социологии знания. Знание – это «уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками» Знание, таким образом, изначально – зона субъективного. Реальность П. Бергер и Т. Лукман рассматривают как качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимо от нашей воли и желания. Объективность реального, однако, относительна.

Сама структура социальной реальности конструируется субъективными значениями. Но предметом социального конструирования, по нашему мнению, может быть не только знание и сознание, но практически весь спектр социальной реальности независимо от составляющего его материала.

Это неразрывно связано с тем, что человеческая субъективность, активно вторгается в объективную реальность, способна породить нечто иное: пред-

ставления, смыслы, ценности, нормы, идеалы, которыми пытается жить тот или иной субъект. Вместе с тем следует иметь в виду, что в данном случае мы сталкиваемся с тем, что называется интернализация – восприятие и усвоение индивидом элементов окружающей реальности. Понимание им окружающей действительности в известной мере отличается от понимания реальности другими.

Логика современного развития детерминационно-казуальной методологии движется в направлении все большей дифференциации своих аналитических подходов, что, однако, не исключает возможности интеграции последних в различные системы целостности. Как известно, ряд социальных философов склонны нередко ограничиваться употреблением понятия «системные причины», ссылаясь при этом на особую сложность различных форм детерминационных зависимостей. Фактически все это требует перехода от констатаций «системной причины» к выходу из лабиринта детерминант, то есть к созданию такой методологической модели, где бы «системная причина» отошла на задний план перед концептуальной конструкцией, моделирующей систему детерминант и причин как комплекс реально существующих исходных, определяющих воздействий, подчиняющих себе сформированную социофилософскую реальность [2].

Следует иметь в виду, что эти интеллектуальные конструкты тесно связаны с понятиями социализация и вторичная социализация. При этом процесс социализации понимается как становление и развитие личности, состоящий в освоении ею социальных норм, культурных ценностей и образцов поведения, позволяющий ей жить и действовать в данном обществе. Под вторичной социализацией в данном случае следует понимать интернализацию институциональных или институционально обоснованных подмиров. У человека уже сформировалась жизненная установка, соответствующая требованиям социальной среды. Новая интернализированная информация накладывается на знания, приобретенные ранее. Однако здесь возникает проблема согласованности обеих систем знаний, проблема намерения личности реализовать свою жизненную установку в данном ролевом поведении. Вновь встает проблема легитимации социальных конструкций. Вторичная социализация менее устойчива, и главную причину этого П. Бергер и Т. Лукман видят в том, что такая реальность не так глубоко укоренена в сознании, а потому в большей степени поддается смещению. Степень смещения зависит от успешности использования принципа «возвращения домой» в процессе перехода индивида из реальности первичной социализации в реальность социализации вторичной.

В то же время развивающаяся социальная система постоянно находится в состоянии перманентной реорганизации (декомпозиции) своих структурных и параметрических составляющих, что свидетельствует о её переходном, промежуточном состоянии – между «хаосом» и «порядком» [3], что затрудняет социализацию.

Поскольку каждая социальная система действует в условиях неопределенности, то она может существовать как в нормативных рамках, так и за их пределами, в условиях различных отклонений. В то же время понятие «социализа-

ция» тесно связано с понятием «легитимация», которая имеет несколько уровней – от простой передачи значений новому поколению до выстраивания обширных полей значений, того, что часто называют символическим универсумом – целостной системой фиксации и интерпретации реальности, своего рода матрицы всех социально объективированных и субъективно разделяемых значений. В этой связи проблематика социального конструирования в настоящее время выходит на первый план в формировании актуальной модели развития постиндустриального общества и в её поиске оптимального варианта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995.
2. Бачинин В. А. Девиатология и теология // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. – 2011. – Т. XIII. – Вып. 4. – №№ 67–68. – С. 54–55.
3. Курлов А. Б. Социология перемен: проблема поиска методологической парадигмы // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 1. – С. 292.

© Е. Э. Казаков, 2017

ЗАКРЫТЫЕ ПИСЬМА СЕКРЕТАРЕЙ ГУБКОМОВ РКП(б) О НЕЛЕГАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭСЕРОВ В СИБИРИ (1922–1923 гг.)

Анатолий Владимирович Добровольский

Сибирский государственный университет путей сообщения, 630049, Россия, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, 191, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии, тел. (383)328-05-15, e-mail: dobr@sgups.stu.ru

С начала 1920-х годов в партийной системе РКП(б) были введены закрытые письма руководителей губернских комитетов партии. В статье анализируется (на примере Енисейской губернии) практика и опыт данного вида работы в части систематического освещения деятельности антисоветских партий и групп на территории региона. Автор делает выводы, что жесткая регламентация и отсутствие активной эсеровской оппозиции в этот период вскоре привели к формализму в этой работе. Закрытые письма секретарей губкомов не представляли особой ценности ни с точки зрения новой информации, ни как аналитический материал.

Ключевые слова: Сибирь, закрытые письма, РКП(б), оппозиция, эсеры, нелегальная деятельность.

CLOSED LETTERS FROM THE SECRETARY PROVINCIAL COMMITTEE OF THE RCP(b) ON THE ILLEGAL ACTIVITIES SRs IN SIBERIA (1922–1923)

Anatoly V. Dobrovolsky

Siberian State Transport University, 630049, Russia, Novosibirsk, 191 D. Kovalchuk St., D. Sc., Prof. of department of history and political science, tel. (383)328-05-15, e-mail: dobr@sgups.stu.ru

Since the beginning of 1920 in the party system of the RCP(b) were introduced enclosed letter heads of provincial party committees. The article analyzes (for example, the Yenisei province) practice and experience of this type of operation in terms of systematic coverage of the anti-Soviet parties and groups in the region. The authors conclude that strict regulation and lack of an active opposition to the SR in this period soon led to formalism in the work. Closed letter Gubernia secretaries of little value either in terms of new information or as an analytical material.

Key words: Siberia, closed the letter, RCP(b), opposition, Social Revolutionaries, illegal activities.

На XI съезде РКП(б) была введена система ежемесячных информационных и статических отчетов губернских комитетов в ЦК РКП(б). Циркуляром ЦК от 18 января 1922 г. № 1902/с дополнительно вводились секретные (закрытые) письма руководителей губернских комитетов РКП(б). В директивном письме ЦК от 20 апреля 1922 г. доводилось до их сведения, что закрытые письма секретарей губкомов (объем две страницы) должны ежемесячно направляться в ЦК до 5 числа. В земледельческих областях рекомендовалось более полно и внимательно освещать вопросы урожая, состояние продовольственной работы, торговли, настроения крестьянства, работы эсеров. В промышленных губерниях отражать положение на фабриках, настроения рабочих, влияние меньшевиков и

т.д. В директивном письме особо акцентировалось внимание на важность пункта № 3, в котором требовалось отражать деятельность враждебных политических партий, «их влияние в тех или иных слоях населения, методы их работы и т.д.» [3, д. 309, л. 106].

В данной работе мы решили проанализировать закрытые письма секретарей Енисейской губернии, которые, на наш взгляд, отличались высокой дисциплинированностью, стремились творчески выполнять директивы распоряжения руководящих органов, поручения ЦК.

В закрытом письме за август 1922 г. секретарь губкома А. С. Гендлин писал, что «деятельность меньшевиков и эсеров почти сведена на нет. Ни в профсоюзах, ни в городской кооперации их нет. На командных постах они крепко сидят пока в Губсоюзе кооперативов» [2, д. 288, л. 51]. Далее он информировал ЦК, что губкомом ведется подготовительная работа по организации перевыборов в структурных (районных) подразделениях и самом губернском союзе. «Меньшевики из губсоюза просят оставить им из семи мест три – на местах; эсеры проявляют себя в сельскохозяйственной кооперации, но верхи сельхозкооперации в руках нашей партии» [2, д. 288, л. 51].

В следующем закрытом письме № 7 за сентябрь 1922 г. он информировал ЦК, что в текущем месяце прошли перевыборы центрального правления и районных отделений губернского союза кооперативов. «Нужно сказать, – писал А. С. Гендель, – что до перевыборов губсоюз был убежищем всех меньшевиков и эсеров. Во всех правлениях подавляющее большинство было за этими «беспартийными» [2, д. 288, л. 14]. В результате перевыборов в центральном правлении стало пять членов партии РКП(б) из семи, в районных отделениях по два – три коммуниста. Тем не менее, признавался А. С. Гендлин, в сельскохозяйственной кооперации влияние компартии еще слабое, там чрезвычайно мало своих людей и ее работа не поддается полному контролю наших партячеек. Что же касается враждебных нам политических партий, то «все эсеры и меньшевики арестованы. Их влияние сказывается, но слабое, в сельскохозяйственной кооперации. Активности не проявляют и влияния среди рабочих не имеют» [2, д. 288, л. 14].

В закрытом письме № 10 (за декабрь 1922 г.) по третьему пункту писалось, что влияния эсеров и меньшевиков не наблюдается. «Хотелось бы отметить странный факт, – информировал А. С. Гендлин. Месяц тому назад из губернии были высланы меньшевики и эсеры. Меньшевики в Барнаул (Алтайской губернии), эсеры в Томскую губернию, предполагали в Нарымский край. Вопрос об их высылке был согласован с ГПУ, и по сведениям начальника ГПУ, с Полномочным представительство ГПУ по Сибири. Несколько дней тому назад все высланные эсеры приехали обратно сюда, в Красноярск. Кому понадобилось их выдворять назад, для какой цели, считаю это несомненной ошибкой со стороны Томского ГПУ, а может быть и Сиб. ПП ГПУ. Господа эсеры, вернувшиеся в Красноярск, пользовались персональным доверием у некоторых групп населения, служащих союзов Нарсвязи и Совработников» [2, д. 288, л. 29; 3, д. 371, л. 11].

В закрытом письме за январь 1923 г. партийный руководитель Енисейской губернии писал, что «продналоговая кампания завершилась хорошо, настроение крестьян удовлетворительное». Правда, задолженность по зарплате вызывает определенную напряженность среди рабочих. Железнодорожники получили зарплату за декабрь только 20 января. А четырехмесячная задолженность по заработной плате на Черногорских коях вылилась в попытки остановить работу. «Что касается враждебных нам партий, – информировал А. С. Гендлин, – то они не проявляют активности» [3, д. 606, л. 16]. Далее он вновь повторяет, что возвращение из ссылки эсеров и меньшевиков вызвало «определенное сочувствие» к ним со стороны некоторых лиц (особенно служащих Губсоюза), что выразилось в сборе материальной помощи и иных видов поддержки, но подавляющая часть населения осталась довольно равнодушна к их судьбе. В настоящее время, сообщал А.С. Гендлин, проводится чистка аппарата губсоюза от нежелательных элементов.

Для сравнения ситуации по сибирским губерниям приводим закрытое письмо секретаря Иркутского губкома РКП(б) М. Ф. Левитина: «Работа враждебных нам партий, после проведения операций ГПУ в октябре 1922 года – почти не заметна, за исключением редких случаев, почти не имеющих никакого значения» [3, д. 284, л. 41]. В это же время секретарь Новониколаевского губкома РКП(б) А. И. Равдель писал: «Активного проявления антисоветских партий и группировок не наблюдается. В настоящий момент приступили к очистке и сокращению аппаратов кооперации, в системе которой главным образом и ютятся последние» [3, д. 292, л. 27]. Да и какая могла быть работа антисоветских партий, откуда могла взяться организованная оппозиция, если все активные члены партии эсеров (и бывшие, и настоящие, и даже подозреваемые в причастности к эсеровской партии) находились в это время (после судебного процесса над ЦК партии эсеров) в тюрьмах, либо в ссылках, либо неустанно контролировались органами ГПУ на местах.

В начале 1923 г. ответственным секретарем Енисейского губкома РКП(б) был избран Р. Я. Кисис. После ознакомления с ситуацией он писал в Сиббюро: «Партийный аппарат по губернии слаб. Необходима замена 2-х секретарей укомов... Повсеместно отмечается слабость завогготделов и завагитотделов укомов» [5, с. 73]. В февральском письме (закрытое письмо № 12) он информировал ЦК РКП(б): «Работы враждебных нам политических партий и группировок не наблюдалось, однако нужно осветить, что работа сельской интеллигенции нередко отдает эсеровщиной. Бывшие эсеры и меньшевики довольно прочно сидят в кооперации и в других советско-хозяйственных аппаратах. Активной работы не наблюдалось. Решительная чистка их задерживается недостатком соответствующих коммунистических сил» [2, д. 606, л. 19].

В мартовском письме № 13 новый руководитель вновь отмечал, что «активной работы не замечалось. Необходимо лишь отметить работу по ликвидации С.-Р. По указанию центра в марте была организована в Красноярске группа старых с.-р. рядовиков на известной влатформе «Единого фронта» и «отре-

чения от генералов». Созданное губбюро, работающее под непосредственным наблюдением ГО ГПУ, послало своего представителя на Всероссийский съезд». После Всероссийского съезда нами лишь получена директива о публикации соответствующих решений съезда и статей генеральных органов. Необходимо было бы дать указания организационного свойства, ибо продолжительное существование губбюро не желательно» [2, д. 606, л. 25].

Очередное письмо секретаря Енисейского губкома РКП(б) было отправлено в ЦК РКП(б) 7 июня 1923 г., объединив двухмесячную информацию за апрель – май. Руководитель констатировал, что политическое состояние губернии в целом можно назвать «устойчивое». По его мнению, отношение населения к РКП(б) улучшилось, рост политической активности масс наглядно проявился на первомайской демонстрации, в деле по протесту убийства советского дипломата В.В. Воровского. Что же касается деятельности враждебных партий, то секретарь губкома Р. Я. Кисис прямо написал: «Деятельности не замечалось. Отдельные элементы со старой меньшевистской, эсеровской и колчаковской закваской активно не выступают, стараясь, однако, вести свою политическую линию в практической работе, поскольку сидят спецами в кооперации и в других советско-хозяйственных учреждениях» [2, д. 606, л. 2]. Далее он докладывал в ЦК РКП(б), что по чистке из кооперации уволено «политические вредного элемента» 30 человек. Прошедший пленум Енисейского губкома РКП(б) решил, что эта работа должна быть распространена на советский и хозяйственный аппарат. Последующее закрытое письмо секретаря Енисейского губкома РКП(б) содержало отчет уже за три месяца: июль, август и сентябрь 1923 г. По интересующему нас пункту написано: «Активной деятельности антисоветских партий и группировок, как прежде, не замечалось. Директива ЦК РКП о чистке меньшевиков из советско-хозяйственных, профсоюзных и политико-просветительных органов нами проводится в жизнь путем систематического и постепенного выявления таких элементов как по линии ГПУ, так и по линии фракций советских, профсоюзных, кооперативных организаций» [2, д. 606, л. 8].

Таким образом, с начала 20-х годов повсеместно усиливается секретность в потоке партийных документов, исходящих от руководящих органов РКП(б) различного уровня. «Нарастал парадокс, – считает исследователь И.П. Вязьмитинова – монополюльно правящая партия все шире использовала секретность, характерную для нелегальной работы» [1, с. 43]. По замыслу ЦК закрытые письма секретарей губкомов РКП(б) должны были укреплять обратную связь руководства с местными партийными организациями [4, с. 5]. Анализ конкретного содержания закрытых писем секретарей губернских комитетов РКП(б) Сибири (в части работы враждебных политических партий и группировок) позволяет сделать выводы, что периодичность и жесткая регламентация быстро превратили закрытые письма в очередную формальность. Как источник, в части освещения работы враждебных политических партий и группировок, ежемесячные доклады руководителей губкомов были бесполезны. Во-первых, к этому времени, к середине 1922 г., социалистическая оппозиция (правые эсеры, меньшевики)

были загнаны в глубокое подполье и не имели реальных возможностей для проведения партийной работы на местах. Во-вторых, в результате превентивных мер органов ВЧК/ГПУ Сибири большинство руководящих эсеровских органов губернского, городского уровня были разгромлены в конце 1921 – начале 1922 гг.; большинство местных руководителей и активистов находились в местах заключения. И в третьих, что касается информации по разделам социально-экономического и общественно-политического положения губерний, то можно согласиться с мнением С. А. Павлюченкова, что «доклады ответсекретарей губкомов в ЦК быстро обрели формальный, бесконфликтный характер, без упора на реальные противоречия и проблемы, выражали тенденцию к парадной отчетности» [6, с. 62]. К тому же новой, «свежей» информацией о деятельности антисоветских партий могли обладать лишь органы, целенаправленно занимающиеся этой работой. Секретарям губкомов РКП(б) приходилось брать эту информацию либо из отчетов, сводок территориальных органов ВЧК/ГПУ, либо использовать информацию своих нижестоящих партийных структур, опирающуюся порой на непроверенные факты и домыслы. После судебного процесса над ЦК партии эсеров (июнь – август 1922 г.) реальной, организованной оппозиции в Сибири, на местах, не осталось. Поэтому разделы об антисоветской деятельности враждебных политических партий и группировок в закрытых письмах секретарей губкомов РКП(б) Сибири выглядят предельно сжатыми, однообразными, и не имели особой практической значимости для ЦК. Реальную информацию о «затухающей» деятельности оппозиционных партий большевистское руководство получало через другие каналы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вязьмитинова И. П. Секретность как средство борьбы за власть в советской политической системе 20-х годов. URL: http://www.rusnauka.com/9_NND_2012/Istoria/1_105657.doc.htm (дата обращения: 8.02.2017).
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. п-1. Оп. 1. Д. 288, 606.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. п-1. Оп. 2. Д. 284, 292, 309, 371.
4. Известия ЦК РКП(б). – 1922. – № 7.
5. Олех Л. Г. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. – Новосибирск: НГИ, 1995. – 146 с.
6. Павлюченков С. А. Орден меченосцев: партия и власть после революции, 1917 – 1929 гг. – М.: Собрание, 2008. – 463 с.

© А. В. Добровольский, 2017

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В РУССКОМ СИМВОЛИЗМЕ

Вячеслав Владимирович Видеркер

Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и музеологии, тел. (383)244-19-92, e-mail: widerker@ngs.ru

Исследуется специфика реализации типологической модели диалога культур в русском символизме. Выделяются и анализируются два этапа диалога между отечественной и западноевропейской культурой, осуществленного в текстах русского символизма. Автор приходит к выводу, что в русском символизме, который был органичным этапом в отечественной культуре, осуществился полный цикл межкультурного диалога.

Ключевые слова: диалог культур, русский символизм, отечественная культура, западноевропейская культура, искусство, типологическая модель, текст.

TYOLOGICAL PECULIARITIES OF THE CROSS-CULTURAL DIALOGUE IN RUSSIAN SYMBOLISM

Viacheslav V. Viderker

Novosibirsk State Pedagogical University, 630126, Russia, Novosibirsk, Villuiskaia St., 28, Ph. D., associate professor, associate professor of the department of theory, history of culture and museology, tel. (383)244-19-92, e-mail: widerker@ngs.ru

The peculiarities of the realization of a typological model of a cross-cultural dialogue in Russian symbolism are researched. The two stages of the dialogue, brought to life in Russian symbolist texts, between Russian and West European cultures are marked and analyzed. The author comes to the conclusion that in Russian symbolism, which was a natural stage of Russian culture, a complete cycle of the cross-cultural dialogue was fulfilled.

Key words: cross-cultural dialogue, Russian symbolism, Russian culture, West European culture, art, typological model, text.

В современном обществе в условиях интенсификации межкультурного диалога актуальное значение приобретает исследование проблематики прошлых ситуаций взаимодействия культур. В данной статье исследуется диалогическое взаимодействие между отечественной и западноевропейской культурой, реализованное в текстах русского символизма – художественного стиля рубежа XIX–XX вв. Основным средством такого рода взаимодействия выступает язык искусства, который определяет форму подачи информации. А, в свою очередь, «форма сообщаемого, определяется многими факторами, важнейшим из которых является язык, на котором создается сообщение и индивидуальные особенности субъекта сообщения» [8, с. 134].

Методологической основой работы является семиотико-типологический подход, в частности типологическая модель диалога культур, разработанная

Ю. М. Лотманом [6]. Концептуализируя понятие «межкультурный диалог», Ю. М. Лотман писал: «Существенными в изучаемом явлении [межкультурного диалога – В.В.] будут... признаки: во-первых, то, что в ходе межкультурного общения потоки текстов меняют свое направление; во-вторых, в момент перелома в направлении потока тексты переводятся с «чужого» языка ... на «свой». ... В-третьих, процесс этот имеет лавинообразный характер: ответный поток текстов всегда значительно превосходит мощностью и культурным значением провоцирующее его воздействие» [6, с. 48]. Типологическая модель межкультурного диалога представляет собой идеализацию и обобщающую абстракцию множества реальных случаев диалога культур, каждый из которых в значительной степени индивидуален, так как реализуется в уникальных культурно-исторических условиях. Рассматривая межкультурный диалог в русском символизме как частное проявление общей типологической модели, мы, во-первых, исследуем теоретический уровень, т. е. наличие качественных признаков и процессов данной модели в русском символизме, а, во-вторых, эмпирический уровень, т. е. своеобразие реализации общей модели в русском символизме.

Типологическим признаком диалога культур является попеременная активность передающего и принимающего контрагентов, что позволяет выделить в данном процессе два этапа. Хронологически в русском символизме традиционно выделяют два этапа, два поколения – «старших символистов» 1890-х гг. (Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, В. Я. Брюсов, Ф. К. Сологуб, К. Д. Бальмонт и др.) и «младших символистов» 1900-х гг. (В. И. Иванов, А. А. Блок, Андрей Белый, С. М. Соловьев и др.). Условно характер их творчества можно определить как индивидуалистическо-декадентский у «старших символистов» и теургический у «младших символистов». Центральное ядро русского символизма составили тексты «младших символистов», продуцировавшие развитую теоретическую систему и разнообразные формы жизненно-эстетической практики. По нашему мнению, два этапа русского символизма соответствуют двум этапам межкультурного диалога.

Первый этап межкультурного диалога характеризуется тем, что контрагент, транслирующий тексты, воспринимается его участниками как культурный центр, а контрагент, принимающий тексты, – как культурная периферия. Символизм возник во Франции в 1870–1880-х гг., откуда распространился по всей Европе, включая Россию. Эстетико-художественный метод русского символизма изначально сложился в результате интенсивного усвоения и копирования инокультурных текстов – поэтическое творчество, прежде всего, питалось французским литературным символизмом (Ш. Бодлер, С. Малларме и др.), а теоретические положения и мировоззренческие установки преимущественно черпались из немецкого философского романтизма и символизма (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и др.). В этот первый период диалога культур символизм воспринимался в России как продукт западной культуры, и, соответственно, переход на его платформу субъективно осознавался как разрыв с русской традицией и подчеркнутая ориентация на Европу. Показательным свидетельством данного под-

хода стало издание В. Я. Брюсовым, вдохновленным поэзией французских символистов, трех выпусков «Русских символистов» в 1894–1895 гг., которые должны были демонстрировать, что в России есть свои, русские символисты.

Изучение русского символизма делает очевидным, что после того как западный язык был усвоен, и русские символисты начали свободно им пользоваться, создавая на нем тексты аналогичные заимствованным, произошла коренная трансформация инокультурной традиции и перевод текстов на «свой», традиционный язык. Это свидетельствует о коренном переломе в процессе межкультурного диалога. Русские символисты начали рассматривать символизм как имманентный принцип мировой культуры и отказывались от его локализации в конкретных пространственно-временных координатах. Поэтому родиной символизма более не считалась ни Франция, ни последняя треть XIX в. Д. С. Мережковский писал: «Непростительная ошибка думать, что художественный идеализм – какое-то вчерашнее изобретение парижской моды. Это возвращение к древнему, вечному, никогда не умиравшему» [7, с. 172]. Европейский символизм теперь воспринимался как вариант реализации в действительности вечно-го принципа мировой культуры.

«Младшие символисты» развернули процесс отмежевания русского символизма от европейского, его начали рассматривать как закономерный этап в истории отечественной культуры, обусловленный внутренней логикой ее развития. Андрей Белый писал: «Критики часто выводят русский символизм из французского. Это ошибка. Русский символизм и глубже, и почвеннее... Достоевский, Гоголь и Чехов оспаривают у Ницше, Ибсена и Гамсуна влияние на молодую русскую литературу. Фет, Лермонтов, Баратынский, Тютчев больше влияли на наших поэтов, нежели Бодлер, Верлен, Метерлинк, Розенбах и Верхарн. Лучшие поэты наших дней кровно связаны с нашим прошлым» [1, с. 458]. Таким образом, одновременно с акцентированием почвенного характера русского символизма начинается дискредитация европейского символизма как слишком рационалистического и не отражающего подлинную суть мира.

Второй этап межкультурного диалога в русском символизме начался в момент перевода текстов с «чужого» на «свой» язык, когда произошло изменение направления их потока. Русский символизм обрел национальное своеобразие и начал мощный выброс собственных текстов в культурное пространство.

Центральное ядро эстетики русского символизма составляют идеи жизне-творчества, синтеза и теургии, тесно связанные между собой и уходящие своими корнями в традиционную проблематику отечественной культуры [4; 5].

Принципиальное различие между русским и западноевропейским вариантами символизма заключается в том, что если западный символизм был, прежде всего, направлением в искусстве, то русский символизм стремился выйти за пределы искусства и стать мировоззрением, жизненно-эстетической практикой, призванной поднять человечество на новый уровень развития. Андрей Белый писал: «Правы законодатели символизма, указывая на то, что последняя цель искусства – пересоздание жизни... Последняя цель культуры – пересоздание че-

ловечества; в этой последней цели встречается культура с последними целями искусства и морали; культура превращает теоретические проблемы в практические» [2, с. 10]. В русском символизме «тексты искусства» (художественные произведения), «тексты науки» (теоретические и критические работы) и «тексты жизни» (жизнетворчество, формы бытового поведения) рассматривались как однопорядковые и изоморфные, т. е. имеющие одинаковую структуру, единый способ дешифровки и способные к взаимозаменяемости. Программной символистской задачей было обновление и спасение человечества путем создания искусством новых форм жизни. Этой задаче более всего отвечали «тексты жизни», поэтому проблема жизнетворчества стала ключевой. Жизнетворчество предполагало не реальное изменение существовавшего социально-политического уклада, а замыкалось на «внутреннем» преображении человека и окружающей жизни под воздействием искусства.

В русском символизме изоморфизм текстов был частным случаем идеи синтеза – синтеза искусства и жизни, синтеза всех видов искусства и т. д. А. А. Блок писал: «Русскому художнику нельзя и не надо быть «специалистом». Писатель должен помнить о живописце, архитекторе, музыканте; тем более – прозаик о поэте и поэт о прозаике... Так же как неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга философия, религия, общественность, даже – политика. Вместе они и образуют мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры» [3, с. 176]. Русские символисты негативно оценивали прогрессирующую дифференциацию способов познания мира и сфер человеческой деятельности (наука, искусство, религия, разные картины мира и т. д.), считая, что ее логическим следствием является изоляционизм и упрощенное восприятие жизни. Выход они видели в сломе существовавшего тренда и запуске противоположного движения к всеобъемлющему синтезу, который должен был утвердить целостность мироздания и обеспечить полноту восприятия жизни. Поэтому в эстетике русского символизма утверждалось тесное взаимодействие искусства, религии и этики, объединенных общей целью – «преображением человечества». Данная идея несла в себе деструктивные тенденции для символизма как направления в искусстве. Декларируемое «пересоздание жизни» неминуемо вело к нарастанию роли религии при снижении роли искусства. Действительно, грядущее «преображение» мыслилось как некое религиозное преобразование души. Данный подход в своем пределе вел к отказу взгляда на искусство как особую форму общественного сознания и предполагал слияние до полной нерасторжимости искусства с религией и этикой.

В начале XX в. «младшие символисты» выдвинули учение о теургии, т. е. о религиозно-освященном творчестве, подлинный художник должен был стать теургом, который на основе принципов алогизма, интуитивизма и мистики выявляет внутренне присущую миру красоту и гармонию.

В итоге можно утверждать, что русский символизм – это органичный этап в отечественной культуре, а не продукт инокультурного заимствования. Количе-

ственное несоответствие между числом текстов, принятых русской культурой на первом этапе диалога культур и числом текстов, которые она транслировала в культурное пространство на втором этапе, убеждает в том, что инокультурные тексты не создали русский символизм, а привели отечественную культуру в динамическое состояние. Ю. М. Лотман утверждал, что «вторжение внешних текстов играет роль дестабилизатора и катализатора, приводит в движение силы местной культуры, а не подменяет их» [6, с. 49]. Сами по себе контакты между культурами, «бомбардировка» одной культуры разножанровыми текстами другой, не приводят к возникновению диалога культур, который возможен только при условии существования диалогической ситуации. Кроме того, полный цикл межкультурного диалога предполагает смену ролей его участников, так как в момент перевода текстов с «чужого» на «свой» язык принимающий становится передающим, а передающий переходит на прием. В отличие от традиционного представления о диалоге в межкультурном диалоге «ответ» может адресоваться как культуре, которая была его активным возбудителем, так и любой другой культуре, которая тем самым включается в процесс диалога культур. Следует отметить, что именно на рубеже XIX–XX вв. русская культура начинает вызывать интерес в Европе.

Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод, что в текстах русского символизма осуществился полный цикл межкультурного диалога, поскольку первоначальный поток европейских символистских текстов, приведший в движение определенный пласт русской культуры, сменился обратным потоком русских символистских текстов (литература и философия Серебряного века и др.), оказавших влияние на европейскую культуру.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белый А. Арабески: Книга статей. – М.: Мусагет, 1911. – 501 с.
2. Белый А. Символизм. Книга статей. – М.: Мусагет, 1910. – 334 с.
3. Блок А. А. «Без божества, без вдохновенья» (Цех акмеистов) // Блок А. А. Собрание сочинений: В 8 т. – М., Л.: ГИХЛ, 1962. – Т. 6. – С. 174–184.
4. Видеркер В. В. История и типология отечественной художественной культуры второй половины XIX века: учебное пособие. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. – 117 с.
5. Видеркер В. В. Символизм как явление культуры (на материале русской живописи рубежа XIX–XX вв.): дис. ... канд. культурологии, 24.00.01. – Новосибирск, 2006. – 165 с.
6. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. – СПб.: «Искусство–СПБ», 2002. – 768 с.
7. Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д. С. Эстетика и критика: В 2 т. – М.: Искусство; Харьков: СП «Фолио», 1994. – Т. 1. – С. 137–226.
8. Чапля Т. В. Коммуникативные стратегии в образовании // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 1. – С. 132–137.

© В. В. Видеркер, 2017

ГИБЕЛЬ СССР. ЕСТЬ ЛИ ЗАГАДКА?

Виктор Николаевич Болоцкий

Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, 630008, Россия, г. Новосибирск, ул. Ленинградская, 113, доцент кафедры истории и философии, тел. (903)902-87-30, e-mail: viknikbol@yandex.ru

В статье речь идет о причинах гибели СССР. В 2016 г. этому событию исполнилось 25 лет и это вызвало реакцию политических и государственных деятелей. Имеются также научные и публицистические работы о причинах краха Советского Союза. В статье сделан вывод, что настоящие причины этого грандиозного события не определены до сих пор. Все сводится к деятельности руководителей СССР и России, а также проискам Запада. На особенности экономики СССР, наличие в ней кризисных явлений почти никто внимания не обращает.

Ключевые слова: гибель СССР, «агенты влияния», личность, социалистическая экономика.

THE DEATH OF THE SOVIET UNION. IS THERE A MYSTERY?

Victor N. Bolotskikh

Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering, 630008, Novosibirsk, Russia, Leningradskay, 113, docent department of History and philosophy, tel. (903)902-87-30, e-mail: viknikbol@yandex.ru

In the article we are talking about the causes of the death of the SOVIET UNION. In 2016 This event celebrated 25 years and this caused the reaction of politicians and statesmen. There are also scientific and publicist works on the causes of the collapse of the Soviet Union. The article concludes that the real reasons for this grand event is not defined so far. It all boils down to the work of the leaders of the USSR and Russia, as well as the machinations of the West. On the features of the economy of the USSR, the crisis almost no one pays attention.

Key words: the death of the SOVIET UNION, «agents of influence», personality, socialist economy.

В 2016 году исполнилось 25 лет с момента исчезновения Союза Советских Социалистических Республик. Но создаётся сильное впечатление, что подавляющее большинство жителей современной России мало что помнит и знает о событиях четвертьвековой давности. И ещё меньше понимает, что же тогда произошло. Высказывания российских политических деятелей, современников распада Советского Союза сводятся к тому, что они не исключают, что развала страны можно было бы избежать при определённых условиях, очевидцы тех событий спустя 25 лет высказывают разные мнения о причинах и последствиях этого процесса, большинство сожалеет о случившемся, другие говорят об исторической предопределённости исчезновения СССР, некоторые — о временном факторе, сыгравшем «против».

Политики, на чьих глазах распалась сверхдержава, считают, что воссоздать Союз в прежнем виде нельзя, но некоторые говорят о возможности объединения бывших республик на других уровнях, при этом в качестве обязательного условия называют равноправие участников.

Ещё в послании Федеральному собранию в апреле 2005 г. В. В. Путин назвал распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века». А на встрече с руководством политических партий в Кремле 23 сентября 2016 г. Путин отметил, что все знают его отношение к развалу СССР и подчеркнул, что это было совсем необязательно делать. По словам российского лидера, можно было идти по пути преобразований, в том числе демократического характера.

Как видим, нет даже признаков желания объективно разобраться в причинах и сущности действительно «крупнейшей геополитической катастрофы века». Получается, что если бы руководство КПСС было поумнее, не так старалось следовать заветам Ленина, вовремя стало бы проводить демократические преобразования, то Советский Союз существовал бы и дальше.

В программах основных политических партий России начала XXI в. тема гибели СССР или не поднимется совсем, или освещается в упрощённом виде.

Собственно, об этом говорится только в различных версиях программы КПРФ, в которых причины краха СССР сводятся к деятельности «внутренних и внешних разрушителей», «погромщиков социализма». В программах других партий историческая часть отсутствует практически полностью, особенно в вариантах 2000-х годов [1].

Довольно широкое распространение получили разного рода «конспирологические» объяснения причин «гибели» (именно гибели и никак иначе) СССР. Типичной для представителей этого направления является книга А. П. Шевякина. Для него исчезновение СССР является загадкой, которую надо разгадать с помощью «системного подхода». Чётко выражена мысль, что кризис и гибель СССР являются результатом выполнения Западом, прежде всего США плана по его уничтожению. Этот замысел был изложен в «плане Даллеса» (составленный из отрывков романа А. С. Иванова «Вечный зов» в редакции 1981 г.) и директивах Совета национальной безопасности США в конце 1940-х гг.

Шевякин в превосходных тонах отзывается о Сталине, при котором страна достигла грандиозных успехов, а внутренние враги были почти полностью уничтожены. Но, как только он умер, откуда-то вылезли «скрытые враги». Этим «скрытым врагам», «агентам влияния», ещё до перестройки М. С. Горбачёва (также «агента влияния») в течение 1953–1985 гг. «удалось занять ключевые позиции в информационно-управляющем центре, изменить распорядительные функции в свою пользу, занять страховую сферу, перекрыть сложившиеся каналы информации и снабжения материальными ресурсами, изменить механизм управления, проконтролировать, чтобы не появилось параллельного патриотического центра, и к тому же создать свои параллельные центры» [2, с. 147].

Откуда они взялись, если Сталин почти всех уничтожил? Более того, они были в высшем руководстве уже при самом Сталине и даже смогли устранить

ближайших и верных сотрудников вождя, ослабить его охрану, арестовать в январе 1953 г. 5 человек из ближайшего окружения Сталина [2, с. 19].

Продолжать выискивать подобные нестыковки и явные ляпы можно до бесконечности. Вообще получается, что всё партийное и государственное руководство КПСС и СССР от Генерального секретаря ЦК КПСС до рядовогоomenclatureщика – это «агенты влияния», которые, сознательно или нет, выполняли тщательно разработанный в «мозговых центрах» дьявольский план всемогущего Запада во главе с США по разрушению СССР.

Какие приводятся доказательства? А никаких. Сам Шевякин откровенно пишет: «Прежде чем приступить собственно к изложению нашего исследования, мы должны остановиться на том, что речь пойдет только о моих соображениях. Не более, но и не менее. Если в применении уже описанных нами методов по отношению к системе "СССР" мы можем быть точно уверены, то в данном случае лишь выдвигается версия того, что сами излагаемые нами события, их характер были назначены, равно как был назначен и их порядок, последовательность одного за другим. А если это действительно было так, как мы излагаем, то отыскать и установить это крайне трудно, поскольку речь идет о глубоко системном применении ряда приемов, которое не то что осуществить, но и уловить-то можно только системному исследователю. А, как нами уже признавалось, над реконструкцией перестройки "системщики" еще не работали» [2, с. 117].

Конечно, о работе Шевякина можно было и не упоминать в силу её бездоказательности, умозрительности и несоответствия исторической действительности. Но высказывания политиков и государственных деятелей о причинах краха СССР недалеко ушли от умозаключений бывшего криминального журналиста. Но даже когда автор обращает внимание на экономические причины краха СССР, в конце концов, всё сводится не к внутренним закономерностям, которые привели к финалу советское общество с его экономической, социальной, политической и идеологической составляющими.

Типичным примером такого рода является труд казахстанского автора Т. А. Абдразакова. Во введении он указывает на существование нескольких точек зрения по вопросу о причинах распада СССР. Одни авторы считают, что в середине 1980-х гг. экономическое развитие общества столкнулось с определёнными трудностями, проявлявшимися в падении производительности труда, в снижении эффективности капитальных вложений, в отставании техники и технологии, в неконкурентоспособности многих видов промышленной продукции, в возникновении диспропорций в отраслевой структуре народного хозяйства. Они полагают, что социалистическое общество, построенное за годы советской власти, показало свою жизнеспособность и оказалось более стабильным, нежели капиталистическое. Им казалось, что можно было изменить ситуацию в лучшую сторону путём укрепления трудовой дисциплины, обновления основных фондов, совершенствования методов планирования и управления, не при-

бегая к коренной ломке общественной системы посредством её радикального реформирования.

Т. А. Абдразаков пишет: «Сторонники второго взгляда считают, что централизованно-плановая экономика, основанная на административно-командных методах управления не была жизнеспособной. Она преуспевала только за счет хищнической эксплуатации природных и людских ресурсов при низком жизненном уровне населения. В результате неблагоприятного демографического фактора произошло замедление прироста рабочей силы. Ориентация на наращивание производства любой ценой привела к ухудшению качества производимой продукции, истощению природных ресурсов, возникновению и обострению экономической проблемы. Непрерывный рост затрат на производство энергии, сырья сопровождался увеличением издержек, возрастанием себестоимости продукции. Так обстояло дело не только в промышленности, но и в сфере сельскохозяйственного производства.

Существовал непреодолимый разрыв между производителями и потребителями. Последние не могли оказать воздействие на сферу производства. В этой обстановке давно сложившаяся система централизованного планирования и управления оказалась недостаточно эффективной. Все это и послужило причиной развала экономики и в конечном счете распада советского общества. Существуют и другие мнения по данному вопросу. Одни считают, что советское общество не представляло собой социалистическое и потому невозможно дать оценку его жизнеспособности. Другие полагают, что экономика советской системы была малоэффективной по сравнению с рыночной. Это и явилось фактором, сыгравшим решающую роль в распаде общества».

Сам Т. А. Абдразаков стремится к объективному подходу и подчёркивает: «В действительности распад произошел под действием множества взаимосвязанных экономических, социальных, внутренних и внешнеполитических факторов. При этом выделяется роль личностного фактора, сыгравшего немаловажную роль в распаде советского общества» [3, с. 3-5].

Первая глава посвящена прогрессу в общественном развитии в условиях советского общества. Оценки исключительно положительные. Во второй главе речь идёт о причинах распада советского общества: слабая мотивация труда и производства, отсутствие научно обоснованного учёта затрат, техническое отставание, снижение эффективности планирования организации и управления общественным производством, нерешённость проблемы повышения благосостояния (в первой главе, по мнению автора, с этим проблем не было), разрыв между производством и потреблением, суженная основа свободы и демократии, нарушение декларируемых принципов национальной политики, затратный характер внешней политики государства, враждебные акции США, стран НАТО, направленные на дестабилизацию советского общества.

Нет необходимости разбирать слабые места работы. Во многом положения первой главы противоречат материалу второй. Только один пример. На странице 19 утверждается, что почти все колхозы были рентабельными. А на странице

120 написано, что одной из причин развала сельскохозяйственного производства было отсутствие паритета цен: «в период до перестройки колхозы и совхозы не возмещали свои затраты на производство продукции в условиях отсутствия эквивалентности в обмене. Цены на продукцию сельских товаропроизводителей были значительно ниже цен на продукцию промышленности, используемой на селе. В перестроечный период этот разрыв еще более увеличился».

Во второй главе Т. А. Абдразаков ближе к истине, но дело в том, что он объясняет появление недостатков советской экономической системы не с помощью анализа самой этой системы, не выявляет сущностных её слабостей, а сводит всё к пресловутому «личностному» фактору. Он посвящает целый параграф рассмотрению личных качеств советских лидеров и рисует неутешительную картину. Достойным своего положения лидера страны оказывается только Сталин. Ему прощается всё, в том числе политика принудительного перевода казахов на оседлый образ жизни, насильственная коллективизация, которые привели к сокращению численности казахов в два раза. Это списывается на произвол местных руководителей, обманывавших Сталина [3, с. 76-77].

Остальные – Н. С. Хрущёв, Л. И. Брежнев, Ю. А. Андропов, К. У. Черненко и М. С. Горбачёв – были некомпетентны, слабы и привели экономику, а вслед за ней страну к развалу [3, с. 73-91].

Причины развала советского общества, таким образом, с точки зрения Т. А. Абдразакова лежат не в самой «социалистической» системе, идеях равенства и справедливости по-коммунистически, а в ошибках, недостатках руководства страной. Среди других авторов, высказывавшихся по этой теме, никто всерьёз не говорит об экономических причинах «крупнейшей геополитической катастрофы века». А если кто и обращает внимание на экономику, то сводит всё к финансовой и экономической войне злобного Запада во главе с США против СССР. Тот же А. П. Шевякин говорит об использовании экспорта нефти и импорта высоких технологий для ослабления и разрушения СССР [2, с. 169-181].

Но возникает вопрос: а почему великий и могучий Советский Союз так критически зависел от импорта высоких технологий, предметов потребления и продовольствия? В этом случае нельзя сваливать вину на подрывную работу «агентов влияния», целенаправленно ведших СССР к гибели после смерти Сталина. Ведь и при жизни Сталина импорт и не только высоких технологий, а любых, носил грандиозные масштабы. Общим у всех авторов, чьи высказывания здесь приводились, является абсолютное отсутствие даже следов марксизма, который так упорно насаждался в умах советских людей десятками лет.

Любой человек, хотя бы мало-мальски знакомый с идеями Маркса, Энгельса, Ленина о материальном производстве как базисе общества, на котором зиждется социально-политическая надстройка, должен первым делом обратить внимание на характер экономических процессов в советский период. Но все упоминания об экономике сводятся к подчёркиванию великих достижений и наличию отдельных недостатков как результата слабости лидеров (кроме Сталина) и деятельности внутренних и внешних врагов.

На XXVII съезде КПСС в 1986 г. М. С. Горбачёв объявил, что за 25 лет после принятия III Программы КПСС, основные производственные фонды народного хозяйства выросли в 7 раз, национальный доход увеличился в 4 раза, промышленное производство в 5 раз, сельскохозяйственное – в 1,7 раза, реальные доходы на душу населения в 2,5 раза, общественные фонды потребления в 5 с лишним раз [4, с. 43].

Если основные производственные фонды росли почти в два раза быстрее национального дохода, то это означает снижение эффективности общественного производства почти в два раза, т.е. станков становилось всё больше, а продукции от них получали всё меньше. Именно здесь надо искать причины гибели СССР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болоцких В. Н. Есть ли политические партии в России? Анализ партийных программ : монография. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2014. – 208 с.
2. Шевякин А. П. Загадка гибели СССР. (История заговоров и предательств. 1945-1991). – М.: Вече, 2003. – 464 с.
3. Абдразаков Т. А. Распад советского общества: причины и последствия. – Караганда: Изд-во КарГУ, 1999. – 158 с.
4. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Горбачева М.С. // XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т.1. – М.: Политиздат, 1986. – 654 с.

© В. Н. Болоцких, 2017

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ОККУПАЦИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ И ЭВАКУАЦИЯ В СИБИРЬ

Александр Алексеевич Алексеев

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, кандидат исторических наук, доцент, тел. (903)906-66-94

В статье излагаются вопросы подготовленной к изданию рукописи монографии автора. Сущность проблемы «социальная история Великой Отечественной войны»; героический подвиг Ленинграда; анатомия преступности оккупации территорий СССР, Северо-Запада России; проблема эвакуации на Восток, в Сибирь – как фактор подготовки перелома в войне; проблема «дети и война»; эвакуация, спасение детей; другие социально-экономические особенности в Сибири военного времени; особенности начала социально-экономического восстановления на освобожденной Ленинградской, Новгородской, Псковской земле.

Ключевые слова: война, Ленинград, оккупация, эвакуация, дети, восстановление.

SOCIAL HISTORY OF GREAT PATRIOTIC WAR. OCCUPATION OF NORTH-WEST OF RUSSIA AND EVACUATION TO SIBERIA

Alexander A. Alexeyev

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 630108, Russia, Novosibirsk, 10 Plakhotnogo St., Ph. D., Assoc. Prof., Department of Legal and Social Sciences, tel. (903)906-66-94

The issues of the author's monograph prepared for publication are presented. The range of problems includes the following: social history of the Great Patriotic war; heroic deed of Leningrad; the USSR north-west territory occupation: anatomy of the crime; problem of evacuation to the East, to Siberia as a factor of preparation for the war turning point; "children and war" problem; evacuation; saving the children; other social and economic features of war-time Siberia; features of the beginning of social and economic restoration on the liberated territories of Leningrad, Novgorod and Pskov regions.

Key words: war, Leningrad, occupation, evacuation, children, restoration.

Что главное, «сама суть» в социальной истории войны? Душевное состояние Человека, состояние духа (внутренней моральной силы) народа. От состояния духа всё зависит – и подвиги народные, и падения.

Мировые силы агрессии, германский фашизм осуществили очередную в истории попытку завоевания природных ресурсов, сокрушения духа великого народа Руси, России, СССР. Ленинград, неожиданно для агрессора, оказался непреодолимым, разрушившим стратегический план, препятствием. Город не сдался. Население, в неведомых истории трудностях, участвовало с войсками Красной Армии в защите города, в партизанской борьбе на оккупированной территории Ленинградской области. Жертвенный подвиг Ленинграда, Ленинградское народное ополчение, – это не значит буквально – ленинградцы решили пожертвовать собою для спасения страны. Имя народным подвигам даёт народ,

история. Это значит такой оказалась роль Ленинграда в Великой Отечественной войне, в истории страны, Мира.

Эвакуация на Восток, в Западную Сибирь обуславливалась объективными и субъективными причинами. Руководством страны была правильно понята совокупность обстоятельств. Это верно понял уже в начале войны Франц Гальдер, начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта: «... колосс России... был нами недооценён». Русские, отмечал Гальдер, ещё выигрывают потому, что «они сидят на своих базах, а мы от своих всё больше отдаляемся». Эта запись в его дневнике была сделана 8 августа 1941г. – в период упорного сопротивления советских войск и ленинградцев продвигавшимся к Ленинграду армиям группы «Север». Гальдер по существу верно характеризовал военно-экономические, организационные преимущества Советского Союза, стратегический просчёт руководства вермахта и предсказал неизбежность победы СССР.

В Западной Сибири чрезвычайным образом были организованы приём, социально-экономическое устройство эвакуированного населения, в численности многократно превышающем первоначальные планы. Особое внимание уделялось эвакуированным из Ленинграда. В условиях дефицита товарно-продовольственных фондов в течение всего периода войны, в Западной и Восточной Сибири было спасено около 1 млн. 300 тыс. эвакуированного населения, в том числе детей. Размещением здесь эвакуированных предприятий, научно-учебных организаций, с эвакуированным и местным населением, был умножен технико-экономический потенциал. Перебазирование военной и гражданской промышленности в восточные районы страны обусловило резкое увеличение производства для фронта.

Значение эвакуации в Сибирь ценностей духовной культуры не только в их спасении, хотя это – главное. Только сильное духом народа государство могло озаботиться этой проблемой в чрезвычайных условиях фронта, захвата врагом западных территорий, организации перебазирования на Восток населения, военно-промышленного потенциала. Искусство – зеркало страны, народа (С.Рерих), величия духа народа. Сибирь обеспечила условия для творческой деятельности учреждений духовной культуры и сама обогатилась ею.

Значимость проблемы «дети и война» в мировом общественном сознании остаётся недооценённой. Иначе – не было бы войн. Политики и правительства, и философы говорят: никакие вооружённые конфликты не стоят жизни детей, даже жизни одного ребёнка. Они либо лицемерят, либо не понимают, что говорят. Ведут войны, лишаются жизни самые безвинные и беззащитные члены человеческого общества, его будущее. Варварским по отношению к детям на оккупированных территориях был германский фашизм, его оккупационная политика. Решалась главная задача: лишение потенциала нации в СССР. Сибирь приняла, обустроила, окружила заботой и вниманием эвакуированных детей.

Составляющие анатомию преступной оккупации были: приказ Кейтеля «Об особой подсудности в районе Барбаросса»; массовое уничтожение населения и военнопленных; принудительное привлечение населения к работам, в том

числе военного характера; вывоз (угон) населения в Германию; разграбление экономики, ценностей духовной культуры, имущества населения; применение политики и тактики «выжженной земли». Нюрнбергскими процессами, Гаагской 1907г. и Женевской 1929г. Конвенциями они были признаны нарушением законов и обычаев войны и норм обычного международного права. Это был урок мировой истории. Солдаты вермахта были самыми массовыми и не бессознательными соучастниками преступной оккупации, преступлений на оккупированных территориях. В причинности сознательности / несознательности солдат вермахта в преступной оккупации территорий СССР в общественном сознании преобладает фактор их социально-политического положения в Германии. Этот фактор остаётся преувеличенным.

Начало социально-экономического восстановления освобождённых районов Ленинградской, Новгородской, Псковской областей – период с 1942г. до конца войны. В этом периоде имелось три этапа. Первый – с 1942г. до конца января 1944г., снятия блокады Ленинграда. Второй – с февраля 1944г. до июня 1944г., освобождения большей части территории Ленинградской области. Третий – с июня, августа 1944г. – до мая 1945г, с образованием Новгородской и Псковской областей. На этих этапах решались различные задачи начала социально-экономического возрождения: восстановление органов советской власти, колхозов, жилищного строительства, школьного образования, здравоохранения, промышленности, транспорта, помощь Красной Армии, очищение территорий от мин, боеприпасов, меры по улучшению демографической ситуации, подготовки кадров. Освобождённым районам поступала помощь из тыловых областей и республик СССР, особое внимание уделялось государством. Особенности начального («партизанского») периода восстановления районов, подготовки основных организаторских кадров являются уникальными факторами социальной истории Великой Отечественной войны.

Необходимо отметить другие социально-экономические особенности в Сибири военного времени. Кроме эвакуации, в Сибирь было перемещено около 400 тыс. немцев из Поволжья и других районов страны, здесь было расселено около 100 тыс. калмыков и других «репрессированных» народов. В то же время численность колхозного и трудоспособного населения в сибирской деревне сократилась в большей мере, чем в среднем по стране (в Сибири колхозное население – на 23%, по стране – на 18%). В 1943 – 1944гг. ряд районов Сибири был поражён голодом.

Какую же силу духа, уверенности в Победе имели народ, Государство, если в условиях тяжелейшей войны не только было организовано спасение ценностей духовной культуры, но и шло строительство крупнейшего на востоке страны Храма культуры, искусства – оперного театра в Новосибирске?! Летом 1942г. СНК СССР постановил выделить 1 млн. рублей на завершение строительства театра. В 1945г. завершено строительство. Строили советские инженеры, техники, рабочие. Без строительной техники – с лопатами, тачками, лошадьми с телегами и дровнями. «Колизей». Равного по архитектурному вели-

чию нет в Мире. «Ковчег», сохранивший (спасший) в своих стенах, закромах сокровища национальной художественной культуры. Это – и уникальный феномен социальной истории войны.

Слово «подвиг» в словарях и исторической литературе употребляется в значении героического, самоотверженного поступка. Сужается его значение. «Подвиг» – от старославянского «двигать» – движение вверх, вперёд, совершение и соби́рание хороших дел. Проявление силы духа Человека, народа. В таком значении уместно употребление этого понятия в социальной истории Великой Отечественной войны, об оккупации северо-запада России и эвакуации в Сибирь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ильин И. А. О русской идее // Русский индивидуализм. Сб. работ русских философов XIX–XX веков. – М.: Алгоритм, 2007 – С. 229.
2. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов в семи томах. – Т. 1. – М.: Гос. изд-во юридич. литературы, 1957. – С. 79–81.
3. Гальдер Ф. Военный дневник (июнь 1941–сентябрь 1942). – М.: Астрель, 2012. – С. 290.
4. Гуцин Н. Я. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны: некоторые проблемы изучения // Гуманитарные науки в Сибири. – № 1. – 1995. – С. 7–8.
5. ГАНУ, ф. 4, оп. 6, д. 3, л. 339 – 341.
6. ГАНИПО, ф. 821, оп. 2, д. 104, л. 23.

© А. А. Алексеев, 2017

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПУБЛИЦИСТИКЕ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ (1903–1917 гг.)

Анаит Суреновна Акопянц

Сибирский государственный университет путей сообщения, 630049, Россия, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, 191, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и политологии, тел. (383)328-05-15, e-mail: anaitak@mail.ru

Статья посвящена недостаточно изученному аспекту внутривнутрипартийной борьбы в российской социал-демократической партии – дискуссии о содержании и значении программных требований по национальному вопросу, получившей отражение в публицистике. Анализ взглядов социал-демократов по этим вопросам свидетельствует, что, несмотря на различия, признание программного требования права наций на самоопределение не подвергалось сомнению.

Ключевые слова: социал-демократы, национальный вопрос, право наций на самоопределение, культурно-национальная автономия.

NATIONAL QUESTION IN THE JOURNALIST OF RUSSIAN SOCIAL-DEMOCRACY (1903–1917)

Anait S. Akopyants

Siberian State Transport University, 630049, Russia, Novosibirsk, 191 D. Kovalchuk St., D. Sc., Prof. of department of history and political science, tel. (383)328-05-15, e-mail: anaitak@mail.ru

The article is devoted to the important aspect of party struggle in the Russian social-democratic party – discussion about the contents and the meaning of program requirements about the national question, which was expressed in the Party journalism. The analysis of social-democrats views makes it possible to conclude that in spite of various views the acknowledgement of right of nations on self-determination was not subjected to doubt.

Key words: social-democracy, national question, right of nations on self-determination, cultured-national autonomy.

Национальному вопросу российские социал-демократы уделяли особое внимание. В Программе партии, принятой на II съезде РСДРП в 1903 г., ближайшая политическая задача определялась как низвержение самодержавия и замена его демократической республикой, конституция которой обеспечивала бы, наряду с другими требованиями: равноправие всех граждан независимо от национальности (п. 7); право получать образование на родном языке, объясняться на родном языке; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях (п. 8); право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства (п. 9) [1, с. 421].

В мировом социалистическом движении право народов на самоопределение было впервые сформулировано на Лондонском конгрессе II Интернационала в 1896 г. Оно вошло в программы как западноевропейских, так и российских

социалистических партий (это требование было включено и в программу эсеров). Кадеты, а также национально-социалистические партии поддерживали требование культурно-национальной автономии. В 1912 г. на Августовской конференции в Вене требование культурно-национальной для национальных меньшинств, не имеющих компактной территории, признала «не идущим вразрез» [6, с. 38] с партийной Программой и часть социал-демократов (ликвидаторы). Это послужило началом дискуссии по национальному вопросу, которая нашла отражение в социал-демократической публицистике 1912 – 1914 гг. Поскольку Программа РСДРП лишь констатировала признание прав «родного языка» и «права на самоопределение», то в ходе дискуссии получили развитие некоторые важные, недостаточно изученные аспекты отношения социал-демократов к этим требованиям и к национальному вопросу в целом.

Большое место вопросы сущности требования права наций на самоопределение, тех форм его осуществления, которые партия считала нужным отстаивать в данной исторической обстановке с точки зрения интересов рабочего класса, заняли в работах В. И. Ленина: «Тезисы по национальному вопросу», «Критические заметки по национальному вопросу», «К истории национальной программы в Австрии и в России», «О национальной программе РСДРП», «О праве наций на самоопределение», «Социалистическая революция и право наций на самоопределение», «Итоги дискуссии о самоопределении» и др. Решение Августовской конференции В. И. Ленин считал попыткой «ревизии» программного требования права наций на самоопределение. Отказ от данного пункта, «какими бы мотивами его не обставляли, на деле означает «постыдную» уступку великорусскому национализму» [8, с. 308.]. Обосновывая содержание требования права наций на самоопределение, В.И. Ленин в то же время подчеркивал, что отношение к нему подчинено, прежде всего, тактическим соображениям. Он отмечал, что на II съезде партии, принявшим Программу РСДРП, «не было двух мнений по вопросу о том, что самоопределение значит «лишь» право на отделение» [8, с. 311.]. В нем он видел не поддержку отделения наций и образования небольших самостоятельных государств, а лишь последовательное выражение борьбы против всякого национального гнета. В. И. Ленин считал бесспорным «прогрессивное значение централизма, больших государств, единого языка». В 1903 г. он писал, что «безусловное признание борьбы за свободу самоопределения вовсе не обязывает нас поддерживать всякое требование национального самоопределения»; активная поддержка его возможна «лишь в отдельных, исключительных случаях» [7, с. 233]. В 1913 г. эта мысль была выражена еще более определенно: «Отделение вовсе не наш план. Отделения мы вовсе не проповедуем. В общем, мы против отделения. Но мы стоим за право на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма...» [9, с. 235].

Дискуссия по национальному вопросу в социал-демократической партии, развернувшаяся в печати, приняла характер дилеммы: право наций на самоопределение либо культурно-национальная автономия. Социал-демократы-большевики высказались против культурно-национальной автономии. И.В. Сталин в статье «Национальный вопрос и социал-демократия» (1912-1913)

писал, что «непригодная вообще, культурно-национальная автономия является еще бессмысленной и вздорной с точки зрения кавказских условий» [14, с. 349]. Он считал, что предоставление культурно-национальной автономии целому ряду народностей Кавказа означало бы сохранение обособления и отсталости и задерживало их развитие. Социал-демократия обязана была, по его мнению, «повлиять на волю наций так, чтобы нации устроились в форме, наиболее соответствующей интересам пролетариата» [14, с. 356].

Обоснование требований РСДРП по национальному вопросу содержалось и в работах С. Г. Шаумяна: «Национальный вопрос и социал-демократия», «О национально-культурной автономии» и др. С. Г. Шаумян писал, что право наций на самоопределение «может применяться в редких случаях» [15, с. 153], и зависит от политической целесообразности [15, с. 156]. Он допускал целесообразность отделения ввиду экономических интересов какой-либо нации, а также тогда, когда создаются «такие психологические условия, что общая жизнь делается невозможной» [15, с. 155]. Конституция должна обеспечить право на самоопределение: «запретить центральной власти прибегать к помощи оружия, «завоевать» и насильственно подчинять себе ту или иную нацию» [15, с. 153]. Вопрос каждой отдельной нации следует рассматривать отдельно, в его специфическом и конкретном историческом выражении, а не «вообще», независимо от условий времени и места [16, с. 421-422]. В этой связи не исключалась возможность требования не только отделения или федерации, но и автономии [15, с. 155, 161; 16, с. 424].

Анализ работ по национальному вопросу В. И. Ленина, С. С. Шаумяна, И.В. Сталина и др. показывает, что решение национального вопроса связывалось ими с демократизацией политического строя в стране. В соответствии с марксистской теорией они придерживались тезиса о подчиненности национального вопроса, рассматривали его исходя из приоритета классового подхода. Большевики были сторонниками политической централизации России, считая ее необходимой с точки зрения интересов пролетариата. Лозунг самоопределения имел для них скорее тактическое значение. Признание его не было безусловным; они не поддержали идею культурно-национальной автономии, задачей которой было сохранение и развитие национальных особенностей народов. Отрицая понятие внеклассовой, национальной культуры, они не придавали должного значения вопросам сохранения и развития языка и культуры национальных меньшинств, расценивая любые попытки национального обособления как искусственную консервацию отживших или реакционных явлений.

В публицистике меньшевиков-ликвидаторов, посвященной национальному вопросу, толкование п. 9 Программы РСДРП в духе культурно-национальной автономии, напротив, нашло широкую поддержку. С. Ю. Семковский, например, в статьях «Национальный вопрос в России», «Национальный вопрос и социал-демократия», «Упрощенный марксизм в национальном вопросе» и др. выступил с обоснованием необходимости этого требования. Он писал, что требование культурно-национальной автономии только «упрощенные марксисты» могут объявлять «изменой» принципам социал-демократии, что оно не противоречит Программе [13]. Аналогичная точка зрения была высказана и К. Залев-

ским. В статье «Национальный вопрос в России» он заявил, что не согласен с большевиками в понимании ряда аспектов национальной программы. Признавая право наций на самоопределение в качестве общего принципа, К. Залевский считал, что именно требование культурно-национальной автономии являлось «радикальным средством разрешения национального вопроса» [5, с. 16]. Меншевик Н. Жордания в работе «Национальный вопрос» подчеркивал, что национальный вопрос есть «вопрос развития национальной культуры», создания таких политических условий, при которых каждая нация имела бы возможность приобщиться к европейской культуре [4, с. 29]. С этой точки зрения, по утверждению меньшевистских авторов, именно большевики искажали истинный смысл национальной программы РСДРП, не придавая должного значения вопросам национальной культуры и языка. В то же время для меньшевиков-ликвидаторов была характерна недооценка программного требования права наций на самоопределение, что, как отмечалось выше, являлось предметом критики со стороны большевистских публицистов.

После Февральской революции, с мая 1917 г. меньшевики вместе с эсерами входили во Временное правительство. Они резко разошлись с большевиками в оценке революции, ее дальнейших задач. Что касается национального вопроса, то Всероссийская конференция меньшевистских организаций РСДРП (май 1917 г.) пришла к заключению о неподготовленности к тому, чтобы дать ответ в области национальных отношений. Участники конференции ссылались на то, что ни на предыдущих съездах и конференциях партии, ни в партийной литературе и прессе национальный вопрос почти совершенно не разрабатывался. Пункт же о праве наций на самоопределение был «слишком формален» чтобы на его основе делать конкретные построения. Поэтому было поручено детально разработать национальную программу партии (что так и не было сделано).

В тактической резолюции конференции декларировалась широкая политическая автономия, необходимость гарантий культурного развития национальных меньшинств (2, с. 52-58). В проекте Избирательной платформы к выборам в Учредительное собрание (июль 1917 г.) подчеркивалась необходимость отстаивать «целость, неделимость и единство» России [11, с. 2]. В резолюции по национальному вопросу, принятой на Объединительном съезде РСДРП (август 1917 г.) указывалось на важность сплочения пролетариата всех национальностей. Отстаивая принцип культурно-национальной автономии (при сохранении прочного общегосударственного единства), меньшевики не отказывались «от признания за всеми нациями права на полное самоопределение» [12, с. 4]. Однако в конкретном случае – вопросе об отделении Финляндии, который обсуждался в социал-демократической печати в апреле 1917 г., – меньшевики заняли более осторожную позицию. Они считали, что его решение следует отложить до созыва Учредительного собрания, мотивируя это тем, что «задача благоустройства отдельных частей России должна отойти на второй план перед общей задачей укрепления нового строя во всей стране» [10, с. 2].

Победившая 25-26 октября 1917 г. советская власть уже 2(15) ноября приняла Декларацию прав народов России, в которой провозглашались следующие принципы: 1) равенство и суверенность народов России; 2) право народов Рос-

сии на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 3) отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России [3, с. 40]. Право наций на самоопределение сформулировано здесь не как общий принцип, а конкретизировано применительно к народам России.

Анализ социал-демократической публицистики показывает, что признание обеими фракциями партии программного требования права наций на самоопределение как общего принципа не подвергалось сомнению. Он было воплощено в жизнь правительством большевиков и привело к созданию самостоятельных государств. Но уже через несколько лет возобладал прагматический подход к решению национального вопроса, что привело к созданию нового федеративного государства. Культурно-национальная автономия, которую поддержали социал-демократы-меньшевики, нашла широкое применение во многих странах. Как показывает сегодняшний опыт, она является неотъемлемым признаком демократического государства. В РФ право на культурно-национальную автономию закреплено законодательно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Второй съезд РСДРП. Июль-август 1903 года. Протоколы. – М.: Госполитиздат, 1959. – 850 с.
2. Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП. – Пг., 1917.
3. Декреты советской власти. В 2 т. Т. 1. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. – С. 39–41.
4. Жордания Н. Национальный вопрос // Борьба. – 1914. – № 3.
5. Залевский К. Национальный вопрос в России // Наша Заря. – 1914. – № 5.
6. Извещение о конференции организаций РСДРП. (Изд. Орг. Комитета). – Б.м., 1912.
7. Ленин В. И. Национальный вопрос в нашей программе // Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 7. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. – С. 233–242.
8. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 25. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. – С. 255–320.
9. Ленин В. И. С. Г. Шаумяну. 6 дек. 1913 г. // Полн. собр. соч. в 55 т. – Т. 48. Письма ноябрь 1910 – июль 1914. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1964. – С. 233–236.
10. Рабочая Газета. – 1917. – 28 апреля.
11. Рабочая Газета. – 1917. – 29 июля.
12. Рабочая Газета. – 1917. – 31 августа.
13. Семковский С. Национальный вопрос в России // Наша Заря. – 1914. – № 5.
14. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. В 13 т. – Т. 2. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1946. – С. 290–367.
15. Шаумян С. Г. Национальный вопрос и социал-демократия // Шаумян С. Г. Избранные произведения. В 2 т. – Т. 1. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1978. – С. 138–164.
16. Шаумян С. Г. О национально-культурной автономии // Там же. – С. 418–458.

© А. С. Акопянц, 2017

ЛОКУС «СИБИРЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВА

Елена Евгеньевна Тихомирова

Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, 28, кандидат культурологии, доцент, зав. кафедрой теории, истории культуры и музеологии, тел. (383)244-12-92, e-mail: imktikhomirova@mail.ru

Статья посвящена изучению смыслового наполнения локуса «Сибирь» в творчестве сибирского писателя Г. Д. Гребенщикова. Используя аксиологический и системный методы, автор выявляет векторы осмысления и освоения Сибири в текстах писателя. Осмысление локуса «Сибирь» связано с авторскими модификациями культурных универсалий *дом, путь, срединность*. Они получают не только дополнительные пространственные коннотации, но и приращивают этические смыслы.

Ключевые слова: деятельность, культурная универсалия, культура, субъект, объект, действие.

LOCUS «SIBERIA» IN G. D. GREBENSHCHIKOV'S CREATIVITY

Elena E. Tikhomirova

Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, 630126, Russia, Novosibirsk, 28 Vilyuyskaya St., Ph. D., Associate Professor, Head of the Department of the Theory, Cultural History and Museology, tel. (383)244-12-92, e-mail: imktikhomirova@mail.ru

The article is devoted to the study of the meaning of locus "Siberia" in the works of the Siberian writer G. D. Grebenshchikov. Using axiological and systemic methods, the author reveals the vectors of understanding and exploration of Siberia in the texts of the writer. Understanding the locus of "Siberia" is associated with the author's modifications of cultural universals house, the path, the median. They get not only additional spatial connotations, but also gain ethical meaning.

Key words: action, activity, cultural universal, culture, subject, object.

Аналитика локуса «Сибирь» находится на острие исследования различных гуманитарных наук, к ней обращаются специалисты разных гуманитарных наук: Литературоведы (К. В. Анисимов, В. И. Тюпа, Е. Н. Эртнер и др.) и историки (Н. А. Землякова, А. В. Ремнев, Н. Н. Родигина, А. В. Юдельсон и др.). Филологи, изучая литературные источники от летописных сводов до современной сибирской прозы, подчеркивают ее лиминальность, связывают с провинциальным текстом, выявляют приращение этических коннотаций. Сначала литераторы, прибывавшие в Сибирь из центральных регионов, создают миф о Сибири как о богатой земле, напоминающей рай можно вспомнить легенды о Беловодии, Мангазее. Позднее, когда Сибирь становится местом ссылки, она представляется «гиблом месте», местом смерти и каторги [6]. С точки зрения жителя Сибири, колониальная политика России по отношению к региону мешает ей выбрать свой, особый путь. Областники выстраивают противопоставление Сибири центру, колонии метрополии, столицы и провинции. А. В. Ремнев вы-

членил специфику властных представлений о Сибири и доказал их влияние на правительственную политику в Сибири [3]. Н. Н. Родигина проанализировала представления о регионе у русской интеллигенции на основе изучения «толстых» журналов, формирующих общественное мнение в эпоху после реформ 1860-х годов. Она показала, что существовало два образа Сибири, внешний – столичный и внутренний, репрезентовавшийся собственно провинциальной элитой [4]. Представления о Сибири представленные религиозными периодическими изданиями рассматривает Н. А. Землякова. Она отмечает, что местные издания выгодно представляли регион, отражая взгляды официальной православной церкви [2].

Весьма показательными могут стать размышления о Сибири, представленные в творчестве Георгия Дмитриевича Гребенщикова (1882-1964), очень значительного писателя-сибиряка, культурного деятеля XX столетия. Вся его жизнь была посвящена культуросозиданию и его творчество, по сути создало новый миф о Сибири как новом центре, ядре, а не о периферии всего культурного процесса.

Вся его жизнь и культуротворчество связано с Сибирью. Сын сибирского горнорабочего из Томской губернии, повторил судьбу М. В. Ломоносова. Он прошел нелёгкий путь от простого крестьянского мальчишки без среднего образования до номинации на Нобелевскую премию в 1933 году, от которой он отказался в пользу И. А. Бунина. Родился писатель в Барнауле, был журналистом, редактором множества сибирских газет и журналов в Усть-Каменогорске, Омске, Барнауле Томске. После путешествия в Москву и Санкт-Петербург, встретившись с Л. Н. Толстым и после одобрения его литературных опытов классиками, он возвращается в Сибирь, чтобы в своем творчестве соединить внешнюю и внутреннюю систему координат: взгляды на локальный культурный и литературный текст извне и изнутри. В 1914 году в Петербурге в качестве редактора, он выпускает «Алтайский Альманах». В начале сборника размещается этнографический очерк «Алтайская Русь», который проиллюстрировал по просьбе Гребенщикова алтайский художник Чорос Гуркин (1870-1937). Знакомство, дружба и переписка писателя с идеологами сибирского областничества Г. Н. Потаниным и П. М. Ядринцевым, несомненно, приводит Гребенщикова к мысли о срединности культуры Сибири. Писатель, следуя за Г. Н. Потаниным, выявляя особенность Сибири как особого культурного пространства не только в Российской империи, но и в целом в мире, он рассматривает ее культуру как целостное, системное поле смыслов. В своих литературных произведениях – романе-реке «Чураевы», повестях «Хан-Алтай», «Ханство Батырбека», «Гонец. Письма с Помперага» и других – он демонстрирует творческое преломление знания сибирских текстов. В след за областниками он создает целостный конструкт сибирского историко-литературного процесса в Сибири, устанавливает временные и пространственные связи в развитии региональной словесности. Представление об особом типе сибирской культуры формируется еще и на основании факта самого его рождения. Он, считая себя евразийцем, потомком кочевника-калмыка, а фамилию возводя к русскому сло-

ву *гребень*, не раз подчеркивал это в автобиографии [1, с. 7]. Сибирь, которая изначально представляла собой периферию империи будущего, в новом культурном пространстве переместиться в ядро политических, экономических, технологических процессов, стать центром, серединой культурного пространства нового мира. В воспоминаниях «Моя Сибирь» и «Письмах с Помперага», которые были написаны в Америке, Г. Гребенщиков сравнивает Сибирь и Америку как мыслимые концепты и сконструированные пространства. Он отмечает, что европейская часть России идейно вестернизировалась, практически отказалась от национальной миссии Всеединства, русской идеи, идеи хранительницы святости, и эта культурная должна быть выполнена Сибирью. На этом этапе развития исторического процесса он формулирует по-своему евразийскую идею: под натиском западной цивилизации неевропейские народы подвергаются аккультурации, теряют самобытность, загоняются в экологический тупик. Поэтому сибиряки как новый складывающийся субэтнос не должны следовать чужим стандартам. В связи с тем, что центр явно перемещается в Сибирь, то для Сибири эффективным может стать японский путь развития: поддержка и укрепление национальных традиций и активное применение западных принципов экономики и западных технологий. Предполагается, что это только потенциальный, идеальный вариант, для его материализации которого необходимы духовная сила, пассионарность народа и новые государственные структуры, что, однако, не должно привести к ломке системы и деформации традиционных ценностей и отказа от российского наследия. Так кристаллизуется мысль не только о создании срединного государства (как, например, китайского), но и возвращении срединной медиальной культуры, не допускающей раскола. Идея срединного пути, связана с созидательным последовательным трудом, преодолением с его помощью протяженности пространства и вечного вращения времени, преодолением экзистенциальной конечности человека. Эта идея последовательно проводится и в концепции культуры Г. Д. Гребенщикова.

Становление срединной культуры связано с появлением новых культурных смыслов, снимающих напряжение бинарной оппозиции, и с приращением новых смыслов через творческое перевоссоздание содержания культуры. В такой ситуации проницаемость границы, освоение иного опыта, его присвоение дает возможность одним и тем же центрам быть одновременно и хранителями традиции действующими, и принимающими иные смыслы. Одни и те же пространства могут быть центрами и периферией. «Идея срединности культуры Сибири объединяет регионалистские и глобалистские тенденции. Выстраивается и представление об особом типе человека – сибиряке», черты характера формируются под мощным влиянием русского национального самосознания, которое на фоне природно-географического детерминизма включает идеи мессианские идеи [5, с. 148].

В 1918 г. писатель уезжает из России и, по настоянию Н. Рериха, обосновывается в США, штате Коннектикут. Он мечтает о городе-саде. По образцу Чураевки из своего знаменитого романа, по образцу скитов старообрядцев на Алтае он создает русский поселок. Чураевка должна была стать домом новой

культуры, она соединяла через Сибирь Россию и Америку. Просветительская и культуротворческая деятельность издательства «Аталас» (Белый камень), которое вдохновлял Г. Д. Гребенщиков, соединило русских эмигрантов. Основное направление деятельности издательства было познакомить с культурой России, рассказать о ней внятными и понятными языком в Берлине, Харбине, Тяньцзине. Дом-издательство помогало строить новый дом на земле, осваивать новое культурное пространство и рассказывать о доме небесном. Устройство дома для поселенцев в США становится целью жизни. Г. Д. Гребенщиков показывает, что в Сибири для первых переселенцев тоже самым трудным сначала было именно отсутствие дома, своего пространства, а уже потом, отсутствие скота и хлеба. Со временем, когда поселенцы преодолевают свою собственную природу, работают, трудятся, Сибирь становится для них *своим* миром, земным раем, скал-легендарным Беловодьем, в полном смысле настоящим, любимым и лелеемым домом. Писатель подробно описывает расширение русских территорий на Алтае и в Сибири. В XVIII в. территория, присоединенная к России Екатериной II, была занята деревушками с количеством домов от двух до семи. В начале XIX в. сеть деревень расширилась до маленького вольного государства: «*Все эти ясаиные деревни состоят преимущественно из густо населенных деревянных домов древнерусской архитектуры. Там широкие божницы с множеством старинных икон, и в этих горницах уединяются для молитвы старики*» [1, с. 27]. Писатель делает очевидным тернистый путь русских и, особенно, православия на восток

В программных текстах Г. Д. Гребенщикова «Гонец. Письма с Помпеярага» и «Моя Сибирь» со всей полнотой смыслов представлен русский концепт *путь*. Он отражает, как постепенно преодолевается и осваивается географическое и культурное пространство России, Сибири, Алтая, расширяется личное культурное пространство, и личность возрастает к вершинам нравственного поведения. Концепт *путь*, непосредственно связанный с преодолением пространства, освоением Сибири, задает духовно-нравственную доминанту этого движения. Человеку необходимо выбрать координаты своего движения в реальном пространстве, постараться не нарушить культурные границы, нравственные запреты. Представление о христианском жизненном пути, как пути крестном, играет важную роль в репрезентации страдания, посредством которого достигается вечное спасение – главная цель каждого христианина. Это особенно заметно в рассказе о духовных метаморфозах переселенцев в историко-этнографическом очерке «Алтайская Русь».

В пути, в дороге находятся оседлые и кочевые народы, ссыльные переселенцы, казаки, миссионеры, старообрядцы, и посланник добра и света – Гонец, к которому автор обращается с напутственным словом. «В целом человек представляется как вечно ищущий нового, более светлого и счастливого, гармоничного существования. Он показывает примеры жизненного пути исторических личностей, готовых всю жизнь в дороге не вследствие кочевого образа жизни, а вследствие готовности к пожизненному движению в пространстве» [5, с. 144]. Дорога, путь в текстах представлена конкретными реалиями, такими же про-

странными как сама Евразии. Эти реалии исторически существовали и до сих пор существуют. Это движение на лыжах, на собаках, ямщицкое, почтовое сообщение, паромы, сплав на утлых челноках, пересечение водного пространства на плотках по горным рекам, по снегу и насту на оленях и нартах, движение по звериным тропам, тропинкам, проселочным дорогам, трактам, шоссейным дорогам, железным дорогам, формирование информационных потоков с появлением телеграфа и телефона. «Как в целом для Сибири и Алтая в исторической перспективе, так и для отдельного человека путь предстает как разрастание: тропинка – дорога – тракт. Дороги железные, морские, речные предстают как способ преобразования Сибири, новый импульс для развития человека. На пересечении путей и дорог человек всегда созидает жилище тела или духа. Предвидение туризма (рюкзак как дом за спиной) и курортотечения (временный дом) мыслится автором новым объектом пути» [5, с. 145].

Творческий, радостный, осмысленный труд дает возможность преодолеть пространства Сибири в пути и освоить его путем сначала реального строительства, а потом конструирования, освоения культурного пространства. Возможно простроить основные направления освоения и присвоения сибирского локуса у Г. Д. Гребенщикова. «Это горизонтальный вектор: исторические пути русского народа на Восток и Запад по освоению природных и культурных пространств. Общими реперами освоения пространства выступают ярмарки, а позднее банки. Другое направление представляет вертикальный вектор пути человеческого духа, который связан не только с подъемом на гору, но и с созиданием, переустройством пространства природы». При пересечении этих направлений человек творчески созидает дом духа и тела.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гребенщиков Г. Д. Моя Сибирь. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 214 с.
2. Землякова Н. А. Извне и изнутри: образ Сибири в религиозной периодической печати второй половины XIX в. // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6 [Электронный ресурс]. – URL: www.science-education.ru/106-7487 (дата обращения: 13.04.2016).
3. Ремнев А. В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без Министерства колоний – русский «Sonderweg»? // Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917). – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 150–181.
4. Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины начала века. – Новосибирск: НГПУ, 2006. – 374 с.
5. Тихомирова Е. Е. Освоение культурного пространства Сибири в творчестве Г.Д. Гребенщикова // Идеи и идеалы. – 2015. – Т. 2. – № 1 (23). – С. 143–150.
6. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 27–35.

© Е. Е. Тихомирова, 2017

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО В СУНСКОЙ ПОЭЗИИ

Ольга Владимировна Дубкова

Сианьский университет иностранных языков, КНР, Сиань, кандидат филологических наук, доцент, директор института русского языка, e-mail: linuan12@mail.ru

В сунских цы содержится значительный пласт лексики, которая отражает пространственные представления сунских поэтов. Материал для исследования – китайские оригинальные тексты, в которых методом сплошной выборки выделены лексические единицы, обозначающие культурно-историческое пространство. Все когнитивное пространство делится на реальное, отражающее географические объекты и рукотворные сооружения, а также ирреальное, связанное с мифологическими представлениями этноса. В статье последовательно описаны на русском и китайском основные типы именованных рек, озёр, гор, районов, городов, строений и т.д., указывается название на китайском языке и его буквальный перевод на русский язык, что позволяет более точно определить когнитивные представления китайских сунских поэтов. В ходе исследования отмечается наличие вариантов названий, что связано с внеязыковыми факторами.

Ключевые слова: сунская поэзия, когнитивное пространство, китайские топонимы.

COGNITIVE SPACE IN THE SUNG POETRY

Olga V. Dubkova

Xi'an University of Foreign Languages, PRC, Xi'an, Candidate of Philology, Associate Professor, Director of the Institute of Russian Zyack, e-mail: linuan12@mail.ru

In the sung poetry, there is a significant layer of vocabulary that reflects the spatial representations of the sung poetry. Material for the study are Chinese original texts, in which lexical units denoting the cultural and historical space are identified by the method of continuous sampling. All cognitive space is divided into real, reflecting geographical objects and man-made structures, as well as surreal, connected with the mythological representations of the ethnos. In the article, the main types of names of rivers, lakes, mountains, districts, cities, buildings, etc. are consistently described in Russian and Chinese, the name in Chinese and its literal translation into Russian are indicated, which allows to more accurately determine the cognitive representations of Chinese Sunni Poets. In the course of the study, the presence of variants of names is noted, which is connected with extralinguistic factors.

Key words: sung poetry, cognitive space, chinese toponyms.

Сунская поэзия – в данном случае особый жанр песенной поэзии «цы» – содержит большое количество лексических единиц, отражающих когнитивное пространство, под которым понимается структурированная совокупность знаний и представлений определённого языкового сообщества [3. С. 41-45]. На основе сплошной выборки из 151 произведения на китайском языке получен корпус лексических единиц, отражающих концептуальные представления о пространстве поэтов сунского периода.

Необходимо отметить, что пространство, представленное в сунских цы, значительно отличается от китайского концептуального пространства других исторических периодов (см., например, исследования Ван Ч., О.В. Дубковой) [1, 2], что связано с особенностями внеязыковой действительности, историческими и геополитическими причинами, а также связями реальности с прошлым. Все когнитивное пространство в сунских цы можно разделить на 2 типа: реальное и ирреальное. В реальное пространство включаются названия рек, озёр, гор, районов, округов, городов, строений, улиц, кварталов и т.д. Последовательно опишем основные элементы каждого типа, отметим, что в данной статье представлена лишь часть выделенных лексических единиц.

1. Названия рек, гор, озёр

В сунский период произошло перемещения политического и экономического центра с русла Хуанхэ на юг – русло Янцзы. Важно отметить, что среднее и нижнее течение Янцзы по-китайски называется «Чанцзян» (букв. Длинная река), в сунский период эти территории были особенно значимы и поэтому часто встречаются в поэтических произведениях. «И только Чанцзяна воды Беззвучно плывут на восток» Лю Юн «Башэн ганьчжоу». «Я живу у истока Чанцзяна, Ты у устья Чанцзяна живёшь» Ли Чжи «Бусуаньцзы». Янцзы также называется «река с запада» (西江), «длинная река» (长江) и т.д.

Несколько слов о других реках, представленных в текстах:

Хуайшуй (淮水) – река Цзиньхуай в провинции Цзянсу, является правым притоком нижнего течения Янцзы, большая часть расположена на территории совр. Нанкина. В истории Китая имеет большую известность, её транспортная и ирригационная роль оставила большое значение в создании древней нанкинской культуры, поэтому её именуют материнской рекой города Нанкина.

Фэйшуй (肥水) – название реки, которая берет начало на горе Цзыпэншань (юго-запад г. Хэфэя пров. Аньхой).

Ганьцзян (贛江) – указание на внутреннюю реку пров. Цзянси, которая впадает в оз. Поянху.

Чэньцзян (郴江) – название реки, расположенной в совр. пров. Хунань.

Сяосян (郴江) – сокращённое название рек Сяошуй и Сяншуй, расположенных на границе пров. Хунань, после слияния именуются Сянцзян или Сяосян.

Вэйшуй (渭水) – древнее название реки Вэйхэ, самый большой приток Хуанхэ, расположенный в провинциях Ганьсу и Шэньси.

Сянтянь (湘天) – указание на бассейн реки Сянцзян в совр. пров. Хунань.

В текстах также выделены названия озёр Дунтин, Тайху, Саньта и др. Несколько слов о данных топонимах:

Дунтин (洞庭) – второе по величине пресноводное озеро Китая, которое расположено на севере провинции Хунань, на южном берегу Янцзы, традиционно именуемое в Китае Цзинцзян. Озеро играет важнейшую роль в регулировании уровня воды в Янцзы. На севере Дунтинху расположено 4 устья реки Янцзы (Сунцзы, Тайпин, Оучи и Тяосянь), на юге и западе в озеро впадает 4 реки – Сянцзян, Цзыцзян, Юаньцзян и Лишуй, Янцзы соединяется с озером у города Юэян в районе скалы Чэнлинцзи.

Тайху (太湖) – третье по величине пресноводное озеро Китая, расположенное на территории совр. пров. Цзянсу и Чжэцзян.

Саньтаху (三塔湖) – озеро, расположенное в современном в г. Лияне пров. Цзянсу.

Сичи (西池, букв. Западное озеро) – озеро Цзиньминчи в столице династии Сун городе Бяньцзин (совр. г. Кайфын пров. Хэнань), в тот период являлось любимым местом развлечений аристократии.

Фэнчи (凤池) – общее наименование Императорского пруда (Фэнхуанчи), изначально указывало на пруд в закрытом парке императорского дворца.

Другой важный элемент восприятия пространства – горы и горные хребты Куньлун, Тяньшань, Хэланьшань и т.д. Несколько примеров:

Хуаньша (黄沙, букв. Жёлтый песок) – название горного хребта, расположенного на западе совр. городского округа Шанжао пров. Цзянси. В этих местах жил удалившийся от дел поэт Синь Цици.

Тяньшань (天山, букв. Небесные горы) – горы, расположенные на северо-западе Китая, в династии Хань и Тан являлись приграничными территориями. В сунской поэзии указывает на северо-западную границу между Южной Сун и чжурчжэньским Царством Цзинь.

Куньлунь (昆仑) – название горного хребта, расположенного у истока Хуанхэ.

Хэланьшань (贺兰山, вариантное написание – Алашань) – хребет на севере Китая, разделяющий совр. Нинся-Хуэйский АР и АР Внутренняя Монголия. По другой версии, гора Хэланьшань расположена в границах уезда Цысянь городского округа Ханьдань пров. Хэбэй.

Лунтоу (陇头) – название горы Луншань, расположенной на границе современных провинций Шэньси и Ганьсу. В «Истории трёх Цинь. Семья Синь» содержится следующая народная песня: «С Луншань стремится вода, её журчание подобно плачу. Издали смотришь на Циньчуань, и душа разрывается то горя». Данные слова выражают боль расставания.

Линьпиншань (临平山, букв. Наблюдательная платформа) – название горы, расположенной на северо-востоке Ханчжоу. В сунский период первая остановка на водном пути из Ханчжоу с востока на север находилась у горы Линьпиншань, пагода Линьпинта является символом разлуки.

Цзюньшань (君山) – название горы, которая расположена на юго-западе от древнего города Юэяна (совр. пров. Хубэй).

Яньжань (燕然, вариантное написание – Яньшань) – название гор, горный массив Хангай (Хангайские горы), расположенный на территории современной Монголии.

Чиби (赤壁, букв. Красная скала) – указание на горы Чиби в Хуанчжоу, также называется «Чибицзи». Древнее место расположено на берегу реки на северо-западе от совр. г. Хуанчжоу пров. Хубэй. Топоним Чиби связан с цветом и формой гор. Специалисты в области культуры считают, что в эпоху Троецарствия Битва у Красной скалы (Чиби) происходила на северо-западе уезда Пучисянь города Чиби пров. Хубэй.

2. Названия районов

В сунской поэзии также упоминаются различные районы: Линьхай, Цзяннань, Цзянбэй, земли Чу и др.

Цзянбэй (江北) – букв. север реки. Согласно китайской сравнительной географии, Цзянбэй – северные районы нижнего течения Янцзы, противопоставляется понятию Цзяннань. Основные районы Цзянбэй включают современные провинции Цзянсу и Аньхой или районы рек Янцзы и Хуайхэ. В древности район Цзянбэй являлся одним из центров экономики юго-востока страны, формируя экономический центр вдоль севера Янцзы с городами Янчжоу и Хуайань, в настоящее время это место является экономической зоной в дельте реки Янцзы.

Цзяннань (江南) – район к югу от Янцзы, в концепции сравнительной географии указывает на южные районы среднего и нижнего течения реки. С древности до наших дней «Цзяннань» является географическим понятием, которое непрерывно меняется и наполняется богатым содержанием, его литературный образ не совсем одинаков, но обычно у современников представляется образ богатой водоёмами местности, здесь много природных ресурсов и много людей, развиты культура и образование.

Линхай (岭海) – приморские места к югу от пяти хребтов, собирательное название провинций Гуандун и Гуанси. С юга они граничат с морем, поэтому их называют Линхай, что буквально переводится «горная цепь и море». В исторических хрониках написано, что «пять хребтов» является указанием на «Даюйлин, Шиань (совр. Гуйлинь), Линьхэ, Гуйян, Цзеян».

Небо Чу (楚天) – указание на небо на юге. В древности земли, расположенные в среднем и нижнем течении Янцзы, принадлежали Царству Чу.

Лянчжоу (沧洲) – название древней административно-территориальной единицы, одной из девяти областей Древнего Китая. В период Троецарствия был основан округ Лянчжоу, присутственное место которого находилось в г. Ханьчжун совр. пров. Шэньси, император Тан Дэцзун (742 – 805 гг.) перенёс его в Синьюань, после этого Ханьчжун не называли Лянчжоу. В сунский период это место являлось передовой линией на северо-западе Китая, в этом месте Лу Ю участвовал в военных действиях.

Саньгуань (三关, букв. Три заставы) – указание на заставы Пинцзингуань, Ушэнгуань и Хуаньсяньгуань, расположенные в районе г. Синьян совр. пров. Хэнань. Долгое время в этом районе проходила граница между государствами Сун и Цзинь.

Цяньчжун (黔中) – название округа, в разные исторические периоды назывался Цянчжоу, район современного уезда Пэншуйсянь в г. Чунцине. Говорят, что в данном месте всегда пасмурно и дождливо, кажется, что прохудились небеса.

Чэньчжоу (郴州) – древнее присутственное место в округе Хэнчжоу (совр. территория пров. Хунань), согласно легенде в Хэньяне есть вершина возвращения гусей (Хуэйяньфэн), когда дикие гуси летят на юг, они останавливаются только на этой вершине.

Сань У (三吴, букв. Три У) – три области: Усинь (совр. г. Хучжоу пров. Чжэуцзян), Уцзюнь (совр. г. Сучжоу пров. Цзянсу) и Гуйцзи (совр. городской

округ Шаосин пров. Чжэцзян). Здесь условное указание на современную южную часть провинции Цзянсу и район Чжэцзяна.

3. Названия поселений

В текстах сунских цы используются как исторические, так и «современные» названия городов:

Янчжоу (扬州), Гуанлин (广陵), Хуайян (淮扬) – название места, находится на территории совр. пров. Цзянсу, столица восточного округа (Хуэйнань), в период династии Южная Сун являлось передним краем, подвергалась неоднократным нападениям армии государства Цзинь (1115 – 1264 гг.), состоявшей из чжурчжэней, киданей и других народов).

Лоян (洛阳) – город в современной провинции Хэнань, с древности в нём в изобилии выращивались пионы, поэтому прославился как «тысячелетняя столица, город пионов». В период цветения в Лояне собирается множество гостей, чтобы любоваться прекрасными пионами.

Чанъань (长安) – город, расположенный на территории совр. Сианя пров. Шэньси, древняя столица династий Хань и Тан. В сунской поэзии может указывать на столицу династии Южная Сун г. Бяньлян или Бяньцзин (совр. Кайфын пров. Хэнань).

Цзянтан (钱塘) – указание на г. Ханчжоу пров. Чжэцзян, в древности – один из округов Царства У.

Цзаокоу (造口) – название поселения, расположенного в 30 км на юго-запад от уезда Ваньаньсянь совр. пров. Цзянси.

Цзянькан (建康), Цзиньлин (金陵) – название столицы Китая, находится на территории совр. г. Нанкина. Династии У периода Троецарствия, Сун, Цзи, Ляо, Чэнь периода Южных и Северных династий, Южная Тан периода Пяти династий в этом месте основали свою столицу, поэтому в древности Цзиньлин называли «Императорский край» или «Императорская столица».

Вэйчэн (渭城) – название древнего города на северном берегу реки Вэйшуй (совр. городской округ Сяньян пров. Шэньси).

Цзяхэ (嘉禾) – другое название Сюйчжоу, в сунский период присутственное место, расположенное в совр. г. Цзясин пров. Чжэцзян.

4. Названия строений

Данная группа включает названия домов, пагод, монастырей, дворцов, мостов, дамб, павильонов. В текстах встречаются как общие названия: соломенная хижина, красный, нефритовый, лotosовый или высокий дом, постоялый двор, дворец, ворота, дамба, парк; так и единичные: Чанмэнь, Юйлоу, Сиюань и т.д.

Отметим, что существуют уникальные типы строений, например: Беседка (危亭, букв. высокая беседка) – указание на беседку, расположенную на вершине горы. В первом словаре китайских иероглифов «Шовэнь» указано: «высокий – расположенный высоко, в опасном месте». Данные слова обозначают высоко расположенную беседку, совпадая с темой «Цзюэдин» (вершина горы), беседка на вершине горы получила своё название по месту расположения. Беседка (букв. высокая беседка) – указание на беседку, расположенную на вершине горы. В первом словаре китайских иероглифов «Шовэнь» указано: «вы-

сокий – расположенный высоко, в опасном месте». Данные слова обозначают высоко расположенную беседку, совпадая с темой «Цзюэдин» (вершина горы), беседка на вершине горы получила своё название по месту расположения. Длинная беседка (长亭) – беседка для отдыха путешественников, которая была установлена каждые 10 ли (5 км). В древности расположенную около города беседку использовали как место прощания. Ванцзинлоу (望京楼) – очень просторный вид строений для смотрин столицы. Сооружая такое здание, жители сунского периода показывали верность императорскому дому, проявляли своё уважение к правителю и министрам. В то время управление государством было единым, поэтому судьба страны была тесно связана с жизнью народа. Это часто встречаемый образ в сунской литературе. В данном случае поэт иносказательно описывает «странника», которому не следует стремиться в столицу, чтобы просить должности, следует бояться, что, получив должность, не вернётся домой в срок.

Приведём несколько единичных именовании строений: Чанмэнь (长门) – название императорского дворца в ханьский период, в котором была заключена императрица Чэнь императора Хань Уди, потому что попала в немилость. В «Повествовании о Чанмэньфу» Сыма Сяна указывается: «Императрица Чэнь пользовалась благосклонностью у императора Сяоу хуанди и из-за ревности была отправлена во дворец Чанмэньгун, где очень страдала. Говорят, что выдающийся историк и литератор из Чэнду области Шу Сыма Сянжу (ок. 179 – 118 гг. до н. э.) был мастером литературы, ему преподнесено сто цзиней золота для покупки прекрасного вина Сыма Сянжу и Чжоу Вэньцзюнь (175 – 121 гг. до н. э.), чтобы он составил прекрасную поэму, которая могла разогнать скорбь и печаль. Поэма, написанная Сянжу, открыла глаза императору, императрица вновь обрела императорские милости».

Синьюань (杏园, був. Абрикосовый сад) – название парка, его руины расположены к югу от Пагоды Большого гуся в г. Сиане пров. Шэньси. В танский период парк Синьюань располагался к юго-западу от пруда Чюйцзянчи, был известен как место проведения пиров танских аристократов, получивших на экзамене степень цзиньши. В данном случае указывает на парк Цюнлиньюань, расположенный у западных ворот города Бяньцзина (совр. Кайфына пров. Хэнань), столицы династии Северная Сун.

Чанмэнь (阆[chāng]门) – название западных ворот Сучжоу, здесь указывает на Сучжоу. Название Чанмэнь состоит из двух иероглифов, первый из которых имеет значение «запад», второй – «ворота». Чанмэнь – название западных ворот Сучжоу, здесь указывает на Сучжоу. Название Чанмэнь состоит из двух иероглифов, первый из которых имеет значение «запад», второй – «ворота».

Юйханмэнь (余杭门) – наименование северных ворот города Ханьчжоу периода Северной Сун.

Чжуцюэмэнь (朱雀门, букв. Ворота красной птицы Чжуцюэ) – указание на южные ворота с двумя бронзовыми птицами Цжуцюэ г. Цзянькана (совр. Нанкина), столицы периода Шести династий.

Эршисыцяо (二十四桥, букв. Мост двадцати четырёх) – древний мост в городе Янчжоу, его также называют Уцзя чжуаньчао (Кирпичный мост семьи У)

или Хуньяочао (Мост белого пиона), является выдающимся мостовым сооружением древних китайцев.

Балинцяо (灞陵桥) – мост на востоке Чанъяня (совр. Сиань пров. Шэньси). До этого моста в древности провожали гостя, где срывали ветку ивы и дарили на прощанье.

Чиланьяо (赤阑桥, букв. Мост с красными перилами) – название моста, используется как ссылка на классический источник, в котором в качестве весны представлено описание моста и ив.

Аньюаньюлоу (букв. Пагода Вечного спокойствия) – название пагоды, расположенной на вершине горы Хуанхушань (совр. метрополия Учан г. Ухань пров. Хубэй), другое название пагоды Наньюлоу (букв. Южная пагода). В то время Учан находился на передовых рубежах боевых действий между Южной Сун и чжурчжэней. 安远楼

Бэйгутин (北固亭, букв. Беседка северного оплота) – название пагоды, руины которой расположены на вершине горы Бэйгушань в городском округе Чжэньцзян, у подножия горы протекает Янцзы, которая с трёх сторон опоясывает гору.

Западная башня городской стены – надвратная башня западных ворот. 城上西楼

Хангуантин (寒光亭, букв. Беседка холодного блеска) – беседка в монастыре Саньтасы.

Шансиньтин (赏心亭, букв. беседка Наслаждения) – название пагоды, расположенной у городской стены рядом с западными шлюзовыми воротами города Цзянькана, рядом с рекой Циньхуай, с пагоды открывается прекрасный вид.

Дворец Эпан (阿房) – названия дворца императора Цинь Шихуана, руины расположены в западном пригороде в 15 км. от совр. г. Сианя пров. Шэньси.

Восточная ограда (东篱) – указание на сад хризантем. Благодаря стихотворению цзиньского поэта Тао Юаньмина (352 или 365 – 427 гг.) «Иньцзю ши», в котором написано «Собираю хризантемы у восточной ограды, свободно смотрю на Наньшань», сочетание «восточная ограда» стало классическим и используется в поэзии для обозначения хризантемы. Восточная ограда – указание на сад хризантем. Благодаря стихотворению цзиньского поэта Тао Юаньмина (352 или 365 – 427 гг.) «Иньцзю ши», в котором написано «Собираю хризантемы у восточной ограды, свободно смотрю на Наньшань», сочетание «восточная ограда» стало классическим и используется в поэзии для обозначения хризантемы. Восточная ограда – указание на сад хризантем. Благодаря стихотворению цзиньского поэта Тао Юаньмина (352 или 365 – 427 гг.) «Иньцзю ши», в котором написано «Собираю хризантемы у восточной ограды, свободно смотрю на Наньшань», сочетание «восточная ограда» стало классическим и используется в поэзии для обозначения хризантемы.

Суйти (隋堤) – древнее название насыпи, расположенной на реке Бяньхэ рядом с городом Бяньцзин (совр. пров. Хэнань г. Кайфын, одной из древних столиц 8 династий). Насыпь была построена в период правления второго императора династии Суй Янди (569 – 618 гг.), являлась главной дорогой в столицу в период Северная Сун.

Хэнтан (横塘) – название древней дамбы, которая находится на юго-западе уезда Усянь пров. Цзянсу, за пределами г. Сучжоу.

Симатай (戏马台) – сооружение, созданное генералом, разрушившим династию Цинь, Сян Юем. Место расположено на юге современного уезда Туншаньсянь провинции Цзянсу, в период династии Цзинь в Северном походе основатель династии Южная Сун Лю Юй достиг города Пэйчэн округа Сюйчжоу, в день Чжунъюанцзе все военачальники собрались в Симатае, чтобы слагать стихи. В то время известное поэтическое произведение было создано известными поэтами Се Чжанем (385 – 421 гг.) и Се Линъюнем (385 – 433 гг.).

5. Названия улиц и кварталов

Результаты анализа текстов сунских цы показывают, что наименования улиц и кварталов являются единичными, но нельзя не отметить, что все они имеют ярко выраженную культурно-историческую коннотацию.

Гаоцзе (藁[ǎo]街) – место у Южных ворот Чанъаня, в котором проживали неханьские народности в ханьский период.

Чжантай (章台) – название улицы в ханьском Чанъане, на которой находился квартал публичных домов. В исторической хронике династии Хань «Ханьшу» в «Жизнеописании Чжан Чана» указывается: «Еду на коне на улицу Чжантайцзе». В династию Тан в «Жизнеописании Лю с улицы Чжантай» Сюй Яоцзо описал занятия девушек рода Лю. Впоследствии Чжантай стал обозначать место компактного проживания певичек-проституток.

Хуаши (花市, букв. Цветочный рынок) – народный рынок в период Праздника весны. В этом месте можно покупать цветы и любоваться ими.

Сиюань (西园, букв. Западный парк) – название места около озера Сиху в Ханчжоу, где жили поэты со своими возлюбленными, здесь также проходили расставания.

Необходимо отметить, что в сунской поэзии также присутствуют указания на ирреальное пространства

Таоси (桃溪) – название горного ручья (букв. Персиковый источник). В цы используется как ссылка на классический сюжет. По легенде, в династию Восточная Хань Лю Чэнь и Жуань Чжао поднялись на гору Тяньтайшань (совр. пров. Сычуань), чтобы собирать лечебные травы. Возле горного ручья (Таоси) увидели двух дев, они были так прекрасны и так понравились друг другу, что молодые люди остались жить с ними на полгода, но тосковали по дому и мечтали о возвращении на родину, две девы, прощаясь, указали обратный путь. Лю Чэнь и Жуань Чжао после возвращения домой обнаружили, что их дети и внуки уже давно покинули этот мир. Следующий раз они пошли на гору Тяньтайшань, но не увидели тех двух девушек. В танской поэзии в качестве скрытой аллегории любовной встречи часто используется история случайной встречи с

небожителем и свидания с бессмертными. В данном цы первая строфа иносказательно показывает, что поэт какое-то время имел встречу, подобную посещению горы Тяньтайшань Лю Чэнем и Жуань Чжао, но не мог непринуждённо жить долгое время и быстро простился с такой жизнью.

Нефритовые чертоги (琼[qióng]楼玉宇) – дворец Небожителей, прекрасный дворец из яшмы и нефрита, используется как указание на представляемый в мечтах дворец.

Дворец Небес (天上宫阙[què]) – указание на дворец, который находится в лунных чертогах. Двор, дворец – в древности каменная платформа за городской стеной.

Цинду (清都) – указание на царство Небожителей, противопоставляемое мирской суете и внешнему блеску.

Как показывает анализ когнитивного пространства китайской сунской поэзии, в исходных текстах сунских цы наличествует большое количество единиц, обозначающих реки, озера, горы, районы, населённые пункты, рукотворные сооружения, которые отражают реальные представления сунских поэтов об окружающей действительности и репрезентируют культурно-историческое пространство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ван Чаньцзюань, Дубкова О. В. Когнитивный анализ названий китайских озёр // Когнитивный анализ названий китайских озёр // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2016. XII Междунар. науч. конгр. : Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность» : сб. материалов в 2 т. (Новосибирск, 18–22 апреля 2016 г.). – Новосибирск : СГУГиТ, 2016. Т. 2. – С. 41–45.

2. Ван Чаньцзюань, Дубкова О. В. Образы китайской культуры в названиях китайских рек // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2015. XI Междунар. науч. конгр. : Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность» : сб. материалов в 2 т. (Новосибирск, 13–25 апреля 2015 г.). – Новосибирск : СГУГиТ, 2015. Т. 2. – С. 94–98.

3. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М. : Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

© О. В. Дубкова, 2017

ВОСПРИЯТИЕ СЛОЖНЫХ СЛОВ-НАИМЕНОВАНИЙ ЕДИНИЧНЫХ ОБЪЕКТОВ НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ФИРМ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Мария Владимировна Захарова-Саровская

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, старший преподаватель кафедры языковой подготовки и мужкультурных коммуникаций, тел. (383)343-29-33, e-mail: mitraye@yandex.ru

Хуришда Джураевна Закирова

Уфимский государственный нефтяной технический университет, Октябрьский филиал 452600, Россия, Республика Башкортостан, г. Октябрьский, ул. Девонская, 54А, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, тел. (964)961-82-10, e-mail: kh.zak62@mail.ru

Статья посвящена сравнительному анализу процесса словосложения при образовании новых названий компаний в русском и узбекском языках. Рассматриваются вопросы восприятия сложных слов-наименований фирм на русском и узбекском языке, дается сводная таблица восприятия для эксперимента «семантического дифференциала». Выявляются общие и различные черты восприятия в указанных языках.

Ключевые слова: словосложение, неологизм, восприятие, метод семантического дифференциала, русский язык, узбекский язык.

SPEECH PERCEPTION OF COMPOUND WORDS-NEW NAMES OF BRANDS IN RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES

Maria V. Zakharova-Sarovskaya

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 630108, Russia, Novosibirsk, 10 Plakhotnogo St., Senior Lecturer of Language Training and Intercultural Communication Department, tel. (383)343-29-33, e-mail: mitraye@yandex.ru

Khurshida D. Zakirova

Ufa State Oil Technical University, Oktyabrsk branch, 452600, Russia, Republic Of Bashkortostan, Oktyabrsk, 54A Devonsky St., Senior Lecturer, Department of Humanities and Social-Economic Sciences, tel. (964)961-82-10, e-mail: kh.zak62@mail.ru

The article is devoted to the comparative analyses of compounding process in Russian and Uzbek languages. The authors consider questions of speech perception of compound names of companies in languages of different structural languages.

Key words: compound words, neologism, derivative models, Russian Language, Uzbek language.

Новые слова в любом языке создаются с целью обозначения того или иного фрагмента реальности. Неологизмы возникают либо для отражения понятия или объекта действительности, ранее не существовавших в языке, либо для уточнения наименования, как правило, с дополнительной целью привлечения внимания реципиентов к новому слову. Новые названия фирм, безусловно, вы-

полняют обе названные функции, соперничая в борьбе за клиента. Характерно, что большая часть возникающих собственных наименований в русском и узбекском языках создаётся путём словосложения. Как отмечает Л.В. Бабина, «сложные слова привлекают внимание, поскольку представляют собой как бы сконцентрированное выражение человеческой мысли. В них существуют семантические отношения, отмеченные элементом предикативности, который в смысловом аспекте может быть приравнен к сообщению» [1, с. 13].

Как показывают результаты сплошной выборки из различных текстов, в русском и узбекском языках номинативный процесс при назывании новых фирм направлен на то, чтобы выбрать подходящее наименование для нового объекта, отобразив сферу деятельности конкретного предприятия. Род деятельности предприятия, в которых чаще всего используется сложения (сложносокращённый способ) уже подробно описан авторами [5, С. 79-90]. Основные правила и принципы нейминга, имеющие влияние на создание сложных названий фирм, а также их фактическая реализация на материале сложных слов-названий фирм в русском, узбекском, английском и китайском языках уже подвергались анализу авторами в ряде статей [4-7]. Авторами также рассматривались основные словообразовательные модели, характерные для новейшего периода, а также анализировались модели образования сложений, их структура, семантика, частотные компоненты, графическое оформление. Особое внимание уделено причинам образования композитов. Вместе с тем, актуальным представляется исследование механизмов восприятия сложных слов, которые, как указывает Е.С. Кубрякова, «отражают особенности формируемой данным языком картины мира» [8, с. 21]. Когнитивная специфика сложных наименований определяется наличием когнитивных структур, сориентированных на максимальную передачу смысла средствами двух и больше слов и характеризующуюся пересечением нескольких смысловых полей, образуемых компонентами сложного слова и самой словообразовательной моделью.

Данная статья представляет результаты изучения возможностей психолингвистического моделирования восприятия сложных слов с использованием метода эксперимента (семантического дифференциала).

Материал для исследования получен путём выборки из журнала «Жёлтые страницы. Новосибирск» и сайта «Yellow Pages. Uzbekistan», в общей сложности отобрано более 500 единиц для каждого из анализируемых языков. В результате структурного и семантического анализа была построена классификация наиболее употребительных моделей и компонентов сложных слов-названий фирм. Для проведения эксперимента было отобрано по 2-3 наименования для каждой из представляющих интерес продуктивных моделей, в общей сложности около 20 наименований в каждом из двух анализируемых языков. Необходимо отметить, что словник отражает процесс номинации в одинаковых областях действительности.

Метод семантического дифференциала, разработанный как «метод измерения коннотативного или аффективного значения», включает процедуру оценки набора понятий целой серии биполярных градуированных шкал, образованных

наиболее частотными прилагательными-антонимами. Оценки понятий по разным шкалам соотносятся друг с другом, и с помощью факторного анализа выделяются группы высококоррелирующих шкал, группирующиеся в факторы. В результате этого вида экспериментального исследования возможно построение субъективного семантического пространства, отражающего эмотивную сторону высказывания. Всё это позволяет оценить и измерить интенсивность и преобладающие типы оценок и сам воздействующий потенциал сложного слова. Построение семантического пространства происходит при переходе от описания признаков к факторам, являющимся формой обобщения прилагательных-антонимов или смысловым инвариантом содержания входящих в него шкал.

Рабочая гипотеза для исследования процессов восприятия сложного слова заключается в следующем: восприятие сложного слова, реализующего типовой словообразовательный канон или способ словообразования, социально-ориентированную дискурсивную стратегию и имеющего тот или иной модальный эмотивный компонент, зависит от количества компонентов неологического композита, графического облика слова (наличие строчных или прописных букв, точек, тире, иноязычных компонентов, оформленных латиницей или кириллицей), степени новизны словообразовательной модели, и самих компонентов сложного слова, а также сочетаемости компонентов слов (т.е. «лингвокреативности» при порождении слов). Можно предположить, что наличие в словах иноязычных компонентов, новой графики привлекает внимание к виду деятельности фирмы, вызывает интерес потенциальных клиентов, позволяет выделить реалию из ряда других, а сложносоставное многокомпонентное наименование наоборот, вызовет реакции отторжения.

Для проверки предположения был проведён эксперимент, в котором на основном этапе для каждого языка участвовало по 40 респондентов-носителей языка. Участниками эксперимента стали русские и узбекские студенты и преподаватели Сибирского Государственного Университета Геосистем и Технологий (русский язык) и Уфимского Государственного Нефтяного Технического Университета (узбекский язык) соответственно.

Испытуемые представляют собой релевантные группы для каждого из языков по возрасту, социальному положению и образованию. Процентное соотношение студентов и преподавателей 3/1. Возраст студентов 18-23 лет, преподавателей – 25-55 лет, в гендерном отношении реципиенты представляют собой смешанную группу.

На подготовительном этапе нами были отобраны 12 шкал для оценки восприятия, описанных В.Ф. Петренко при анализе восприятия различных объектов [10, с. 286]. По мнению автора, результатом многомерного шкалирования является субъективное «семантическое пространство как система признаков, описаний объектной и социальной действительности, определённым образом структурированная», операционная модель категориальных структур индивидуального и общественного сознания. При этом «отдельные параметры семантического пространства соответствуют определённым аспектам когнитивной организации сознания».

Основной этап психолингвистического эксперимента проходил в мае – сентябре 2016 г. Каждому участнику эксперимента необходимо было сначала заполнить анкету: ответить на вопросы, касающиеся информации о реципиенте (пол, возраст, профессия/изучаемая специальность, стаж/курс). Затем описать своё отношение к предлагаемым словам-стимулам по двенадцати антонимичным шкалам (24 параметра). Интенсивность каждой шкалы от +3 до -3, включая 0 (необходимо было обвести соответствующий индекс). Эксперимент для студентов проводился в учебное время, слова первоначально прочитывались вслух, отказов в участии не зафиксировано. Обработка данных проводилась путём подсчёта суммы баллов по каждой шкале и делением на количество участников.

Описание результатов эксперимента

Результаты восприятия сложных слов – названий фирм в русском языке были проанализированы ранее и представлены таблице, где в каждой ячейке представлены средние арифметические значения восприятия слов (данные по 40 анкетам для русского языка) по антонимичным парам.

Для анализа восприятия узбекских наименований были отобраны по 2-3 наименования для каждой из представляющих интерес продуктивных моделей, аналогичных моделям русского языка. Представим сводную таблицу результатов эксперимента в таблице.

При **сравнении полученных результатов** эксперимента, проведенных в русскоязычной и узбекскоязычной аудитории можно сделать следующие выводы. Восприятие слов в обоих языках зависит от структуры и лексического наполнения сложного слова.

1. Многокомпонентные именованья (состоящие из трех и более частей) оценены участниками эксперимента как более понятные, стандартные, продуманные, универсальные, но при этом, опасные и неинтересные.

2. СС, образованные по нестандартным языковым моделям, имеющие в своем составе необычные компоненты совершенно закономерно оценены как исключительные, интересные, зачастую смешные, временные, непонятные, а в узбекском языке еще и лживые.

3. СС, имеющие в своем составе цифры имеют оценку как рациональные, понятные, стандартные и продуманные. СС с компонентом-именем воспринимаются как более непонятные, приторные и недоступные. Слова, содержащие имя, воспринимаются как непонятные, но продуманные.

4. Характерно восприятие слов, имеющих в своем составе иноязычные компоненты - они для обоих языков оценены как высоко исключительные, интересные, продуманные, непонятные (для аудитории студентов и преподавателей), и недоступные но при этом безопасные.

5. Наличие нестандартной графики (строчные или прописные буквы, точки, тире для русского языка, латиница в названии) в сложных словах, безусловно позволило выделить их из ряда других слов, что подтверждается результатами эксперимента и более высокими оценками по шкалам исключительный, интересный, продуманный, при этом более низкими показателями универсальности, понятности.

Сводная таблица восприятия сложных слов-названий фирм в узбекском языке

Название фирм\ Параметры восприятия слов		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
		исключительный-стандартный	Неинтересный-интересный	Непонятный-понятный	неприятный-приятный	спонтанный-продуманный	опасный-безопасный	Недоступный-доступный	Смешной-серьезный	Лживый-честный	временный - универсальный	Пригорный-пресный	иррациональныйИ-рациональный
1	Shart-logistic group	-0.416	0.916	-1.083	-0.789	0.416	-0.416	-0.666	-0.909	0.166	-0.25	-0.166	-0.275
2	FARARTDESIGN	-0.857	-0.16	0.857	0.789	0.75	0.928	0.679	0.5	0.5	0.5	0.667	1.16
3	SUVSOZABONENTXIZMATI	0.417	-0.5	-0.16	-0.789	0.583	-0.667	0	0.083	0.167	0.438	-0.275	0.417
4	DARO ART-КАФЕ	-1.167	1.167	-0.275	0.25	1.917	0.25	-0.167	-0.167	0.25	-0.083	-0.167	0.167
5	FATIMA + GULI SERVIS	-0.667	1.789	-1.75	1.333	1.583	2.25	0.667	-0.25	-0.25	-0.167	-0.25	0.167
6	NEYROMED SERVIS	1.5	1.25	0.167	1.25	1.25	0.75	1.583	-0.167	1.167	-0.167	-0.167	0.167
7	ASL-ANTIQA КАФЕ	0.857	-0.438	-0.417	0.438	0.188	0.25	-0.688	-0.062	-0.375	0.375	0.562	0.375
8	PRIVATINFORMSISTEM	0.4388	-0.813	0.813	0.375	0.375	-0.25	0.25	0.438	0.75	0.688	-0.062	0.25
9	TOSHKENT METRO PROEKT	0.062	0.375	-0.583	0.625	0.688	0.25	0.188	0.875	0.188	0.625	0	0.062
10	Qishloq Qurilish Invest	0.257	-0.062	0.25	0.562	0.062	0.375	-0.188	0.875	0.188	0.438	0.25	0.875
11	INTERPROSOFT	0.178	-0.062	0.583	-0.375	0.625	0.625	0.25	0.375	0.625	0.625	0.062	0.167
12	DELTA-BIZNES	-0.5	0.438	-0.25	0.25	0.788	-0.062	-0.583	0.438	-0.375	-0.375	-0.275	-0.375
13	EVENTCAFE	-0.667	0.788	-0.438	-0.188	0.375	0.25	0.5	-0.188	0.166	-0.188	-0.166	0.375
14	БИЗНЕС-ФОНД	-0.789	0.25	0.25	0.625	0.1	0.375	0.188	0.875	0.188	0.438	-0.25	0.875
15	IWEB.UZ	-1.167	1.167	0.275	0.2	2.125	0.25	0.167	-0.167	0.25	-0.25	-0.167	0.167
16	DOKTOR SHAHNOZA-FAYZ	-1.125	0.05	0.2	0.5	0.1	0.375	0.25	1.875	0.25	0.275	-0.25	0.925
17	АЛОКАБАНК	1.2	0.062	0.25	0.562	0.438	0.2	0.25	1.875	0.188	0.438	-0.25	0.562
18	FRASER AVTOYUKLOVCHI SERVIS	0.925	-0.925	-0.813	-0.525	0.375	-0.2	-0.2	0.5	0.688	0.75	-0.062	0.2
19	BRAND.UZ	-2.25	1.5	-0.375	0.25	1.875	0.275	0.188	-0.585	1.25	-0.167	-0.167	1.343

В заключении отметим, что построение семантического пространства для данных на узбекском языке будет приведено в отдельной статье и будет возможность сравнения с данными, полученными в русской части эксперимента.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабина Л. В, Дьякова Л. Ю. Исследование семантики сложных слов v+n в рамках когнитивного подхода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2008. – С. 11–16.
2. Бутакова Л. О. Когнитивное пространство официально-делового документа // Когнитивные исследования языка. – Вып. 18: Язык, познание, культура: методология. – Тамбов, 2014. – С. 127–131.
3. Залевская А. А. Текст и его понимание // Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. – М. : Гнозис, 2005. – С. 335–472.
4. Захарова М. В. Графическое оформление поликомпонентных неологизмов - названий единичных объектов в русском и английском языках // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2014. X Междунар. науч. конгр. : Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность» : сб. материалов в 2 т. (Новосибирск, 8–18 апреля 2014 г.). – Новосибирск : СГГА, 2014. Т. 2. – С. 114–119.
5. Захарова М. В., Закирова Х. Д. Структура и семантика новых сложных названий брендов в русском, английском и узбекском языках // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2013. IX Междунар. науч. конгр. : Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность» : сб. материалов в 2 т. (Новосибирск, 15–26 апреля 2013 г.). – Новосибирск : СГГА, 2013. Т. 2. – С. 77–82.
6. Захарова М. В., Дубкова О. В. Контрастивный анализ поликомпонентных неологизмов в современном русском и китайском языках // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2013. IX Междунар. науч. конгр. : Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность» : сб. материалов в 2 т. (Новосибирск, 15–26 апреля 2013 г.). – Новосибирск : СГГА, 2013. Т. 2. – С. 63–67.
7. Захарова-Саровская М. В. Функционально-стилистические особенности композитов – сложных слов (на материале прессы начала XXI века) // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2016. XII Междунар. науч. конгр. : Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность» : сб. материалов в 2 т. (Новосибирск, 18–22 апреля 2016 г.). – Новосибирск : СГУГиТ, 2016. Т. 2. – С. 86–91.
8. Кубрякова Е. С. Когнитивная лингвистика и проблема композиционной семантики в сфере словообразования // Известия АН. Серия литературы и языка. – М. : Наука, 2002. – Т. 61. – № 1. – С. 13–24.
9. Хаджиев А. К вопросу о способах словообразования в узбекском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 3. – С. 77–81.
10. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. – СПб. : Питер, 2005. – 480 с.

© М. В. Захарова-Саровская, Х. Д. Закирова, 2017

КОННОТАЦИЯ КАК СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ, ПРАГМАТИЧЕСКАЯ, СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЗВИЩ

Наталья Александровна Аблова

Сибирской государственной университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций, e-mail: leksi25@mail.ru

В статье рассматривается понятие коннотации на материале немецких прозвищ. В современном языкознании существует множество определений коннотации: семиотическое, психолингвистическое, собственно лингвистическое. В рамках данной статьи рассматривается только собственно лингвистическое, которое под коннотацией понимает дополнительные элементы значения слова – стилистическое, прагматическое, страноведческое или культурологическое.

Ключевые слова: коннотация, стилистическая коннотация, прагматическая коннотация, культурные ассоциации, ассоциативные нормы.

CONNOTATION AS A SEMANTIC-STYLISTIC, PRAGMATIC, SOCIOLINGUISTIC AND LINGUOCULTURAL COMPONENT OF THE NICKNAMES

Natalia A. Ablova

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 630108, Russia, Novosibirsk, 10 Plakhotnogo St., Senior Lecturer of Language Training and Intercultural Communication Department, tel. (383)343-29-33, e-mail: leksi25@mail.ru

The article discusses the concept of connotations as the component of the German nicknames. In modern linguistic there are many definitions of connotation: semiotic, psycholinguistic, linguistic. In this article it is considered only the linguistic definition, which understand the connotation as additional elements of meaning of the word - stylistic, pragmatic, cross-cultural.

Key words: connotation, stylistic and pragmatic connotations, cultural associations, associative rules.

В статье впервые рассматривается понятие коннотации на материале немецких прозвищ. В современном языкознании существует множество определений коннотации: семиотическое, психолингвистическое, собственно лингвистическое. В рамках данной статьи рассматривается только собственно лингвистическое, которое под коннотацией понимает дополнительные элементы значения слова – стилистическое (эмоционально-экспрессивное (оценочное) и функционально-стилевое значения), прагматическое (субъективные ассоциации), страноведческое или культурологическое (культурные ассоциации).

Эмоционально-экспрессивные значения прозвищ это прежде всего выражение отношения к номинанту, его оценка. Эта оценка может быть мелиоративной, т.е. выражать положительное отношение (оценку) к номинанту, и пейоративной, выражающей отрицательное отношение. Среди положительных

окрасок выделяются одобрительная, ласкательная, шутливая, насмешливая и др., среди отрицательных — дразнящая, смешная, пренебрежительная, презрительная, неодобрительная, ироническая, бранная и др.

Наше исследование показало, что прозвища могут функционировать как в рамках разговорно-бытового стиля, так и газетно-публицистического и иметь соответствующие функционально-стилевые коннотации.

Основу разговорно-бытового стиля составляет разговорная речь. Для немецкого языка понятие разговорного языка (Umgangssprache) неотделимо от его диалектной характеристики. Диалекты сохраняются не только в деревне, но и в городе, накладывая значительный отпечаток на разговорную речь городского населения. Поэтому среди прозвищ встречается большое количество диалектизмов, а также жаргонизмов, молодежных сленгизмов, вульгаризмов, бранных слов и выражений;

Поскольку основу языка газетно-публицистического стиля составляет книжно-обиходный язык, представляющий собой сочетание элементов лексики и синтаксических структур разных стилей, для прозвищ, функционирующих в жанрах газетно-публицистического стиля, характерно использование как книжной, так и разговорной лексики.

Стилистическая окраска прозвищ часто бывает двупланой, т.е. не только функционально-стилистической, но и эмоционально-экспрессивной. Например: прозвище *Gammler* (разг. и презр. - бродяга), *Alter Sack* (разг. и пренебр.- старикан), *Bruderherz* (разг. и шут. - дружок), *Opportunistin* (книжн. и неодобр. - оппортунист), *Silberzunge* (книжн. и торж. - хороший оратор), *Matze* (разг., насмеш. - малыш), *Flocki* (разг. одобр. - веселый), *Kruemel* (разг. ласк. - малыш), *Gauner* (разг. неодобр. - мошенник), *Wutz* (разг. бран. - свинья).

Однако не все прозвища обладают эмоционально-экспрессивной окраской, например, прозвища, указывающие на профессию или род занятия или место жительства номинанта: *Gärtner Aldinger* (Er führte eine Gärtnerei in der Bahnhofstraße), *Lendles Aldinger* (Er wohnte im Fellbacher Stadtteil Lindle).

Стилистические коннотации прозвищ могут проявляться как на лексическом уровне, так и словообразовательном. Поскольку словообразовательная система современного немецкого языка не располагает многочисленными суффиксами субъективной оценки, кроме уменьшительно-ласкательного суффикса *-chen*, носители языка при образовании прозвищ с удовольствием обращаются к окказиональным аффиксо-подобным основам, таким как *Zucker-*, *Super-*, *Hase-*, *Maus-*, *Bär-*, *Sahne-*. Прозвища с этими суффиксами и аффиксами выражают интимность, нежность: *Gähnchen* (от глагола "gähnen" (зевать) + игра слов с именем носителя *Justus Jähnchen*), *Zucker-M*, *Zucker-J*, *Zuckerkeks*, *Zucker-Schnütchen* (от н.-нем. разг "Schnute" (морда)), *Zuckerperle*, *Super-J*, *Hasebär*, *Mausebär*, *Bärenkind*, *Hosenscheisserbär*, *Tinaschatzihasimausi*, *Schmusebärchen* (от "Schmus" (болтовня), *Sahnesösschen* (от "Ossi" (житель восточных земель), *Sahnetier* и т.д.

Используемые для образования прозвищ, суффиксы *-i* и *-(e)l* относятся к разговорно-бытовому стилю общения и выражают благожелательное, слегка

снисходительное отношение к человеку, например, Fröschel (от “Frosch”), Patzel (от “patzig“ (надменный, заносчивый)), Nerverl, Quacki (от “quackeln” (нести вздор, чепуху)), Zorni (от “Zorn” (гнев)), Hutzi (от “Hutzelmann” (гном)), Fauli (от “faul” (ленивый)).

Со стилистическим пониманием коннотации связано прагматическое, при котором подразумевается, что в коннотации фиксируются отношение говорящего или адресата к тому, о ком идет речь. Наше исследование показало, что встречаются несовпадения прагматического и семантико-стилистического значения прозвищ. Прозвища Stinki, Nudel (лапша), Stück (кусок), Oasch (bayerisch für arsch) образованы от слов сниженного регистра, являясь бранными словами. Прозвищный контекст, однако, дает право утверждать, что они являются мелиоративными (т.е. выражающими положительное отношение (оценку) к номинанту):

(1) “meine beste sprech ich mit ihrem namen an. manchmal sag ich aber auch nudel, stück, hübsche, süße, schönheit. Kommt im affect” [9].

(2) “meinen besten nenn ich auch beim namen. Meistens rutscht mir dann doch oasch (bayerisch für arsch) raus. Oder zicke, diva, dramaqueen” [9].

(3) “Stinki, Cheri, bubu, Süße, Maus.... das sind die Spitznamen meiner Allerbesten” [9].

Таким образом, прагматические коннотации можно обнаружить только в ходе коммуникации, в рамках какого-то контекста.

О. С. Ахманова наряду с понятийным ядром выделяет в значении слова «прагматическое содержание», которое включает в себя два элемента: оценочные значения и культурные ассоциации» [3, с. 34]. Е. М. Верещагин при страноведческом или культурологическом подходе коннотацию рассматривает как «добавочную информацию», соотносящуюся с национально-культурной спецификой слова [4]. Этой национально-культурной спецификой обладают, как правило, те прозвища, которые апеллируют к прецедентному тексту, прецедентному имени, ситуации, невербальному феномену, актуализируя все коннотации, связанные с соответствующим прецедентным текстом, именем, ситуацией, невербальным феноменом.

В статье «Этнокультурная специфика прецедентных имен собственных» были рассмотрены ассоциативные нормы одних и тех же прецедентных имен в разных лингвокультурах (немецкой и русской). Сопоставление этих ассоциативных норм позволило увидеть несовпадения культурных ассоциаций [2]. Приведем пример:

(4) Fritz – Fritzchen (герой анекдотов) (6); футболист Фритц Вальтер (Fritz Walter) (4); Великий Фридрих (Der grosse Fritz) (3); актер Фритц Веппер (Fritz Wepfer) (3); шутка (2), садоводство; 30 +5 +10+1.

Фритц – фашист (12); немец (7); СС, солдат (2); военнослужащий, убийца, война, акупант, чиж; 30 + 9 + 2 + 5 [2].

В словарной статье ассоциативные реакции расположены после слова-стимула в порядке убывания. Цифры в конце статьи обозначают: первая – общее

число испытуемых, вторая – количество разных ответов, третья – количество отказов от ответа на данный стимул, четвертая – количество единичных ответов.

Многие немецкие исследователи [5; 6; 7; 8] под коннотацией ИС понимают информацию о принадлежности имени к определенной социальной, возрастной, региональной группе. Существуют типичные имена служанок, горничных, типично крестьянские имена. Двойные фамилии характерны для эмансипированных и известных женщин (Sabine Rittberger-Grundmann) или для мужчин, терпимых в вопросах эмансипации (Achim Buderus-Hofauer) [5, S. 144]. Существует так называемая мода на имена того или иного поколения. Благодаря ей можно приблизительно угадать возраст человека [7, S. 136]. Имя может закрепляться за определенной региональной группой, но со временем может распространиться и в другой [5, S. 159].

Прозвища в этом случае не исключение. Прозвища, как правило, возникают внутри какой-то социальной, возрастной, региональной группе, которая характеризуется общностью профессии, интересов, условиями работы, учебы, жизни и т.д. Каждая группа языкового сообщества имеет свою специфику. Эта специфика каким-то образом обуславливает и выбор прозвища, т.е. каждая группа прибегает к своему жизненному опыту, к своим языковым ресурсам в употреблении и выборе прозвищ. Помимо этого, мотивы употребления прозвищ в различных группах различны. В ходе исследования нами были выделены следующие группы прозвищ:

- молодежные прозвища,
- семейные прозвища,
- медийные прозвища
- локальные прозвища
- этнические прозвища

Прозвища в каждой группе отличаются своими особенностями и находят свое языковое выражение. Более подробную информацию можно найти в статье [1].

Наше исследование показало, что прозвища могут функционировать как в рамках разговорно-бытового стиля, так и газетно-публицистического. Эмоционально-экспрессивные значения прозвищ это прежде всего выражение отношения к номинанту, его оценка. Эта оценка может быть мелиоративной, т.е. выражать положительное отношение (оценку) к номинанту, и пейоративной, выражающей отрицательное отношение. Стилистическая окраска прозвищ часто бывает двупланой, т.е. не только функционально-стилистической, но и эмоционально-экспрессивной. Однако не все прозвища обладают эмоционально-экспрессивной окраской. Стилистические коннотации прозвищ могут проявляться как на лексическом уровне, так и словообразовательном. Со стилистическим пониманием коннотации связано прагматическое, при котором подразумевается, что в коннотации фиксируются отношение говорящего или адресата к тому, о ком идет речь. Однако прагматические коннотации можно обнаружить только в ходе коммуникации, в рамках какого-то контекста. Национально-культурной спецификой обладают, как правило, те прозвища, которые апеллируют к прецедентному тексту, прецедентному имени, ситуации, невербальному феномену,

актуализируя все коннотации, связанные с соответствующим прецедентным текстом, именем, ситуацией, невербальным феноменом. Сопоставление ассоциативных норм одинаковых имен в разных лингвокультурах позволило увидеть несовпадения культурных ассоциаций. Поскольку прозвища возникают внутри какой-то социальной, возрастной, региональной группе, они отличаются своими функционально-прагматическими особенностями и находят свое языковое выражение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аблова Н. А. Стилистический анализ немецких прозвищ // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – № 32(70): Аспирантские тетради. Ч 1. Общественные и гуманитарные науки. – СПб., 2008. – С. 16–21.
2. Аблова Н. А. Этнокультурная специфика прецедентных имен собственных // Социокультурные проблемы современного человека: материалы 4 Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2011. – Ч. 2. – С. 168–170.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
4. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. – М. : Русский язык, 1980. – 320 с.
5. Eichler E. Namenforschung. Ein internationales Handbuch zur Onomastik . – Bd. 1. – Berlin, New York: de Gruyter, 1996. – 264 S.
6. Sandig B. Namen, Stil(e), Textsorten // Namenforschung. Ein internationales Handbuch zur Onomastik. – Bd.1. – Berlin, New York: de Gruyter, 1995. – S. 539-551.
7. Seibicke W. Vornamen. – Wiesbaden: Verlag für Deutsche Sprache, 1977. – 234 S.
8. Werner O. Pragmatik der Eigennamen // Namenforschung. Ein internationales Handbuch zur Onomastik. – Bd.1. – Berlin, New York: de Gruyter, 1995. – S. 476-484
9. (...zum Thema “Wie nennt ihr euren Freund?”) Habt ihr auch Kosenamen für eure beste Freundin/euren besten Freund? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.erdbeerlounge.de/forum/lifestyle/zum-thema-wie-nennt-ihr-euren-freundhabt-ihr-auch-kosenamen-fuer-eure-bestefreundineuren-besten-freund/>

© Н. А. Аблова, 2017

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОТРЕБНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЯХ В РАМКАХ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «КУЛЬТУРА РЕЧИ И ДЕЛОВОЕ ОБЩЕНИЕ»

Наталья Геннадьевна Морозова

Новосибирский государственный университет экономики и управления, 630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и гуманитарных наук, тел. (383)243-95-05, e-mail: ngm_2006@mail.ru

В статье рассматриваются теоретико-методологические основы современных образовательных технологий высшей школы, особенности проведения семинарских занятий в вузе, обосновывается проблема взаимосвязи языковой и профессиональной компетенции студентов.

Ключевые слова: образование, образовательный процесс, технологии обучения, культура речи, деловое общение, коммуникативная компетенция, профессиональные компетенции.

THE ACTUALIZATION OF THE NEEDS FOR PROFESSIONAL COMPETENCES IN THE FRAMEWORK OF THE DISCIPLINE «CULTURE OF SPEECH AND BUSINESS COMMUNICATION»

Natalya G. Morozova

Novosibirsk State University of Economics and Management, 630099, Russia, Novosibirsk, Kamenskaya St., 56, Ph. D., Associate Professor of department of philosophy and Humanities, tel. (383)243-95-05, e-mail: ngm_2006@mail.ru

The article considers theoretic-methodological basis of modern educational technologies in higher school, features seminars at the University. The article considers the problem of interrelation of language and professional competence of students.

Key words: education, educational process, technology of training, culture of speech, business communication, communicative competence, professional competence.

Для реализации эффективной образовательной деятельности необходима личная заинтересованность как преподавателей, так и осмысленное желание студентов приобрести новые знания и навыки.

Современное образование непрерывно совершенствуется, в т.ч. в части используемых в учебном процессе методов и технологий. Переход на стандарты нового поколения в вузе поставил научно-педагогических работников перед острой необходимостью пересмотра и более тщательного отбора используемых образовательных технологий. Новая конъюнктура рынка, тотальная информатизация общества требуют от студентов овладения особыми качествами – качествами специалистов, способных выявлять и анализировать проблемные ситуации, возникающие в профессиональной деятельности, в кратчайшие сроки предлагать максимально результативные пути и способы решения возникающих проблем.

Методологическую базу инновационных образовательных технологий в современной высшей школе составляют уже достаточно зарекомендовавшая

себя концепция контекстно-ситуационного обучения [1] и подход личностно ориентированного обучения, основанного на идее интерактивных взаимодействий обучающего и обучающихся, стабильно и прочно вошедший в педагогическую практику (см. например, статьи С.С. Жданова [2; 3]).

Дисциплина «Культура речи и деловое общение», преподаваемая на первом курсе ФГБОУ ВО «НГУЭУ» таких направлений обучения, как «Экономика», «Менеджмент», «Управление персоналом», «Международные отношения» и др., одновременно с историей, социологией, иностранным языком, культурологией и пр. дисциплинами базовой части, создает основу восприятия профильных дисциплин, отвечающих за формирование общепрофессиональных и профессиональных компетенций обучающихся. При правильной постановке и акцентировке образовательных целей данные курсы не просто реализуют структурно-логические связи рабочего учебного плана конкретного направления обучения, но становятся значимым контекстом, активизирующим познавательную деятельность студентов, стимулирующим их социокультурное развитие (о постановке и решении проблемы социокультурного развития в контексте вузовского образования см., например, работу А.Н. Завьяловой [4]). Обязательное условие - использование интерактивных методов обучения с учетом индивидуально-психологических и иных свойств личности студента, потенциала его творческого мышления для развития необходимой парадигмы качеств и свойств, ассоциируемых с будущей профессией (специализацией).

Для последовательного развития коммуникативных способностей, навыков аналитической деятельности в рамках изучения дисциплины «Культура речи и деловое общение» необходима корректировка содержательно-логического наполнения аудиторного занятия, репрезентация связи последнего с ситуациями будущей профессиональной деятельности. Результативность занятия напрямую связана с наличием / отсутствием фактора интереса со стороны обучающихся, базирующимся на осознании нужности, полезности формируемых знаний, умений и навыков индивидуально каждым из студентов.

Интерактивное обучение, как известно, строится на творческом продуктивном мышлении и общении. Работа на занятии в этом случае выстраивается не вокруг некоего информационного блока, сформулированного и обозначенного преподавателем, а отталкивается от проблемной ситуации, соотнесенной с будущей профессиональной деятельностью студента. Таким образом, обучающиеся активно включаются в учебный процесс, прочно ассоциируемый с овладением профессиональными компетенциями. Сама деятельность студентов в рамках семинарского занятия приобретает специфические черты будущей профессиональной сферы.

Решение практических (ситуационных) задач (например, моделирование тематически определенных ситуаций делового общения, составление планов деловых переговоров, проектов документов, определение и подбор наиболее эффективных коммуникативных стратегий и тактик для конкретной ситуации профессиональной деятельности) позволяет развить аналитические и творче-

ские способности обучающихся, повышает ценность получаемого образования в глазах студентов, поддерживает заинтересованное отношение к профессии.

Такая «визуализация» информации помогает студентам не только лучше запоминать новое – переносить полученные сведения из кратковременной в долговременную память, – но и ускорять процесс обучения в целом за счет опоры на творческие способности.

Безусловно, заслуживает внимания метод «кейс-стади» – образовательная технология, основанная на использовании проблемы из реальной экономической, социальной сферы или сферы бизнеса. Студенты должны исследовать предложенную им ситуацию, разобраться в сути проблемы, предложить возможные варианты ее решения, ранжировать их и выбрать из них наиболее адекватный и перспективный. Особенностью технологии – коллективный анализ предложенной проблемы на основе данных кейса. Центральным звеном обсуждений становится совместная аналитическая деятельность студентов, позволяющая актуализировать их знания. В российских вузах данный метод широко используется для решения бизнес-кейсов в рамках освоения профильных предметов на старших курсах обучения.

В процессе изучения дисциплины «Культура речи и деловое общение» целесообразно использовать два типа кейсов: практические, которые отражают ситуации из реальной жизни, и обучающие, основной целью которых является обучение.

Как справедливо отмечают Н.М. Панькова и Н.Н. Кабанова: «Использование метода кейс-стади обеспечивает интерес к заданной проблеме, формирует правильные профессиональные умения, обеспечивает подготовку специалиста, способного грамотно мыслить и принимать оптимальные решения, с высокой эффективностью помогает решить образовательные задачи. Данный метод может использоваться в различных образовательных программах» [5].

Обязательным завершающим этапом выполнения проблемных заданий является организация рефлексии студентов по поводу результатов своей деятельности. Рефлексирование направляется вопросами преподавателя:

- Насколько сложным для выполнения было предложенное задание и почему?

- Что вызвало наибольшие затруднения? Чем это, на ваш взгляд, обусловлено?

- Каких знаний / умений / навыков вам не хватало в процессе выполнения задания? Как они связаны с вашими представлениями о специалисте из сферы вашего направления обучения (требованиях, к нему предъявляемых, и идеальных качествах, которыми он должен обладать)? Как можно компенсировать выявленную нехватку знаний / умений / навыков?

- Какие задачи вы можете поставить перед собой по результатам выполнения данного задания? Как связаны они с конечной целью вашего обучения в вузе?

Для актуализации перспективной области учебной деятельности обучающихся возможно изменение логической последовательности отдельных заданий (изучаемых тем). Применение проблемных методов обучения (эвристического,

частично-поискового и др.) для формирования способности к деловой коммуникации на русском языке в профессиональной сфере диктует определенную логико-тематическую последовательность курса и необходимость использования на занятиях мультимедийного оборудования. Использование мультимедиа, помимо тренировки зрительной памяти и отработки навыков контроля письменной речи, позволяет решить сразу несколько задач:

- создание у обучающихся представления о реальном жанрово-видовом разнообразии деловой документации путем демонстрации отсканированных образцов деловой переписки, организационно-распорядительных документов, личных деловых бумаг и т.д.;

- формирование навыка жанрово-стилистического анализа текстов на предмет соответствия языковым нормам и требованиям официально-деловой письменности;

- освоение алгоритма поиска и устранения речевых ошибок, технологии улучшения текста документа.

Обучающие кейсы должны быть дифференцированы по формам деловой коммуникации (устная / письменная), видам общения (прямое / опосредованное), совершенствуемым видам речевой деятельности (говорение / слушание / чтение / письмо) и т.д. Так, для формирования навыков устной профессиональной коммуникации целесообразно использовать задания на моделирование конкретных ситуаций служебно-делового общения, ситуаций публичных выступлений (при заданных параметрах, например, аудитории, темы, личности оратора и т.п.), задания на развитие активного (критического) слушания. На начальных этапах формирования навыков письменной деловой коммуникации студентам может быть предложено составление отдельных предложений с использованием определенного количества клише и языковых формул. Данные предложения должны носить характер «фраза из документа», т.е. быть соотносены с контекстом документа определенного жанра, а значит объективно отражать некую управленческую ситуацию.

Комплексное использование на семинарских занятиях по дисциплине «Культура речи и деловое общение» практических и обучающих кейсов – проблемных задач из сферы будущей профессиональной деятельности позволяет:

- реконструировать структуру лексикона представителей определенной профессиональной среды: тематические группы лексики, ее оценочность и возможная экспрессия;

- создать у студентов представление о структуре, содержании и качествах профессиональной речи, границах допустимого на вербальном и невербальном уровнях в профессиональной деловой коммуникации;

- сформировать представление о типичных ситуациях служебно-делового общения и документах, в которых они находят отражение, о последовательности и этапах процесса документирования;

- прояснить этические нормы и требования профессиональной среды.

В ходе решения практических (ситуационных) задач перед студентами неизбежно встает проблема нехватки информации о специфике профессионального делового общения по следующим содержательным аспектам:

- где? – условия протекания делового общения;
- кто? – ситуативные роли и общий перечень участников;
- как? - способы и формы осуществления общения;
- посредством чего? – обязательные к задействованию вербальные и невербальные ресурсы;
- зачем? для чего? – конкретные результаты, последствия конкретной деловой коммуникации.

Таким образом, актуализация потребности в профессиональных компетенциях (знаниях, умениях, навыках) становится стимулом к формированию устойчивой мотивации к изучению как данной дисциплины, так и остальных курсов образовательной программы по направлению обучения по соотнесенности формируемых ими компетенций с требуемыми профессиональными качествами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. – М. : Высшая школа, 1991. – 207 с.
2. Жданов С. С. Видео как средство наглядности при представлении иноязычного лингвострановедческого материала // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2015. XI Междунар. науч. конгр. : Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность» : сб. материалов в 2 т. (Новосибирск, 13–25 апреля 2015 г.). – Новосибирск : СГУГиТ, 2015. Т. 2. – С. 54–60.
3. Жданов С. С. Интерактивная доска как элемент информационно-коммуникационных технологий в обучении иностранным языкам // Филологические науки. Вопросы теории и практики. –2015. – № 11-2. – С. 60–63.
4. Завьялова А. Н. Социокультурная компетенция как неотъемлемый компонент коммуникативной компетенции // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе: сб. науч. тр. – Новосибирск, 2014. – С. 183–187.
5. Панькова Н. М., Кабанова Н. Н. Современные образовательные технологии в вузе [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2015. - № 3 (часть 3). – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23746> (дата обращения – 14.02.2017).

© Н. Г. Морозова, 2017

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РЕЙНУ: ГЕЙНЕ – ЧЕРНЫЙ (К ИСТОРИИ МОТИВА)

Сергей Сергеевич Жданов

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой языковой подготовки и межкультурных коммуникаций, тел. (383)343-29-33, e-mail: fstud2008@yandex.ru

В статье рассматривается мотив путешествия по Рейну из стихотворения Саши Черного «На Рейне» в аспекте литературных связей с творчеством Генриха Гейне. В частности, исследуются черты описания художественного пространства, характерные для обоих поэтов: соединение лирического и сатирического начал, романтическое двоемирие, которое предполагает противопоставление поэтического (духовного, а также космополитичного, вненационального) и филистерского (и одновременно узконационального) локусов.

Ключевые слова: рецепция, романтизм, Германия, Гейдельберг, Рейн, Лорелея, Генрих Гейне, Саша Черный.

JOURNEY ALONG THE RHINE: HEINE – CHORNY (TO THE HISTORY OF A MOTIF)

Sergey S. Zhdanov

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 630108, Russia, Novosibirsk, 10 Plakhotnogo St., Ph. D., Associate Professor, Head of Language Training and Intercultural Communications Department, tel. (383)343-29-33, e-mail: fstud2008@yandex.ru

The article deals with a motif of journey along the Rhine represented in Sasha Chorny's rhyme "At the Rhine" which is analyzed in the aspect of connection with Heinrich Heine's works. In particular the author studies features of describing the literature space characteristic of the both poets: a combination of a lyric and a satiric element, the romanticist bi-worldness which presupposes an opposition of an poetic (spiritual as well as cosmopolitan, non-national) and a philistine (as well as raw national) locus.

Key words: reception, Romanticism, Germany, Heidelberg, the Rhine, Lorelei, Heinrich Heine, Sasha Chorny.

Творчество Г. Гейне оказало сильное влияние на русскую литературу. Еще в середине позапрошлого столетия Д.Д. Минаев свидетельствовал: «...никому из иностранных поэтов не посчастливилось так в русской литературе, как Гейне», чьи мысли, «...постоянно являются в наших журналах и газетах; мы не знаем почти ни одного русского поэта, который бы не перевел... стихотворений из Гейне» [8]. О продолжении гейневской традиции и в XX веке пишет В.В. Иванов, замечая, что «столетие от Тютчева и Лермонтова до Блока прошло под знаком Гейне» [3, с. 431]. Разумеется, этот аспект нашел отражение в литературоведческих работах, среди которых есть исследования, посвященные как переводам произведений Г. Гейне на русский язык [1], [5], [13], так и в целом рецепции творчества немецкого художника в отечественной литературе [12].

В то же время практически не отраженным в исследованиях является вопрос влияния традиции Гейне на такого представителя русской поэзии Сереб-

ряного века, как С. Черный. Между тем влияние это не может быть поставлено под сомнение. Тот же В.В. Иванов указывает на гейневскую линию в русской сатирической поэзии, обретшую «новую силу в поэзии сатириковцев» [3, с. 437], к которым можно отнести и С. Черного, хотя его творчество, разумеется, не исчерпывается временем сотрудничества с «Сатириконом». Современники подмечали это «родство таланта Саши Черного и великого немецкого поэта-романтика и ирониста», нередко называя поэта «русским Гейне» [14, с. 440]. Последний не только писал стихи, напомиравшие гейневское творчество, но и переводил поэзию немецкого предшественника. Согласно А.И. Куприну, «Гейне был всегдашним любимейшим писателем Саши Черного, который, без всякого намека на подражание, как бы вдохнул в свою поэзию животворное дыхание автора "Атта Троль" и "Северного моря"» [6]. При этом, по мнению же В.Д. Миленко, особую роль в разворачивании этого диалога поэтов сквозь время и пространство сыграла поездка С. Черного в Германию, в Гейдельберг, на Рейн, где российский поэт, как считает исследовательница, совершает для себя «подлинное открытие» Гейне, переживая «важнейший для художника момент узнавания себя в другом» [7, с. 69].

Не стремясь охватить все многообразие смысловых связей между творчеством немецкого и русского поэтов, в рамках данного исследования мы остановимся именно на анализе рейнского топоса в стихотворении С. Черного «На Рейне» в его соотнесенности с произведениями Г. Гейне. Данный топос выступает одним из ключевых в немецкой литературе и, в частности, в немецком романтизме. Именно на рейнских берегах возник гейдельбергский романтизм, связанный с именами К. Brentano и Л.А. фон Арнима. В 1802 году они, будучи гейдельбергскими студентами, совершили плавание по Рейну, записывая фольклорные песни, чтобы затем, обработав их, опубликовать в сборнике «Волшебный рог мальчика», в который в том числе вошла Brentanovskaya версия «Лорелей» и к темам и образам которого впоследствии обращался Г. Гейне. В то же время гейдельбергский романтизм, по замечанию В.А. Пронина, содержал в себе проповедь «немецкой национальной исключительности» [11, с. 173].

В этом плане творчество Г. Гейне, который «считал себя последним поэтом романтизма и первым его критиком» [12, с. 10], принимает противоположное направление. Оно опирается на позиции космополитического гуманизма, на представление о наднациональном братстве свободомыслящих людей, поэтому разного рода националисты предстают у Г. Гейне «в убийственно смешном виде» [12, с. 13]. Рассогласование идеала и реальности ведет к иронии, свойственной в целом поздним романтикам. Отсюда корни романтического двоемирия, которое проходит через само сознание художника, «раздвоение» его мысли [3, с. 437] на лирическое и сатирическое видение мира: «...все видится ему как бы в двойном освещении», смешное – в страшном и печальное – в смешном [12, с. 13-14]. При этом как сам Г. Гейне, так и его читатели рефлексировали связь немецкого поэта с Рейном. Сравните, например, мнение Г. Белля, который «...видел в Гейне скорее уроженца Рейна <...> его смесь бесстыдства и благочестия... в большей степени рейнская, чем еврейская» [4, с. 6].

Таким образом, весь этот литературный бэкграунд, включающий как гейдельбергский романтизм, так и в особенности поздний романтизм Г. Гейне, необходимо учитывать при анализе стихотворения «На Рейне». При этом следует принять во внимание особое заключительное положение данного произведения в стихотворном цикле «У немцев». По мнению А.С. Иванова, С. Черный, создавая этот цикл, стремился составить «поэтический бедкер отнюдь не по Германии, а по некоей империи зла, каким ему представилось цивилизованное общество зарубежья» [2, с. 26]. По нашему же мнению, исследователь прав лишь отчасти, поскольку именно Германия, если обратиться к традиции русской литературы, была прочно связана с представлениями о филистерстве. Так, по свидетельству младшего современника С. Черного В.В. Набокова, Германия для русской интеллигенции была «страной, где пошлость... стала одним из ведущих качеств национального духа, привычек, традиций и общей атмосферы...» [9, с. 74]. Таким образом, заключительное в цикле стихотворение «На Рейне» синтезирует значительную часть русского культурного опыта о Германии, одновременно преломляя его через «призму» творчества Г. Гейне.

Сама ситуация, описываемая в стихотворении «На Рейне», а именно столкновение идеального и профанного пространств, характерна для двоемирия позднего романтизма и в частности гейневских произведений. Как пишет В.Д. Миленко, филистеры, за полвека до путешествия С. Черного «выводившие из себя» Г. Гейне, теперь возмущают и российского поэта [7, с. 70].

Филистерский мир – это мир обезличенных толп, посредственностей без намека на индивидуальность, в описании которых преобладают физиологически-телесные или функционально-служебные характеристики и используются в основном множественное число или собирательные существительные: «размокшие от восклицаний самки», «мужья в патриотическом азарте», «лакеи», «глухие старички», перегруженные лососиной «Лорелеи», «плавучая конюшня» [14, с. 253], «немец длинный», «упитанный восторженный шаблон» [14, с. 254]. Действия филистеров описываются негативно с использованием просторечий: немцы-обыватели, «облизываясь, плятятся на Рейн»; «тянут, как сапожники, рейнвейн»; «расстегивают крючки» платьев, которые уже не могут сдерживать распирающую во все стороны из-за обжорства телесность; «пыжатся» на иностранцев; «чиркают» по карте «карандашиками»; гремят посудой; «носятся»; «сюсюкают» [14, с. 253]; «крикливо» шумят [14, с. 254]. Одним словом, это пространство суеты, национальной спеси и физиологичности чрезвычайно «раздражает» [14, с. 254] русского героя. В гротескности своего изображения оно напоминает о средневековом образе корабля дураков.

Второй, возвышенно-романтический, мир представляет собой соединение природного, фантастического и литературного пространств. Сфера духа пронизывает материальность, приводя к одушевлению природы, которая наполняется музыкой – искусством, столь ценным романтиками. Пение рейнских волн, напоминая об истинной, не-филистерской Лорелее, становится лейтмотивом второй части стихотворения: «Зелено-желтая вода поет и тает...»; «Волна поет...»; «Рокочет за кормой вспененная вода»; Рейн – «изменчив и певуч», «весь

туманный крик» [14, с. 254]. С музыкальностью речных вод связан и мотив танца: «...в пене волн танцуют жемчуга» [14, с. 254].

Мир филистеров развертывается по горизонтали. Он проявляет волю к пространственному расширению-разбуханию как в плане телесности, так и в плане географического охвата, когда пыжающиеся немцы отмечают на карте названия «особо пышных мест» [14, с. 253]. В сведенных в одном предложении глаголе «пыжиться» и прилагательном «пышный», на наш взгляд, проступает общая идея разбухания. Отметим и такой маркер филистерского пространства, как «плоские слова» [14, с. 254]. В мире же романтическом присутствует вертикаль как необходимый мифопоэтический элемент связи различных миров: в «разрыве» тумана «кручи буйных скал» (движение вверх); «темнеющих лесов безумные лавины» (движение вниз); «далеких облаков янтарно-светлый вал» («верхний» мир); «сбежались виноградники к реке» (снова движение вниз); «На голову скалы взлетевший мощным взлетом сереет замок-коршун вдалеке» (движение вверх). Таким образом, взор созерцателя (а значит, и сам созерцатель) находится в беспрестанном движении по «русским» горкам¹ то вверх, то вниз, что подчеркивает роль героя как медиатора и в то же время соответствует мотиву плавания, т.е. движению по волнам.

Медиационными локусами также служат пространство самого корабля, на котором сталкиваются немецкий филистерский мир «восторженного шаблона» и романтический мир русского героя, а также локус замка, сначала мнящийся созерцателю-романтику коршуном, а потом, при приближении взгляда, оказывающийся жилищем не какого-нибудь героического рыцаря, а вполне прозаического «длинного» немца. Место же флагов на замке занимают сатирически сниженные «пунцовые перины» [14, с. 254], которые вывесили для проветривания. Вообще, в духе романтизма пространство стихотворения С. Черного заполнено двойниками, снижающими высокий образ: поющий Рейн – пьющие Лорелеи; разглядывающий в морской бинокль замок русский герой-мечтатель – смотрящий сквозь монокль на Рейн «длинный» немец и плящущийся «восторженный шаблон». Амбивалентным оказывается, наконец, сам образ Рейна. С одной стороны, наделенный романтическими характеристиками «светло-прекрасный», «свободный и тоскливый», «неясный и кипучий, «мечтательно-опасный» Рейн со «смелым склоном», «диким лесом», «цветным потоком», «глухим порывом» [14, с. 254]. В этой кажущейся противоречивости эпитетов («светло-прекрасный» – «туманный», «неясный») проявляется поэтический дух романтизма, не страшщийся парадоксов и гротеска. С другой стороны, «немецкий Рейн» из пива и колбас, Рейн «гадкой прозы» [14, с. 254], Рейн туристических карт и путеводителей с перечислением мест, которыми следует восторгаться «восторженному шаблону». Этот Рейн ясен и определен, в нем нет

¹ Те же «горки», перенесенные в проекции на плоскость, оборачиваются извилами речного русла, когда за каждым поворотом открывается новое зрелище, а также мотивом «отворачивания» героя от филистеров, т.е. отгораживания от их пространства: «Плавучая конюшня раздражает! Отворотись, смотри на берега» [14, с. 253].

места чудесному: «От ваших плоских слов, от вашей гадкой прозы исчез мой дикий лес, поблек цветной поток...» [14, с. 254]. В этой двойственности взгляда, которому открыто высокое и низкое, прекрасное и безобразное, русский герой подобен героям стихотворений Гейне и позднего романтизма в целом. Мечтатель-путешественник С. Черного еще и медиатор в том смысле, что в нем сопрягаются эти миры, природные, человеческие, литературные: «Гримасы и мечты, сплетаясь, бились в Рейне, таинственный туман свил влажную дугу. Я думал о весне, о женщине, о Гейне и замок выбирал на берегу» [14, с. 254].

В этой заключительной строфе стихотворения, согласно О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевичу, заключен своеобразный итог «русской пародийно-сатирической поэзии второй половины XIX–начала XX века» [17, с. 161] – поэзии, которая, как говорилось выше, прошла под знаком Г. Гейне. Таким образом, стихотворение С. Черного подытоживает и гейневскую линию в русской поэзии XIX столетия. Так, мотив тумана у российского поэта («Ползет туман задумчиво-невинный»; «Таинственный туман свил влажную дугу» [14, с. 254]), с одной стороны, может рассматриваться как продолжение традиции «Германии туманной», заложенной В.А. Жуковским [17, с. 57]. С другой – образ волшебного тумана встречается и у Г. Гейне в «Книге песен» в стихотворении, посвященном плаванию мимо острова духов: „Dort klangen liebe Töne, und wogte der Nebeltanz“ [15] (Там раздавались прелестные звуки, и туман плыл в танце²). В том же гейневском сборнике есть и стихотворение-воспоминание об идиллическом плавании по Рейну «Wie der Mond sich leuchtend dränget...» [15]. В отличие от произведения С. Черного, в нем мир реки и мир людей находятся в гармонии: Lauten klangen, Buben sangen, wunderbare Fröhlichkeit! Und der Himmel wurde blauer, und die Seele wurde weit (Голоса звучали, дети пели, чудесное веселье! И небо голубело, и на душе становилось свободно). Причина этой гармонии заключается в наличии возлюбленной героя, в чьих глазах отражался весь мир: горы и замки, лес и речная долина – прием, характерный для романтизма, стремящегося сосредоточить в самом человеке-микрокосме универсум. В стихотворении же С. Черного женские образы снижены: Лорелея превратилась в «размокшую от восклицаний» самку, лишь намеком на былую гармонию в заключительных строках упоминаются думы о женщине. Сатирической «эрозии» подвергается и гейневский мотив рейнвейна. Если у Г. Гейне в поэме «Германия. Зимняя сказка» вино заставляет героя бродить по старому Кельну и вспоминать его историю, то в стихотворении С. Черного рейнвейн ведет к чисто физиологическому состоянию опьянения – филистеры «хлещут рейнвейн, как сапожники».

При этом и немецкий, и российский поэт выступают против романтической сентиментальщины или национальной пропаганды, которые опошляют образ реки. Герой Г. Гейне беседует об этом с самим отцом-Рейном, который жалуется, что Николас Беккер в своей песне превратил его в непорочную деву. Герой С. Черного высмеивает самок-филистерш и прочий «восторженный шаб-

² Здесь и далее перевод с нем. наш – С.Ж.

лон», которые могут только бессмысленно восклицать «Ах, волны! Ах, туман! Ах, берега! Ах, замки!» [14, с. 253]. Российский поэт отказывает им в их притязаниях на Рейн: «Ваш Рейн? Немецкий Рейн? Но разве он из пива, но разве из колбас прибрежный смелый склон? <...> Нет, Рейн не ваш!» [14, с. 254]. Со второй половины XIX века, т.е. с начала формирования единого германского государства, русская словесность начинает констатировать, что «Германия политическая» заменяет «Германию философскую», в результате чего обобщенное представление о благодушном увальне, немце-Михеле, сменяет «образ до зубов вооруженного солдата», угрожающего всеобщему миру и спокойствию [10, с. 111]. В стихотворении С. Черного «На Рейне» мотив националистической военной Германии проявляется по-разному: это и пыжащиеся на иностранцев мужья Лорелей, и дымящие и грохочущие на артиллерийском лугу пушки, приходящие в диссонанс с пением Рейна. Здесь поэт выражает гуманистическую мысль о всеобщности реки как культурного локуса, принадлежащего всем людям духа, вступая тем самым в диалог со своим немецким предшественником, написавшим в предисловии к сочинению «Германия. Зимняя сказка»: «...я никогда не уступлю Рейн французам уже по той простой причине, что Рейн принадлежит мне... я свободный сын свободного Рейна...» [16].

Итак, в стихотворении С. Черного «На Рейне» присутствует множество гейневских реминисценций. Это, наряду с прямым упоминанием немецкого поэта в последних строках произведения, и концепция романтического двоемрия, и сатирически сниженные образы, встречающиеся у Г. Гейне (Лорелея, рейнвейн), и, наконец, объединяющая художников идея общего Рейна как пространства свободных людей, далеких от национализма. Думается, что число таких фактов рецепции будет расширено в ходе дальнейших исследований, посвященных гейневскому влиянию на творчество С. Черного.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ачкасов А. В. Лирика Гейне в русских переводах 1840-1860-х годов. – Курск : Изд-во КГУ, 2003. – 198 с.
2. Иванов А. С. Оскорбленная любовь // Черный С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Сатиры и лирика. Стихотворения. 1905-1916. – М. : Эллис Лак, 1996. – С. 5–30.
3. Иванов В. В. Гейне в России // Копелев Л. Поэт с берегов Рейна. Жизнь и страдания Генриха Гейне. – М. : Прогресс-Плеяда, 2003. – С. 431–450.
4. Копелев Л. Поэт с берегов Рейна. Жизнь и страдания Генриха Гейне. – М. : Прогресс-Плеяда, 2003. – 512 с.
5. Котова Ю. С., Чайковский Р. Р. Поэтическая концепция стихотворения Г. Гейне «Лорелея» в трактовке российских переводчиков (1839–2016 гг.) // Вестник Северо-Восточного университета. – 2016. – № 26. – С. 27–31.
6. Куприн А. И. О Саше Черном и его книгах [Электронный ресурс]. – URL: <http://cherny-sasha.lit-info.ru/cherny-sasha/articles/kuprin-o-sashe-chernom-i-ego-knigah.htm> (дата обращения: 01.03.2017).
7. Миленко В. Д. Саша Черный: Печальный рыцарь смеха. – М. : Молодая гвардия, 2014. – 366 с.
8. Минаев Д. Д. «Русский Гейне» [Электронный ресурс]. – URL: http://knigolubu.ru/russian_classic/minaev_dd/russkiy_geyne.9717 (дата обращения: 01.03.2017).

9. Набоков В. В. Наш господин Чичиков // Набоков В. В. Лекции по русской литературе. – М. : Независимая газета, 2001. – С. 72–105.
10. Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). – М. : ИВИ РАН, 2000. – 210 с.
11. Пронин В. А. История немецкой литературы : учеб. пособие. – М. : Университетская книга; Логос, 2007. – 384 с.
12. Пронин В. А. Поэзия Генриха Гейне: генезис и рецепция. – М. : Наука, 2011. – 244 с.
13. Филатова О. М. Лингвоэстетическое исследование интерпретаций поэтического текста: на материале переводов стихотворения Г. Гейне «Ich weiss nicht, was soll es bedeuten...»: дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2007. – 210 с.
14. Черный С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Сатиры и лирика. Стихотворения. 1905-1916 / Сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. – М. : Эллис Лак, 1996. – 464 с.
15. Heine Н. Buch der Lieder [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/3498/pg3498-images.html> (дата обращения: 01.03.2017).
16. Heine Н. Deutschland. Ein Wintermärchen [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/6079/pg6079-images.html> (дата обращения: 01.03.2017).
17. Lebedeva O. B., Januškevič A. S. Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2000. – 276 S.

© С. С. Жданов, 2017

КОММУНИКАЦИЯ В РАМКАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМ

Ирина Владимировна Гаузер

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, ассистент кафедры языковой подготовки и межкультурных коммуникаций, тел. (383)343-29-33, e-mail: gauzeririna@gmail.com

В статье рассматриваются представления о коммуникации в различных социологических и культурологических теориях. Анализируя данные концепции, автор стремится учесть их сильные и слабые стороны, а также установить объединяющий их элемент, который состоит в признании конституирующей роли коммуникации для социокультурных систем.

Ключевые слова: коммуникация, диалог культур, интеракционизм, экзистенциализм, Н. Луман, У. Эко, М. Мак-Люэн, А. Моль.

COMMUNICATION AS PART OF SOCIOLOGICAL AND CULTURAL PARADIGMAS

Irina V. Gauzer

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 630108, Russia, Novosibirsk, 10 Plakhotnogo St., Teaching Assistant of Language Training and Intercultural Communications Department, tel. (383)343-29-33, e-mail: gauzeririna@gmail.com

The article deals with the ideas of communication in different sociological and cultural theories. By analyzing the concepts the author considers their strengths and weaknesses and aims to identify their linking element, which consists in acknowledgment of the constitutive role of communication for sociocultural systems.

Key words: communication, dialogue of cultures, interactionism, existentialism, N. Luhman, U. Eco, M. McLuhan, A. Moles.

В современном гуманитарном знании все шире затрагиваются вопросы коммуникации. Это могут быть, например, диалог «своего» и «чужого» в художественной литературе [3] или живописи [4], межкультурные взаимодействия на основании культурных универсалий [9] или коммуникативные аспекты дидактики [8]. В то же время само понятие коммуникации еще не достаточно терминологически определено и требует, на наш взгляд, дальнейшей разработки. В рамках данной работы мы рассмотрим представления о коммуникации в рамках различных социологических и культурологических концепций.

Так, в начале XX века проблема коммуникации затрагивается интеракционистами, ставящими в центр своей теории понятие межиндивидуального взаимодействия, которое является основанием, конструирующим индивида и общество. «Редуцированным взаимодействием, существующим в опыте индивидов» [11] выступает значение индивидуального действия, воспринимаемое окружающими. Интеракционисты сводят рассмотрение коммуникации к межиндиви-

дуальному и групповому взаимодействию, оставив за рамками остальные ее проявления.

Экзистенциалистская парадигма рассмотрения коммуникации представлена в работах К. Ясперса. Он считает последнюю ключевой составляющей в человеческом существовании, декларируя ее всеобщность в общечеловеческом масштабе: «Исторический процесс – это непрерывное преобразование условий, знания, содержания в их непосредственном явлении, но такое преобразование, при котором возможно и необходимо отношение всего ко всему, связь традиций, всеобщая коммуникации» [14, с. 72]. В работах К. Ясперса происходит расширение понятия коммуникации до всемирно исторических масштабов. Таким образом, коммуникация у него рассматривается помимо синхронического, еще и диахроническом аспекте. При этом конкретные механизмы информационной передачи остаются вне рассмотрения.

Социологи рассматривают проблему коммуникации применительно к понятию общества. Н. Луман мыслит последнюю в центре глобальной социальной системы. Коммуникацию исследователь определяет как операцию, «...в ходе которой производится и воспроизводится общество» [5, с. 72]. Процесс коммуникации носит конкретно-исторический характер и зависит от временного контекста. Н. Луман вводит понятие «аутопойезиса», или самовоспроизводства, подчеркивая возможность самопорождения коммуникации. В коммуникации социолог выделяет три элемента: сообщение, информацию, обладающую свойством антиципации (предвосхищения) сообщения, и понимание, имеющее ретроспективный характер, то есть доступное уже после передачи сообщения. Утверждая в продолжение интеракционистской парадигмы роль коммуникации в конструировании общества, Н. Луман в то же время выводит понятие смысла за рамки коммуникации, делая его медиумом, отмечающим при определении операций коммуникации не принадлежащее системе.

Рационалистский подход к проблеме коммуникации акцентируется в теории информационного общества Д. Белла [1]. Согласно ему, информационная революция привела к изменению общества, где средства массовой информации – единственный источник и стимул общественного развития. Чтобы стать общественным вкладом, текст (в широком понимании слова) должен быть опубликован. В информационном обществе наблюдается увеличение количества информации, а также специализация знания. «Сама информация при этом рассматривается как основа развития и существования культуры и всех культурных ценностей» [10, с. 9]. Недостатком данного подхода можно считать абсолютизацию роли средств массовой информации, а также односторонность информационного аспекта коммуникации, направленного в сторону потребителя.

Иррационалистский же подход, напротив, берет за основу теорию понимающей социологии. «Переживание мной мира в опыте обосновывается и корректируется переживанием мира в опыте другими, теми, с кем я связан общим знанием, общей работой, общим страданием» [12, с. 102]. В основе этой кон-

цепции лежит идея понимания. Социальный мир подлежит смысловой интерпретации, и в нем для действий субъектов, как полагает А. Шютц, имеется общая система координат. Существует понимание естественное – происходящее путем соотнесения фактов – и социальное, когда социальную ситуацию необходимо свести к деятельности, а деятельность соотнести с мотивами, которые А. Шютц определяет как «большие субъективные системы» [12, с. 105]. Элементы в системе поддаются типизированию. Зная как можно большее их количество, можно делать выводы о действиях другого. Через такую субъективную интерпретацию происходит понимание. Субъективность, по мнению А. Шютца, является гарантией того, «что мы действительно имеем дело с реальным жизненным миром всех нас» [12, с. 110]. Не отрицая опоры на типическое, А. Шютц говорит о важности субъективного опыта. При этом он сводит коммуникацию к человеческой деятельности.

Изучением интерпретаций, неосознаваемых механизмов коммуникации занимается и этнометодология, которое рассматривает социальное взаимодействие в качестве речевой коммуникации. Понимание субъектами своих действий происходит благодаря языку и невербальным сигналам, актуализирующим значения. Этнометодологи полагают, что в фоновые значения коммуникации содержат больше существенной информации, чем вербальные сигналы. Социокультурное знание, связанное с речевыми единицами, входит в сферу изучения этнометодологии также, как и социальная дифференциация коммуникации, обусловленная этническими факторами. Г. Гарфинкель утверждает индексность коммуникации, под индексами он понимает ситуативные коммуникативные средства – составляющие языка, призванные выявлять взаимосвязи, придающие вещам смысл. При деиндексации, которая является попыткой производства общего смысла, высказывания становятся объективными, то есть понятными без контекста. Смысловая неопределенность высказываний является социально приемлемой во избежание недопонимания в ситуации разницы контекстов у участников коммуникации. Этнометодологи выявили конвенциональный характер смыслов, однако, свели вопрос коммуникации к индивидуальным взаимодействиям.

Свой вклад в разработку понятия коммуникации внесли также культурологи. Так, согласно концепции «диалога культур» В.С. Библера, их развитие идет полифонично, причем обязательно участие в нем и человека – носителя культуры. «В XX веке типологически различные „культуры“ (целостные кристаллы произведений искусства, религии, нравственности...) втягиваются в единое временное и духовное „пространство“, странно и мучительно сопрягаются друг с другом, почти по-боровски „дополняют“, то есть исключают и предполагают друг друга» [2]. Сосуществование, одновременность различных культур В.С. Библер считает культурным фактом современности.

У. Эко подходит к вопросу коммуникации с семиотических позиций, включая в сферу семиологии окружающий нас мир, все культурные явления ко-

того суть системы знаков и феномены коммуникации. «В мире знаков семиология раскрывает мир идеологий, нашедших свое выражение в уже устоявшихся способах общения» [13, с. 38]. К самой просто коммуникативной модели У. Эко относит передачу информации между механическими устройствами. В этой модели используются источник, передающее устройство, канал связи, преобразующий сигналы в сообщение приемник. При передаче и дешифровке информации используется код – «модель, являющаяся результатом ряда условных упрощений, производимых ради того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений» [13, с. 83]. При передаче сообщений могут возникать шумы в канале связи – помеха, искажающие сигнал и могущие повлиять на его толкование. Поэтому может вводиться репертуар символов, помогающий различить сигнал и не-сигнал через систему вероятностей.

При вводе в систему человека источник и передающее устройство совмещаются, а в системе появляется еще и отправитель. При включении человека в модели коммуникации появляется такое понятие, как смысл, так как человек улавливает не только денотативное, но и коннотативное значение сообщения. Коннотат улавливается вторичным кодом, или лексикодом, который является изменчивым, зависящим от говорящего и его социального контекста. При этом У. Эко ставит вопрос, не предопределено ли то, что говорят люди, тоже кодом, который в этом случае будет выступать подлинным источником информации. По мнению У. Эко, этот вопрос – главный в философии языка.

При отправлении и дешифровке сообщения могут использоваться различные коды, что приведет к ошибочной дешифровке. Сократить разброс денотативных значений может контекст ситуации. «Коммуникативные обстоятельства – это такая реальность, в которой я, наученный опытом, выбираю значения» [13, с. 89]. Однако амплитуда колебаний смысла в коннотате при этом останется весьма широкой. Лексикоды отправителя и адресата могут не совпадать, а сообщению в этом случае, как пустой форме, можно приписать разные значения. Сообщение, значение для которого выбирает адресат на основании своего лексикода, может порождать новые сообщения. Разрабатывая идею кода, У. Эко, по сути, говорит о метаязыке высказываний.

М. Мак-Люэн и А. Моль также работали в русле культурологического аспекта коммуникации. М. Мак-Люэн рассматривает смену информационных эпох как детонатор культурного развития. Всего этих эпох выделяется четыре: аудиальная, визуальная, печатная и электронная. Письмо, связанное с рациональностью, линейностью мышления, изъяло человечество из симультанного и синкретичного мира племенного уклада, мифа и магии: «Миф, подобно афоризму или максиме, характерен для устной культуры» [6, с. 38]. Письмо эмансипировало индивида. В связи с книгопечатанием, зафиксировавшим точку зрения, появилась трехмерность в «унифицированном пространстве» [6, с. 168]. Возникли специализации, конвейер, товары стали однотипными и воспроизводимыми. Переход к электрической эпохе, когда возможно глобальное взаимо-

действие, означает поворот обратно – к аудиальному миру, где господствует симультанность. «Теперь перед нами открывается возможность научиться жить даже не только как амфибии, т.е. в двух сопредельных мирах, а плюралистично – во множестве миров и культур одновременно» [6, с. 46]. При всей оригинальности концепции развития культуры с позиции носителей информации, в ней игнорируется сам характер информации.

Согласно воззрениям А. Моля, культура есть «множество сообщений» [7, с. 103]. Социокультурный цикл в теории А. Моля составляют три элемента: распространение авторской идеи в социальной микросреде с последующим ее переходом посредством СМИ в макросреду, замкнутость цикла, в котором новые идеи появляются на основе старых, и обратная связь, когда общественное мнение воздействует на автора или на культурную политику в целом. В качестве каналов, по которым распространяется культура и в зависимости от которых различаются циклы, выступают искусство, печать, речь, наука и образование, музыка. А. Моль проследил связь коммуникации с распространением культуры, однако, проигнорировал межиндивидуальные взаимодействия, сделав главным актором культуры творца.

Итак, в результате анализа различных социологических и культурологических концепций можно вычленишь объединяющее их признание ключевой роли коммуникации в функционировании социума и культуры. При этом коммуникация происходит как на микро-, так и на макроуровнях социального взаимодействия. Ряд же «культурологических» концепций расширяет данное понятие до самых широких масштабов диалога культур, в который вовлекаются не только все человечество на протяжении его существования, но и вся совокупность явлений духовной и материальной культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белл Д. Грядущее постиндустриального общества. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
2. Библер В. С. На гранях логики культуры [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bibler.ru/bim_ng_ot_a.html (Дата обращения: 28.02.2016).
3. Жданов С. С. Немецкость как воплощение порядка в русской литературе: от Н. В. Гоголя до С. Черного // Вестник СГУГиТ. – 2015. – Вып. 2 (30). – С. 151–163.
4. Жданов С. С., Гаузер И. В. Зримый и скрытый аспекты теофании в картине Диего Веласкеса «Венера с зеркалом» как предмет художественной коммуникации // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2015. XI Междунар. науч. конгр. : Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность» : сб. материалов в 2 т. (Новосибирск, 13–25 апреля 2015 г.). – Новосибирск : СГУГиТ, 2015. Т. 2. – С. 61–65.
5. Луман Н. Общество как социальная система. – М. : Логос, 2004. – 232 с.
6. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. – К. : Ника-Центр, 2003. – 432 с.
7. Моль А. Социодинамика культуры / пер. с фр.; предисл. Б. В. Бирюкова. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 416 с.
8. Морозова Н. Г. Коммуникативные и эстетические аспекты литературного творчества студентов вуза // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2016. XII Междунар. науч. конгр. : Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современ-

ность» : сб. материалов в 2 т. (Новосибирск, 18–22 апреля 2016 г.). – Новосибирск : СГУГиТ, 2016. Т. 2. – С. 96–99.

9. Тихомирова Е. Е. Культурные и языковые универсалии как основа вхождения в культуру // РОССИЯ И КИТАЙ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВ: материалы 2-й международной научно-практической конференции / отв. ред. Д. В. Буяров. – 2012. – С. 290–295.

10. Тихомирова Е. Е., Чапля Т. В. Модели коммуникации: в 2 т. Т. 1. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – 137 с.

11. Шарков Ф.И. Основы теории коммуникации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.smolsoc.ru/images/referat/a848.pdf> (дата обращения: 20.12.2016).

12. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. – М. : Общественное мнение, 2003. – 336 с.

13. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. – СПб. : Симпозиум, 2006. – 544 с.

14. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М. : Политиздат, 1991. – 527 с.

© И. В. Гаузер, 2017

**О НЕКОТОРЫХ СИНТАКТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА
П. Г. ВУДХАУЗА «JEEVES AND THE SONG OF SONGS»)**

Арсентий Игоревич Бочкарев

Новосибирский государственный технический университет, 630073, Россия, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20, кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков технических факультетов, тел. (952)907-43-36, e-mail: arsentiy_87@mail.ru

В данной статье рассматриваются синтаксические макроструктуры юмористического рассказа П. Г. Вудхауза «Jeeves and the Song of Songs». Кроме того, данный текст определяется как сложная иерархическая структура.

Ключевые слова: текстовые примитивы, спутник, ядро, нарративный тип текста.

**SYNTACTIC PECULIARITIES OF LINGUOSEMIOTIC ANALYSIS OF TEXTS
(BASED ON «JEEVES AND THE SONG OF SONGS» BY P. G. WODEHOUSE)**

Arsentiy I. Bochkaev

Novosibirsk State Technical University, 630073, Russia, Novosibirsk, 20 K. Marx, Ph. D., Head of the Department, Department of Foreign Languages of Engineering Faculties, tel. (952)907-43-36, e-mail: arsentiy_87@mail.ru

The article considers syntactic macrostructures of humorous story «Jeeves and the Song of Songs» by P. G. Wodehouse. Moreover, this text is determined as a complex hierarchical structure.

Key words: text primitives, satellite, nucleus, narrative text type.

Проблеме классификации текстовых структур посвящено множество работ, особенно в рамках теории текста. Основные подходы к решению данной проблемы освещены в таких обобщающих работах как «Лингвистика текста» [5] и «Анализ дискурса в когнитивной перспективе» [2].

В работе «Текстовые примитивы» произведена попытка решить представленную проблему с точки зрения лингвосемиотики, т.е. рассматриваются знаковые характеристики текста [1]. Любой знак состоит из трех сторон: семантика, синтактика и прагматика [3]. Семантика «имеет дело с отношениями знаков, к тому, что они означают, к объектам действительности и понятиям о них», синтактика – «с отношениями знаков друг к другу», прагматика «с отношениями знаков к человеку, который ими пользуется» [4, с. 3]. Соответственно, текстовое пространство разбивается на элементарные составляющие, которые предлагается называть текстовыми макроструктурами или *текстовыми примитивами*. Далее я выделяю основные синтаксические, прагматические и семантические макроструктуры (примитивы). Существуют следующие основные синтаксические примитивы: безъядерная, одноядерная и многоядерная. К основным прагматическим примитивам относятся: недостаток или отсутствие информации/действия; несоответствие информации/действия; фатические.

Также нами были выделены следующие основные семантические примитивы: тематика текста, перформативность – неперформативность, фиксированность – нефиксированность, гомогенность – гетерогенность, экспрессивность – неэкспрессивность, уверенность – неуверенность, реальность – гипотетичность – нереальность, эмоциональность – неэмоциональность, известность – неизвестность.

В данной статье я проанализирую синтаксические особенности рассказа П.Г. Вудхауза "Jeeves and the Song of Songs", для того чтобы на конкретном примере показать, как работает лингвосомиотический анализ.

Синтаксическая макроструктура анализируемого рассказа состоит из трех уровней.

На первом уровне текст разделяется на пять текстовых фрагментов, где каждый компонент структуры связан логико-синтаксическими отношениями с примыкающими к нему компонентами.

Соответственно, в данном случае мы имеем дело с цепочечной одноядерной макроструктурой: ПреСателлит 1 → ПреСателлит 2 → ПреСателлит 3 → ПреСателлит 4 → ПреСателлит 5 → ПреСателлит 6 → Ядро.

В данном рассказе смена компонентов обусловлено изменением пространственно-временного континуума. Только при переходе ПреСателлита 3 к ПреСателлиту 4 у коммуникантов не происходит изменения локации или времени. Тем не менее, на наш взгляд, данные компоненты все же следует разграничить друг от друга, так как в ПреСателлите 4 происходит развитие действия, обозначенного в ПреСателлите 3. Кроме того, в ПреСателлите 4 происходит значимая смена коммуникантов.

Для наглядной иллюстрации анализа считаю целесообразным представить краткий обзор каждого текстового элемента.

Действие ПреСателлита 1 происходит в ванной комнате. Вустер сидит в ванне и поет песню "Sonny boy" к нему заходит Дживс и сообщает о том, что пришел Таппи.

Действие ПреСателлита 2 происходит в гостиной. Таппи наигрывает на пианино "Sonny boy". Далее идет диалог между Вустером и Таппи о помолвке Таппи с Корой (оперной певицей), Таппи просит опровергнуть нежелательную информацию перед Корой и предупреждает Вустера о том, что они придут к нему с Корой вечером. Затем Таппи уходит и Вустер начинает рассказывать историю, которая произошла с ним и Таппи в "Трутнях"

Действие ПреСателлита 3 происходит в той же гостиной в обед. Данный текстовый фрагмент начинается с описания Кору. Она описывается как властная и сильная женщина, которая полностью управляет Таппи. Когда Кора уходит, Таппи заявляет, что будет петь "Sonny boy" в баре в Ист-Энде.

Действие ПреСателлита 4 разворачивается в той же гостинице в то же время. Появляется тетя Далия, при этом Таппи незаметно уходит. Вустер говорит Дживсу, что не одобряет выбор песни Таппи и удивляется тому, куда исчез Таппи. Дживс связывает это исчезновение с приходом тети Далии. Далее следует описание тети Далии. Тетя рассказывает Вустеру о том, что Таппи бросил Анжелу (дочь тети Далии) ради Кору. Анжела описывается как красивая, но не

волевая девушка. В конце диалога тетя просит подключить Дживса для решения данной проблемы. Вустер соглашается.

Действие ПреСателлита 5 происходит в той же гостиной на следующий день. Представленный текстовый фрагмент начинается с описания Дживса. Далее следует полилог между Вустером, Дживсом и тетей Далией. Дживс предлагает Вустеру исполнить "Sonny boy" до Таппи, чтобы публика не воспринимала данную песню при исполнении Таппи и Кора разочаровалась в Таппи.

Действие ПреСателлита 6 происходит в баре. Данный текстовый фрагмент начинается с описания бара. Далее идет диалог между Дживсом и Вустером. Дживс советует Вустеру сходить в соседнее заведение и выпить там для храбрости (то же самое он посоветовал и Таппи, что наводит нас на мысль, что итоговая комбинация сложнее той, что он описал Вустеру). Затем идет описание посещения бара Вустером. Потом Вустер возвращается и поет "Sonny boy". После него на сцену выходит Таппи и тоже поет "Sonny boy". Публика освистывает Таппи и закидывает его огурцами и помидорами. Оказывается, что эту песню уже исполняли дважды до Вустера. Выясняется, что Кора задерживается и не видела выступления Таппи. Создается впечатление, что план провалился. Вустер уходит домой, Дживс остается.

Действие Ядра происходит в гостиной Вустера, где он выпивает после трудного дня. Неожиданно в гостиной возникает Таппи с подбитым глазом и сообщает о том, что расстается с Корой по собственному желанию. Он просит Вустера помочь ему возобновить отношения с Анжелой. Вустер помогает ему. Далее приходит Дживс и рассказывает Вустеру о том, что он также попросил и Кору исполнить "Sonny boy". Кору освистали, так как она была пятой исполнительницей данной песни. Она обиделась на Таппи, поставила ему фингал и разорвала помолвку.

На втором уровне каждый текстовый фрагмент имеет свою структуру, при этом следует отметить, что весь текст в целом и каждый компонент в отдельности реализуют разные подвиды нарративной текстовой структуры. Мы остановимся на структуре Ядра.

В данном случае реализуется следующая цепочечная одноядерная макро-структура: ПреСателлит 1 → ПреСателлит 2 → ПреСателлит 3 → Ядро → ПостСателлит

В анализируемом случае мы имеем дело с классической нарративной структурой. Ядром данной текстовой структуры является кульминация.

На третьем уровне каждый из компонентов представляет собой текстовый континуум, состоящий из речевых актов, связанных друг с другом логико-синтаксическими отношениями. Проанализируем подробно кульминацию данного текстового фрагмента. Кульминация данного текстового фрагмента и всего рассказа выглядит следующим образом:

1) *He had barely biffed,* 2) *when I heard a click in the keyhole and a soft padding in the passage without.* 3) *"Jeeves," I called.* 4) *"Sir?" said Jeeves, manifesting himself.* 5) *"Jeeves, a remarkably rummy thing has happened.* 6) *Mr. Glossop has just been here.* 7) *He tells me that it is all off between him and Miss Bellinger."* 8) *"Yes,*

... sir." 9) "You don't seem surprised." 10) "No, sir. 11) I confess I had anticipated some such eventuality." 12) "Eh? 13) What gave you that idea?" 14) "It came to me, sir, when I observed Miss Bellinger strike Mr. Glossop in the eye." 15) "Strike him!". 16) "Yes, sir." 17) "In the eye?" 18) "The right eye, sir." 19) I clutched the brow 20) "What on earth made her do that?" 21) "I fancy she was a little upset, sir, at the reception accorded to her singing." 22) "Great Scott! 23) Don't tell me she got the bird, too?" 24) "Yes, sir." 25) "But why? 26) She's got a red-hot voice." 27) "Yes, sir. 28) But I think the audience resented her choice of a song." 29) "Jeeves!" 30) Reason was beginning to do a bit of tottering on its throne. 31) "You aren't going to stand there and tell me that Miss Bellinger sang 'Sonny Boy,' too!" 32) "Yes, sir. 33) And – rashly, in my opinion – brought a large doll on to the platform to sing it to. 34) The audience affected to mistake it for a ventriloquist's dummy, 35) and there was some little disturbance."

Схему взаимодействия речевых актов в данном текстовом фрагменте иллюстрирует следующая последовательность: ПреСателлит 1 → ... → ПреСателлит 31 → Ядро → ПостСателлит 33 → ... → ПостСателлит 35

Следует отметить, что остальные текстовые фрагменты могут быть проанализированы по тому же принципу. Кроме того, основываясь на анализе текстов можно сделать вывод, что цепочечная одноядерная макроструктура характерна, прежде всего, для нарративных текстовых структур.

К возможным недостаткам представленного подхода можно отнести его «громоздкость», т.е. для анализа одного рассказа потребуется огромное количество текстового пространства. С другой стороны, это говорит о том, что данные полученные при помощи лингвосомиотического анализа достоверны и очень подробны. Дальнейшая перспектива развития модели лингвосомиотического анализа видится в его оптимизации.

Итак, в данной статье я применил лингвосомиотический анализ к юмористическому тексту "Дживс и песня песней".

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бочкарев А. И. Текстовые примитивы // Научный диалог. – 2016. – №8(56). – С. 9–20.
2. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: диссертация ... доктора филологических наук. – М., 2003. – 90 с.
3. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Отв. ред. Ю.С. Степанов. – М. : Радуга, 1983. – С. 37–89.
4. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М. : Наука, 1985. – 336 с.
5. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

© А. И. Бочкарев, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

1. <i>Л. И. Горохова, И. В. Парко.</i> Сбываются ли мечты?	3
2. <i>В. Н. Шумилов.</i> «Предать суду военного трибунала»	8
3. <i>В. И. Шашков.</i> Советская Россия (СССР) и Прибалтика в 1930-е годы (к истории вопроса)	15
4. <i>Т. В. Чапля.</i> Архитектура и общественное поведение	20
5. <i>Д. Г. Хаяров.</i> Реалии повседневной жизни инвалидов Великой Отечественной войны в Западной Сибири в первые послевоенные годы и продовольственная проблема	25
6. <i>Е. В. Сотникова.</i> Самодеятельное народное творчество в Сибири: к 120-летию со дня рождения И. И. Маланина	28
7. <i>О. Н. Сидорчук.</i> «Энциклопедия впечатлений»: источниковедческий потенциал путеводителей XIX–XX вв.	31
8. <i>Е. И. Петрова.</i> Гуманитарные аспекты экологического туризма	36
9. <i>Д. В. Пархоменко, А. В. Цуканов, И. В. Ленишина.</i> Проблемы проведения земельной реформы в Казахстане	40
10. <i>И. В. Парко, В. Г. Дамм, А. В. Симкина.</i> 65 лет как один миг. Из истории Новосибирского планетария	45
11. <i>А. Г. Осипов, В. Н. Савиных, Н. Н. Макаренко.</i> Высшая школа в дискурсе глобализации	51
12. <i>И. В. Лизунова, А. С. Метельков.</i> Сибирские литературно-художественные журналы XXI в.: новая среда бытования	55
13. <i>М. Н. Колоткин.</i> Судьбы «националов» сибирской деревни в условиях репрессий 1937–1938 гг.	61
14. <i>В. Г. Кокоулин.</i> Власть в Красноярске после разгрома Колчака (декабрь 1919 – январь 1920 г.)	65
15. <i>О. Н. Катионов.</i> Электронный каталог печатных карт Сибири и Дальнего Востока XVIII – начала XX в.	71
16. <i>Ю. И. Казанцев.</i> Негосударственные вузы в Западной Сибири: прошлое без определенного будущего	76
17. <i>Е. Э. Казаков.</i> Проблемы конструирования социальной реальности и социализация	81
18. <i>А. В. Добровольский.</i> Закрытые письма секретарей губкомов РКП(б) о нелегальной деятельности эсеров в Сибири (1922–1923 гг.)	84
19. <i>В. В. Видеркер.</i> Типологические особенности межкультурного диалога в русском символизме	89
20. <i>В. Н. Болоцких.</i> Гибель СССР. Есть ли загадка?	94
21. <i>А. А. Алексеев.</i> Социальная история Великой Отечественной войны. Оккупация Северо-Запада России и эвакуация в Сибирь	100

22. <i>А. С. Акопянц.</i> Национальный вопрос в публицистике российских социал-демократов (1903–1917 гг.)	104
23. <i>Е. Е. Тихомирова.</i> Локус «Сибирь» в творчестве Г. Д. Гребенщикова	109
24. <i>О. В. Дубкова.</i> Когнитивное пространство в сунской поэзии	114
25. <i>М. В. Захарова-Саровская, Х. Д. Закирова.</i> Восприятие сложных слов-наименований единичных объектов на материале названий фирм в русском и узбекском языках	123
26. <i>Н. А. Аблова.</i> Коннотация как семантико-стилистическая, прагматическая, социолингвистическая и лингвокультурологическая составляющая прозвищ.....	129
27. <i>Н. Г. Морозова.</i> Актуализация потребности в профессиональных компетенциях в рамках изучения дисциплины «Культура речи и деловое общение»	134
28. <i>С. С. Жданов.</i> Путешествие по Рейну: Гейне – Черный (к истории мотива)	139
29. <i>И. В. Гаузер.</i> Коммуникация в рамках социологической и культурологической парадигм.....	146
30. <i>А. И. Бочкарев.</i> О некоторых синтаксических особенностях лингвосемиотического анализа текста (на примере рассказа П. Г. Вудхауза «Jeeves and the Song of Songs»).....	152

CONTENTS

1. <i>L. I. Gorokhova, I. V. Parko</i> . Do the dreams come true?	3
2. <i>V. N. Shumilov</i> . «To be cour – martialed»	8
3. <i>V. I. Shashkov</i> . Soviet Russia (USSR) and Baltic region in 1930 (to the history of the issue)	15
4. <i>T. V. Chaplya</i> . Architecture and social behavior	20
5. <i>D. G. Khayarov</i> . Disabled war veterans everyday life in postwar West Siberia and food problem	25
6. <i>E. V. Sotnikova</i> . Folk art in Siberia: in memory of I. I. Malanin’s 120th anniversary	28
7. <i>O. N. Sidorchuk</i> . «The encyclopedia of impressions»: the source potential of the guides of the XIX–XX centuries.....	31
8. <i>E. I. Petrova</i> . Human aspect of ecological tourism	36
9. <i>D. V. Parkhomenko, A. V. Tsukanov, I. V. Lenshina</i> . Land reform problems in republic of Kazakstan.....	40
10. <i>I. V. Parko, V. G. Damm, A. V. Simkina</i> . 65 years like one instant. From the history of Novosibirsk's planetarium.....	45
11. <i>A. G. Osipov, V. N. Savinykh, N. N. Makarenko</i> . The higher school in the globalization discourse	51
12. <i>I. V. Lizunova, A. S. Metelkov</i> . Siberian literary-art lournals in 21st century: new onditions of existence	55
13. <i>M. N. Kolotkin</i> . Fates of Siberian village «nationals» under conditions of repressions of 1937–1938.....	61
14. <i>V. G. Kokoulin</i> . Power in Krasnoyarsk after the Kolchak defeat (December 1919 – January 1920)	65
15. <i>O. N. Kationov</i> . Electronic catalog of printed maps of Siberia and the Far East XVIII – early XX century	71
16. <i>Yu. I. Kazantsev</i> . Private universities of Western Siberia: the past with no certaintj of future	76
17. <i>E. E. Kazakov</i> . Construction of social reality and socialization	81
18. <i>A. V. Dobrovolsky</i> . Closed letters from the secretary provincial committee of the RCP(b) on the illegal activities SRs in Siberia (1922–1923).....	84
19. <i>V. V. Viderker</i> . Typological peculiarities of the cross-cultural dialogue in Russian symbolism.....	89
20. <i>V. N. Bolotskikh</i> . The death of the Soviet Union. Is there a mystery?	94
21. <i>A. A. Alexeyev</i> . Social history of Great Patriotic War. Occupation of North-West of Russia and evacuation to Siberia	100
22. <i>A. S. Akopyants</i> . National question in the journalist of Russian social-democracy (1903–1917).....	104

23. <i>E. E. Tikhomirova</i> . Locus «Siberia» in G. D. Grebenshchikov's creativity	109
24. <i>O. V. Dubkova</i> . Cognitive space in the sung poetry	114
25. <i>M. V. Zakharova-Sarovskaya, Kh. D. Zakirova</i> . Speech perception of compound words-new names of brands in Russian and Uzbek languages.....	123
26. <i>N. A. Ablova</i> . Connotation as a semantic-stylistic, pragmatic, sociolinguistic and linguocultural component of the nicknames	129
27. <i>N. G. Morozova</i> . The actualization of the needs for professional competences in the framework of the discipline «Culture of speech and business communication».....	134
28. <i>S. S. Zhdanov</i> . Journey along the Rhine: Heine – Chorny (to the history of a motif).....	139
29. <i>I. V. Gauzer</i> . Communication as part of sociological and cultural paradigmas.....	146
30. <i>A. I. Bochkarev</i> . Syntactic peculiarities of linguosemiotic analysis of texts (based on «Jeeves and the Song of Songs» by P. G. Wodehouse).....	152

Научное издание

ХIII Международные научный конгресс и выставка

ИНТЕРЭКСПО ГЕО-СИБИРЬ-2017

Международная научная конференция

ГЕОПРОСТРАНСТВО В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

Т. 1

Сборник материалов

Материалы публикуются в авторской редакции

Компьютерная верстка *К. В. Ионко*

Изд. лиц. ЛР № 020461 от 04.03.1997.

Подписано в печать 24.04.2017. Формат 60 × 84 1/16

Печать цифровая.

Усл. печ. л. 9,32. Тираж 100 экз. Заказ .

Редакционно-издательский отдел СГУГиТ
630108, Новосибирск, 108, ул. Плахотного, 10.

Отпечатано в картопечатной лаборатории СГУГиТ
630108, Новосибирск, 108, ул. Плахотного, 8.